

ТВОРЕНІЯ
ТЕРТУЛЛІАНА,

ХРИСТІАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ ВЪ КОНЦѢ ВТОРАГО И ВЪ
НАЧАЛѢ ТРЕТЬЯГО ВѢКА.

Переводъ Е. Карнеева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Евмк. Замчалитъ
И. Сентъ. ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
Касатъомъ Кораблева и Сирякова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1849.

**Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Ценсуры печатать
позволяется. Декабря 22 дня 1848 года.**

Ценсоръ Архимандритъ Аввакумъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Квинтъ, Септимій, Флоръ *Тертуліанъ* родился въ городѣ Карѳагенѣ, что въ Африкѣ, около 145 или 150 года по рождествѣ Христовѣ. Онъ лишился еще въ дѣтствѣ отца своего, который былъ сотникомъ въ войскахъ Африканскаго Проконсула, и по смерти его въ матери своей нашелъ для себя попечительную и просвѣщенную руководительницу. Будучи надѣленъ отъ природы живымъ воображеніемъ, тонкимъ умомъ и даромъ слова, онъ пріобрѣлъ ранніе успѣхи во всѣхъ языческихъ наукахъ, и сдѣлался учителемъ Реторики. Въ сіе время онъ по собственному сознанію увлеченъ былъ во всѣ безразсудства молодости; но плотскія услажденія не могли удовлетворить пылкой его души. Для него потребно было или обширное поле сраженія, гдѣ бы онъ могъ подвизаться, или спасительное иго, которое бы его укрощало. То и другое обрѣлъ онъ въ идеяхъ Христіанскихъ.

Неизвѣстно, когда именно *Тертуліанъ* сдѣлался Христіаниномъ. До того долгое время вооружался онъ противъ Христіанства; но потомъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ его защитниковъ. Изъ сочиненій его

можно догадываться, что на него сильно подѣйствовало зрѣлище мужества, оказываемаго мучениками; и онъ, какъ обыкновенно съ великодушными людьми случается, изъ врага обратился въ друга гонимыхъ. Полагаютъ, что это произошло въ 185 году. Въ слѣдующемъ году онъ женился на Христіанкѣ. Ему пельзя было долго оставаться въ ряду обыкновенныхъ подвижниковъ воипства Христова. Онъ восхотѣлъ сражаться во главѣ всякаго рода опасностей, и въ 195 году удостоенъ былъ званія священника. Освободясь отъ порывовъ молодости, жилъ онъ съ женою въ супружеской вѣрности. Онъ написалъ для нея посланіе, въ которомъ совѣтуетъ ей въ случаѣ смерти его соблюдать воздержаніе и пребыть вдовою.

Тертуліанъ не могъ покаряться простому методическому ходу тогдашняго Христіанскаго общества. Жестокость гоненій, какъ выше примѣчено, открыла ему путь къ новому вѣрованію. Душа его жаждала искать сугубыхъ опасностей, достигать высшаго совершенства, приносить тяжкія жертвы, добиваться большей славы. Ему казалось, что тогдашніе Христіане не усердно молятся, не довольно мужественно переносятъ лишения и муки. По его мнѣнію жизнь есть такая борьба, гдѣ только одна великодушная смерть можетъ пріобрѣсть побѣду. Италіанское духовенство, не столько ревностное, какъ Африканскій священникъ, предписало ему поступать спяходительнѣе съ слабыми Христіанами. Онъ на сіе вознегодовалъ. Духовенство съ своей стороны прогнѣвалось на него за то, что онъ

выходитъ изъ границъ умеренности, и слѣдуетъ по стезямъ *Монтана*, который портилъ все преувеличиваніемъ и заставляя людей соблюдать такое совершенство, которое превышало ихъ силы. *Тертуллианъ*, выведенный изъ терѣнія, публично отрекся отъ Римскаго духовенства, и слѣлался Монтанистомъ.

Причиною переменъ сей вѣроятно было то, что такъ какъ Монтанисты показывали видъ, будто держатся строжайшей дисциплины, хранятъ больше воздержаніе, соблюдаютъ частые посты, умножаютъ молитвы и богомоліе, возносятъ мученичество до того, что не допускаютъ ни бѣгства отъ мукъ ни выкупа за себя деньгами: то *Тертуллианъ*, коего умъ и безъ того вдавался въ крайности, охотно принялъ ученіе, столь много согласовавшееся съ его характеромъ. Это случилось кажется около 199 года.

Отпавши отъ Римской Христіанской церкви, онъ тѣмъ не менѣе защищалъ Христіанство, и возставалъ противъ сектъ, стремившихся дѣлаться пезависимыми. Между тѣмъ онъ скоро убѣдился въ погрѣшностяхъ ученія новыхъ друзей своихъ Монтанистовъ, и составилъ, говорятъ, собственную секту, слѣды которой видны были въ Африкѣ и во времена блаженнаго *Августина*, то есть, въ началѣ пятаго вѣка.

Послѣднія творенія *Тертуллиановы* ограничиваются 217 и 218 годами. Полагаютъ, что онъ умеръ около 220 года. Знаменитѣйшее его твореніе есть *Апология* или защищеніе Христіанъ противъ язычниковъ. Къ похвалѣ *Тертуллиана* должно сказать, что многіе уче-

ные и благочестивые мужи питали къ нему особенное уваженіе. Между прочими св. мученикъ *Кипріанъ*, епископъ Карфагенскій, жившій въ третьемъ вѣкѣ вскорѣ послѣ него, столько былъ къ нему привязанъ, что не иначе именовалъ его, какъ своимъ учителемъ. *Тертуліанъ* былъ едва ли не первый западный Христіанскій писатель, процвѣтавшій во времена язычества почти прежде всѣхъ извѣстныхъ святыхъ отцевъ.

Въ Христіанскомъ чтеніи на 1842 годъ въ Іюньской и Іюльской книжкахъ изчислены и изложены въ сокращенномъ видѣ всѣ творенія *Тертуліановы*. Но чтобы основательно судить о писателѣ, надобно читать сочиненія его въ полнотѣ. Здѣсь предлагается такъ сказать половина твореній сего замѣчательнаго Писателя. Въ нихъ много занимательнаго, любопытнаго и поучительнаго, а особливо въ отношеніи къ древнимъ обычаямъ и къ первоначальному образу Христіанскаго вѣроисповѣданія. Прочія его сочиненія писаны въ томъ же духѣ; но оставлены на сей разъ безъ перевода потому, что нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ повтореніе почти однихъ и тѣхъ же предметовъ, а другія исполнены темпоты, сбивчивости и ошибокъ, вкравшихся вѣроятно отъ переписчиковъ его твореній до изобрѣтенія книгопечатанія. Впрочемъ довольно и издаваемыхъ нынѣ статей, чтобы получить полное понятіе о твердости и строгости характера *Тертуліана* и о его обширныхъ во всемъ свѣдѣніяхъ, начитанности и учености.

Е. КАРНЕЕВЪ.

ТВОРЕНІЯ ТЕРТУЛІАНА.

Евм. Ламосейн,

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

АПОЛОГІЯ,

ИЛИ

ЗАЩИЩЕНІЕ ХРИСТІАНЪ ПРОТИВЪ ЯЗЫЧШКОВЪ (*).

I. Если вы, верховные правители Римской Имперіи, изрекающіе судъ публично, занимая высшія мѣста въ государствѣ, не имѣете власти предъ очами народа производить точныхъ изысканій относительно Христіанъ; если страхъ или другія человѣческія уваженія заставляютъ васъ въ семъ единственно случаѣ отступать отъ строгихъ правилъ правосудія; если ненависть къ Христіанскому имени, удобопреклонная къ пріятію, какъ недавно случилось, домашнихъ извѣтовъ, угрожаетъ вамъ путь ко всякому судебному разбирательству: то по крайней мѣрѣ да достигнетъ истина до слуха вашего посредствомъ скромныхъ моихъ письменныхъ изъясненій.

(*) Сочинена около 200 года по Р. Х.

Истина не требует милости, потому что гонение ее не удивляетъ. Чуждая на землѣ, она не сомнѣвается пайти себѣ здѣсь враговъ. Дщерь неба, она тамъ имѣетъ свой престолъ, тамъ обрѣтаетъ свои надежды, должное къ себѣ довѣріе и свою славу. Здѣсь желаетъ она только одного: не быть осужденною, прежде нежели будетъ выслушана. Какое опасеніе можете вы имѣть на счетъ вашихъ законовъ, дозволивъ истинѣ защищаться на сѣдалищѣ ихъ владычества? Не ужели власть сихъ законовъ возвеличится, когда вы станете осуждать истину, не выслушавъ ее? Но кромѣ ненависти, возбуждаемой столь вопіющею несправедливостію, вамъ предстоитъ еще опасность, чтобы не подать людямъ повола къ подозрѣнію, не потому ли вы отказываетесь выслушать ее, что сами увѣрены въ невозможности ее осудить, когда бы вздумали ее выслушать.

И такъ первое на насъ нападеніе состоитъ въ несправедливой ненависти къ Христіанскому имени.

Самое ваше невѣдѣніе сущности Христіанства, которое по видимому долженствовало бы извинить сію ненависть, служитъ явнымъ доказательствомъ вашей несправедливости, и дѣлаетъ ее еще болѣе преступною. Да и въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ больше быть несправедливость, какъ ненавидѣть то, чего мы не знаемъ, хотя бы неизвѣстная вещь сверхъ чаянія даже и достойна была ненависти? Нѣтъ сомнѣнія, что одно только знаніе преступленія, а не какая либо случайность, можетъ возбуждать прямую ненависть и служить ей законнымъ поводомъ. Но безъ знанія сего, какимъ образомъ оправдать вашу ненависть? Слѣдовательно вы ненавидите насъ именно потому, что насъ не знаете. Но развѣ не можетъ случиться съ вами, что

вы будете ненавидѣть то, что не заслуживаетъ ненависти.

Изъ сего мы заключаемъ, что во *первыхъ* вы не будете знать насъ до тѣхъ поръ, пока станете насъ ненавидѣть, и во *вторыхъ*, что вы будете ненавидѣть насъ несправедливо до тѣхъ поръ, пока насъ не узнаете. Незнаніе насъ, есть свидѣтельство, осуждающее васъ и служащее вамъ укоризною.

Все тѣ, которые прежде ненавидѣли насъ, не зная, что такое мы, перестаютъ насъ ненавидѣть, какъ скоро насъ узнаютъ. Они не медлятъ дѣлаться Христіанами, и вы сами должны сознаться, что они приступаютъ къ тому не безъ знанія дѣла. Они начинаютъ гнушаться тѣмъ, чѣмъ были, и возносить то, чѣмъ гнушались. Число ихъ нынѣ не обьятно. Вездѣ горько жалуется, что города, селенія, замки, острова наполнены Христіанами, что люди всякаго возраста, пола, званія, во множествѣ стекаются, чтобы вступить въ ихъ общество.

Не уже ли же не приходитъ вамъ на мысль, что въ Религіи нашей должно заключаться какое небудь сокровенное благо? Вы не хотите отстать отъ своихъ обидныхъ подозрѣній, в собственнымъ опытомъ удостовѣриться въ истинѣ: это единственный случай, на который любопытство ваше не простирается. Вамъ угодно оставаться въ невѣдѣніи о томъ, что другіе желаютъ знать съ удовольствіемъ, и между тѣмъ хотите насъ судить. Признаться, вы гораздо болѣе заслуживаете въ семъ случаѣ критику *Анахарсиса*, нежели тѣ люди, которые судятъ музыкантовъ, не зная музыки. Вы признаете за лучшее ничего не знать потому только, что приняли за правило ненавидѣть. Стало быть вы предполагаете, что какъ скоро узнаете то, чего не знаете: то вамъ нельзя уже будетъ нена-

видѣть того. Между тѣмъ, изслѣдовавъ истину, вы бы могли извлечь для себя два заключенія: или бы нашли, что нѣтъ поводовъ къ ненависти, и тогда бы отстали отъ нея; или бы открыли, что есть основательные поводы, и тогда бы ненависть ваша имѣла законные виды.

Но отъ того, говорите вы, что многіе люди пріемлютъ Христіанство, не слѣдуетъ еще, чтобы въ немъ заключалось какое либо благо. Мало ли людей ежедневно прилѣпляется къ злу? Мало ли измѣнниковъ добродѣтели? — Никто того не отвергаетъ. Однакожъ извѣстно, что и между тѣми людьми, которые увлекаются порокомъ, нѣтъ никого, кто бы порокъ признавалъ за добродѣтель. Природа наказываетъ зло или страхомъ или стыдомъ. Злые люди стараются скрываться, трепещутъ, когда бывають открыты, запираются при обвиненіяхъ, признаются во время только пытокъ или вовсе не признаются; по осужденіи же горько себя упрекають, приходятъ въ отчаяніе, или, не считая себя виновниками зла, въ которомъ уже сознались, приписываютъ безчиства и буйства свои судьбѣ или звѣздѣ своей.

Видано ли что подобное у Христіанъ? Никогда Христіанинъ не стыдится своего званія, не раскаивается, исключая развѣ въ томъ, что не всегда бываетъ истиннымъ Христіаниномъ. Будучи обличенъ въ Христіанствѣ, онъ поставляетъ въ томъ свою славу; въ случаѣ обвиненія не оправдывается; при допросахъ торжественно признается, что онъ Христіанинъ; когда бываетъ осужденъ, благословляетъ Бога. Какой страшный родъ зла, не имѣющій никакого свойста зла: ни страха, ни стыда, ни изворотовъ, ни раскаянія, ни сожалѣнія? Какое это зло, о которомъ мнимо-виновный радуется, которое при обвиненіи составляетъ предметъ

его желаній, которое при наказаніи поставляетъ онъ себѣ за честь? Вы не можете почитать фанатизмомъ того, чего не знаете.

II. Наконецъ если мы дѣйствительно преступники, и великіе преступники: то почему бы не поступать съ нами, какъ съ другими преступниками? Не уже ли за преступленія не должно поступать со всѣми равно? Другимъ обвиненнымъ позволяется защищать себя или собственными способами или посредствомъ наемныхъ адвокатовъ. Они вольны спорить и возражать, потому что законъ воспрещаетъ осуждать кого бы то ни было, не выслушавъ. Христіанамъ однимъ не позволено ничего говорить ни въ огражденіе своей невинности, ни въ защиту истины, ни къ воспрепятствованію несправедливаго суда. Судьи къ осужденію ихъ ожидаютъ только одного (и это одно нужно для удовлетворенія общей ненависти), ожидаютъ, чтобъ они назвали себя по имени: до преступленія ихъ никому дѣла нѣтъ. Напротивъ того въ отношеніи ко всякому другому преступнику не довольно того, чтобъ онъ призналъ себя челоукоубійцею, святотатцемъ, кровосмѣшителемъ, врагомъ государства (вотъ какія наименованія намъ приписываются); вы прежде осужденія спрашиваетесь еще съ документами, вы допрашиваете его обо всѣхъ обстоятельствахъ, о качествѣ дѣла, мѣстѣ, времени, образѣ, свидѣтеляхъ, соучастникахъ. Такъ надлежало бы равномерно помогать и отъ Христіанъ признанія во взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ, выводя наримѣръ на справку, сколько сожрали они дѣтей, сколько сдѣлали кровосмѣшеній во время мрака, какіе повара и какія собаки тутъ участвовали. Да и подлинно какую знаменитость пріобрѣлъ бы судья, обличившій Христіанина въ томъ, что онъ съѣлъ сотню дѣтей?

Между тѣмъ мы видимъ, что запрещено даже и розыски производить относительно Христіанъ. *Плиній младшій*, губернаторъ Воинцій, осудивъ на смерть нѣсколькихъ Христіанъ, а другихъ лишивши мѣсть, ужаснувшись отъ ихъ множества, спрашивалъ Императора *Траяна*, какъ съ ними впредь поступать. Въ письмѣ своемъ онъ изъясняетъ, что все то, что могъ открыть на счетъ таинства Христіанъ, кромѣ упорства ихъ, заключается въ слѣдующемъ: они передъ разсвѣтомъ дня собираются для пѣнія хвалебныхъ гимновъ Христу Богу своему, и соблюдаютъ между собою строгое благочиніе: у нихъ воспрещены человекоубійство, прелюбодѣяніе, обманы, измѣны и вообще всякого рода преступленія. *Траянъ* отвѣтствовалъ, что отыскивать ихъ не должно, но надлежитъ наказывать, когда будутъ заявлены. Странный и чудный приговоръ! *Траянъ* запрещаетъ отыскивать Христіанъ, потому что они невиновны, а между тѣмъ велитъ ихъ наказывать, какъ виновныхъ. Онъ шадитъ и казнить, лицемѣрствуетъ и осуждаетъ. За чѣмъ такъ грубо себѣ противорѣчить? Если ты осуждаешь Христіанъ: то за чѣмъ ихъ не отыскивать? А если не велишь ихъ отыскивать: то за чѣмъ не освобождаешь? Во всѣхъ провинціяхъ есть воинскіе отряды для сыска воровъ. Въ отношеніи къ преступникамъ противъ верховной власти и къ врагамъ государства, всякій подданный есть воинъ: розыски должны простираются на всѣхъ соучастниковъ, на всѣхъ соумышленниковъ. Однихъ Христіанъ не дозволено отыскивать: но дозволено заявлять, какъ будто бы отысканіе могло производить другое дѣйствіе, кромѣ заявленія. Ты осуждаешь заявленнаго Христіанина, и запрещаетъ его отыскивать. Стало быть онъ достоинъ казни не за то, что виновенъ, а за то, что заявленъ. Ты нарушаешь всѣ об-

ряды судопроизводства надъ одними Христіанами. Ты подвергаешь пыткамъ другихъ людей для того, чтобы заставить ихъ признаться, а Христіанъ для того, чтобы заставить ихъ отречься. Будьте увѣрены, что если бы имя Христіанина въ самомъ дѣлѣ было преступленіе: то мы бы отъ него конечно отреклись; и тогда должны бы вы были употребить муки, чтобы принудить насъ въ немъ сознаться.

Не говорите, что бесполезно требовать отъ Христіанъ признанія въ ихъ преступленіяхъ, потому что одно имя обличаетъ ихъ уже во всѣхъ сихъ преступленіяхъ. Но сами вы, когда челоукоубійца сознался уже въ своемъ преступленіи, не принуждаете ли его открыть еще и всѣ обстоятельства, съ нимъ сопряженныя, хотя вамъ и не безъизвѣстно, что такое есть челоукоубійство? Неправосудіе ваше къ Христіанамъ тѣмъ поразительнѣе, что вы, будучи подобнаго о нихъ мнѣнія, заставляете ихъ муками отречься отъ имени Христіанина, дабы слѣдовательно заставить ихъ отречься и отъ тѣхъ преступленій, которыя вы на имя ихъ ввоздите.

Для того ли вы это дѣлаете, что не хотите губить людей, почитаемыхъ вами за злодѣевъ? Вы говорите Христіанину, челоукоубійцѣ и святотатцу: отрекись. Но когда онъ продолжаетъ утверждать, что онъ Христіанинъ: то вы велите его терзать. Поступая съ ними столь противнымъ образомъ въ сравненіи съ другими преступниками, вы тѣмъ самымъ признаете насъ невинными. Вы не хотите, чтобы мы оставались при своемъ показаніи, которое за долгъ считаете осуждать, хотя и несправедливо. Челоукъ вопіетъ: я Христіанинъ. Онъ говоритъ то, что есть; а вы хотите слышать то, чѣмъ онъ не есть. Засѣдая въ судахъ для выслушанія истины отъ виновныхъ, вы хо-

тите однихъ насъ заставитьъ говорить вамъ ложь. Вы спрашиваете, Христіанинъ ли я: я отвѣчаю, что Христіанинъ; и вы приказываете меня мучить. Тутъ явная привязка. Я сознаюсь, и за то вы предаете меня пыткѣ. Что же бы было, когда бы я отрекся? Вы не легко соглашаетесь, когда кто другой запирается; намъ же тотчасъ вѣрите.

Такое испроверженіе порядка должно бы поселить въ васъ опасеніе: нѣтъ ли какой особой сокровенной силы, заставляющей васъ дѣйствовать вопреки всѣмъ обрядамъ, вопреки духу судопроизводства, вопреки всѣмъ законамъ. Если я не ошибаюсь, законы повелѣваютъ открывать виновныхъ, а не закрывать ихъ; осуждать ихъ, когда признаются, а не разрѣшать: это явственно предписываютъ опредѣленія Сената и указы Императоровъ.

Власть, въ которую вы облечены, не тираническая. Она основана на законахъ. Тиранамъ свойственно употреблять мучительства и пытки вмѣсто наказанія. Законъ дозволяетъ и вамъ пользоваться ими, дабы открыть истину. Употребляйте же ихъ, если угодно, но только до тѣхъ поръ, пока исторгнете признаніе. Но когда признаніе получено впередъ, тогда они уже бесполезны. Остается только слѣлать приговоръ, подвергнуть виновнаго заслуженной имъ казни, а не стараться избавить его отъ нея.

Что за судья, который бы вздумалъ оправдывать виновнаго? Онъ знаетъ, что это ему не позволено; а потому и не рѣшится принуждать его отречься на тотъ конецъ, чтобы вайти его невиннымъ. Но вы для оправданія заставляете отречься отъ своего имени Христіанина, почитаемаго вами виновнымъ во всѣхъ возможныхъ преступленіяхъ, Христіанина, по вашему мнѣнію врага боговъ, императоровъ, законовъ, нра-

вовъ, самой природы. Тутъ явное криводушіе. Вы хотите, чтобъ онъ отрекся отъ того, что составляетъ единственное его преступленіе, дабы объявить его невиновнымъ, такъ сказать, противъ воли, противъ самаго дѣла.

Какое странное ослѣпленіе не видѣть, что Христіанину должно скорѣе вѣрить, когда онъ самъ собою сознается въ томъ, что онъ есть, нежели когда жестокостію мукъ вынужденъ будетъ отъ того отречься! Можете ли вы положиться на исторгнутое такимъ образомъ отреченіе, и не имѣете ли вы повода опасаться, что оправданный вами Христіанинъ посмѣется потомъ надъ вами и сдѣлается по прежнему Христіаниномъ?

И такъ когда вы поступаете съ нами иначе, нежели съ другими преступниками, когда вы требуете отъ насъ только того, чтобы мы отреклись отъ имени Христіанина (а мы отрекаемся отъ него тогда, какъ дозволяемъ себѣ дѣлать то, что Христіанамъ запрещено): то вы изъ того можете ясно видѣть, что намъ не приписывается рѣшительно никакого преступленія, что вмѣняется намъ въ вину одно только наше имя. Соперничество Религій преслѣдуетъ имя сіе съ ожесточеніемъ. Оно мѣшаетъ вамъ изслѣдовать то, въ извѣданіи чего вы увѣрены. Вы вѣрите на счетъ нашъ тому, чего никто никогда не доказалъ, и не хотите дѣлать о томъ розысковъ, боясь, чтобы не открылось совсѣмъ тому противное. Вамъ угодно оставаться при своихъ предразсудкахъ, чтобъ имѣть возможность по одному нашему сознанію осудить ненавистное вамъ имя. Насъ подвергаютъ пыткамъ, когда мы сознаемся; насъ предають казни, когда мы остаемся непоколебимы; насъ освобождаютъ, когда мы отрекаемся: война тутъ идетъ противъ одного имени.

Почему въ смертныхъ приговорахъ осуждаете вы насъ, какъ Христіанъ, а не какъ челоуѣкоубійца, какъ кровосмѣсителей, какъ виновныхъ во всѣхъ взводимыхъ вами на насъ преступленіяхъ? Осуждая насъ, вы не смѣете именоватъ нашихъ преступленій: вы отъ того могли бы устыдиться. Но когда имя Христіанина само по себѣ не можетъ носить названія какого либо преступленія: то не верхъ ли безумія и жестокости довольствоваться однимъ именемъ, чтобы считать насъ преступниками?

III. Но что я говорю? Ненависть къ имени Христіанскому у большей части людей такъ слѣпа, что они, даже и хваля Христіанина, вмѣняютъ ему въ преступленіе имя его. *Кай*, говорятъ одинъ, хотя добродѣтельный челоуѣкъ, но Христіанинъ. Удивительно, говоритъ другой, что такой умный челоуѣкъ, какъ *Луцій*, сдѣлался вдругъ Христіаниномъ. Никто не замѣчаетъ, что *Кай* потому добродѣтеленъ, и *Луцій* потому уменъ, что они Христіане, или же, что они сдѣлались Христіанами потому, что были добродѣтельны и умны. Враги наши хвалятъ то, что знаютъ, и хулятъ то, чего не знаютъ, исказивъ то, что знаютъ, посредствомъ того, чего не знаютъ. Вмѣсто того, чтобы судить о томъ, чего не знаютъ, посредствомъ того, что знаютъ, они хулятъ то, что знаютъ, посредствомъ того, чего не знаютъ.

Другіе до того ослѣплены страстію, что говоря о Христіанахъ, которыхъ знали до обращенія ихъ, какъ людей, лишенныхъ добраго имени, они возносятъ ихъ похваламъ. Какъ, говорятъ, эта женщина такая развязная, такая кокетка, этотъ молодой челоуѣкъ, такой прежде цовѣса и гуляка, сдѣлались Христіанами! Честь исправленія ихъ сами они приписываютъ имени Христіанскому.

Нѣкоторые для удовлетворенія несправости своей жертвуютъ собственными выгодами. Мужъ, не имѣющій болѣе поводовъ къ ревности, разводится съ женою, которая, сдѣлавшись Христіанскою, стала цѣломудренна. Отецъ лишаетъ наслѣдства покорнаго сына, котораго прежніе безпорядки охотно сносилъ. Господинъ прогоняетъ отъ себя вѣрнаго раба, съ которымъ дотолѣ поступалъ кротко. Всякой человѣкъ, какъ скоро обращается въ Христіанство, дѣлается чрезъ то несправственнымъ. Несправность къ Христіанскому имени беретъ верхъ надъ всякимъ добромъ, истекающимъ отъ него. Но какое злодѣяніе можно приписывать имени, развѣ только, что оно противно слуху своимъ варварскимъ звукомъ, или что представляетъ уму мрачныя понятія, нечистые помыслы? Но ничего подобнаго нѣтъ въ имени *Христіанинъ*, которое взято отъ греческаго слова, означающаго *помазаніе*. Стало быть несправность простирается на имя, само по себѣ невинное, въ людяхъ, не подверженныхъ нарекацію.

Говорятъ, что несправна секта отъ имени ея учредителя. Но какая же тутъ новость, что ученики пріемлютъ имя своего учителя? Откуда происходятъ Платоники, Эпикурейцы, Пифагорейцы? Стоики и Академики получили названіе отъ мѣста своихъ собраній, медики отъ *Эразистрата*, грамматичи отъ *Аристарха*, повара отъ *Апиція*. Поставляется-ли имъ это въ преступленіе? Нѣтъ сомнѣнія, что когда бы было доказано, что секта дурна, что учредитель ея соблазнитель: то тѣмъ самымъ доказано бы было, что и имя ея дурно, но дурно по причинѣ секты и учредителя. А потому прежде, нежели имя Христіанина могло возбудить къ себѣ отвращеніе, надлежало бы постараться узнать въ точности секту посредствомъ учредителя, и учредителя посредствомъ секты. Но здѣсь безъ всякаго развѣды-

ваша, безъ всякаго розысканія о сектѣ и ея учредителѣ, начали вы обвинять и преслѣдовать имя Христіанина, начали осуждать религію Христіанъ и ея учредителя, совершенно не зная ни той ни другаго, по одному только ихъ имени.

IV. Послѣ таковыхъ предварительныхъ замѣчаній, показавшихся мнѣ необходимыми къ испроверженію несправедливаго предубѣжденія противъ Христіанскаго имени, приступаю къ прямымъ доказательствамъ нашей невинности, и постараюсь не только оправдаться противъ взводимой на насъ вины, но и привести въ замѣшательство порицателей нашихъ, показавъ имъ, что они публично совершаютъ тѣ самыя дѣла, которыя по ихъ словамъ мы будто бы производимъ втайнѣ, и за которыя они почитаютъ насъ людьми самыми презрѣнными, безумными, развратными и достойными казни. Утопая сами въ злодѣянїяхъ, да устыдятся они обвинять людей, если не добродѣтельнѣйшихъ, то по крайней мѣрѣ такихъ, которые по ихъ мнѣнію, на нихъ же походятъ. Но вотще истина будетъ вамъ отвѣчать на все мои устами. Вы противопоставляете намъ верховную власть своихъ законовъ, по силѣ которыхъ, говорите вы, не дозволено вамъ дѣлать розысковъ, и которымъ вы обязаны отдавать преимущество передъ истиной. И такъ начнемъ съ обозрѣнія законовъ, которыхъ вы исполнители.

Когда вы грозно произносите: «вамъ не позволяется быть Христіанами:» то, при своей настойчивости, вы показываете не иное что, какъ насиліе и тиранство. Вы думаете, что это намъ не дозволено потому только, что такъ вамъ угодно, а не потому, чтобы такъ должно было быть. Если бы такъ должно было быть: то конечно противное тому было бы зло, и тогда все то, что вопреки сему злу составляетъ

добро, было бы дозволено. Но когда я успѣю доказать, что запрещаемая вашимъ закономъ Религія есть добро: то вмѣстѣ съ этимъ докажу и то, что законъ вашъ не имѣлъ права запрещать ее, между тѣмъ какъ могъ бы онъ по справедливости ее запретить, когда бы она была зло. Законъ вашъ ошибоченъ потому, что онъ есть твореніе человѣка, и не почерпаетъ начала своего отъ неба. Ничего нѣтъ удивительнаго, когда законодатель ошибается, хотя самъ себя и считаетъ правымъ. *Лукурій* такъ былъ огорченъ переменами, которыя *Лакедемоняне* сдѣлали въ его законахъ, что осудилъ себя умереть съ голода въ своемъ заточеніи. Вы сами, просвѣщаясь опытомъ, разогнавшимъ мракъ древности, не стараетесь ли ежедневно разными указами и предписаніями прояснить густую мглу и смѣсь вашихъ законовъ? Императоръ *Адріанъ*, извѣстный врагъ нововведеній, уничтожилъ въ недавнемъ времени законъ, хотя и неблагоразумный, но достойный уваженія по своей древности, законъ *Папіевъ*, который позволялъ имѣть дѣтей прежде установленнаго *Юліевымъ* закономъ времени для женитьбы. Варварскій законъ, допускавшій заимодавца умерщвлять несостоятельнаго должника, также уничтоженъ съ единогласнаго одобренія Римскаго народа. Смертная казнь замѣнена постыднымъ на челѣ знакомъ: вмѣсто пролитія крови, положено знаменованіе на лбу стыдъ бапкрута, а имѣніе его по закону конфисковать.

Сколько еще остается вамъ дѣлать преобразованій въ вашихъ законахъ, если то правда, что не древность и не высокое званіе законодателей, но справедливость дѣлаетъ законы достойными уваженія? Но когда они несправедливы: то ничто не мѣшаетъ осудить и тѣ самые законы, которые насъ Христіанъ осуждаютъ. Я говорю, что они несправедливы, но

долженъ бы сказать, что они совершенно безразсудны, подвергая казни одно имя Христіанина. Если они наказываютъ дѣянія : то почему однихъ насъ наказываютъ за прознесеніе имени, а всѣхъ другихъ за улику въ преступленіи? Я кровосмѣститель: почему не дѣлаютъ розысковъ? Дѣтоубійца : почему меня не допрашиваютъ? Вповать противъ боговъ, противъ императоровъ: почему не слушаютъ моего оправданія? Нѣтъ закона, запрещающаго изслѣдывать доказательства осуждаемаго имъ преступленія. Нѣтъ судьи, который бы имѣлъ право наказывать, когда онъ не знаетъ, что преступленіе совершено. Нѣтъ гражданина, который бы могъ соблюдать законъ, когда онъ не знаетъ, что именно законъ наказываетъ.

Не довольно того, чтобы законъ давалъ такъ сказать самъ себѣ свидѣтельство въ своей справедливости. Надобно, чтобы о томъ знали и тѣ, отъ которыхъ требуется повиновеніе закону. Законъ становится подозрительнымъ, когда не хотятъ, чтобы о немъ люди знали и судили. Онъ дѣлается тираническимъ, требуя слѣпаго себѣ повиновенія, не допуская оправданій.

V. Обратимся къ началу законовъ, до насъ касающихся. Было древнее постановленіе, воспрещавшее императорамъ принимать какихъ либо боговъ безъ одобренія Сената. *М. Эмилию* извѣстно, что по сему поводу произошло съ его богомъ *Албурномъ*. Въ защиту нашу, не маловажнымъ убѣжденіемъ служитъ уже то, что предоставлено произволу человѣка рѣшать судьбу божества. Если какой богъ не правится человѣку, тому и богомъ не быть. Богъ долженъ искать милости у человѣка. *Тиверій*, въ царствованіе котораго имя Христіанское начало становится извѣстнымъ въ мірѣ, довелъ до свѣдѣнія Сената полученное имъ изъ Палестины донесеніе о доказательствахъ божествен-

ности Іисуса-Христа съ подтвердительнымъ отъ себя на сей счетъ мнѣніемъ. Сенатъ отвергъ сіи доказательства, потому что они не были представлены предварительно на его усмотрѣніе и сужденіе. Но *Тиверій* остался при своемъ мнѣніи, и угрожалъ казнями доносителямъ противъ Христіанъ.

Справьтесь съ вашими лѣтоисписями. Вы увидите, что *Неронъ* первый обнажилъ мечъ противъ секты Христіанъ. Мы вмѣняемъ себѣ за честь, что онъ былъ первоначальнымъ виновникомъ нашего гоненія. То, что *Неронъ* могъ осудить, безъ сомнѣнія было великое добро. *Домитіанъ*, наследовавшій отчасти жестокость *Нерона*, равнымъ образомъ возставалъ противъ Христіанъ; но, не бывъ лишенъ всякаго чувства человечества, вскорѣ остановился, и возвратилъ даже изъ заточенія тѣхъ, которыхъ прежде изгналъ. Вотъ каковы были наши первые гонители: люди несправедливые, злочестивые, обезславленные, люди, которыхъ сами вы осуждаете, оправдывая и возстапывая осужденныхъ ими.

Изъ всѣхъ государей, знавшихъ и уважавшихъ права божественныя и человѣческія, укажите мнѣ хотя одного, который бы гналъ Христіанъ. Мы можемъ наименовать даже покровителемъ ихъ Императора *Марка Аврелія* мудраго. Прочтите письмо его, въ которомъ онъ свидѣтельствовалъ, что жестокая жажда, томившая воиновъ его въ Германіи, утолепа была дождемъ, испрошеннымъ отъ неба молитвами Христіанскихъ воиновъ. Если онъ и не совершенно уничтожилъ указы противъ Христіанъ: то по крайней мѣрѣ привелъ ихъ въ бездѣйствіе, издавъ еще болѣе строгіе законы противъ ихъ клеветниковъ.

Каковы же должны быть законы противъ Христіанъ, которыхъ изобрѣтателями и исполнителями

были единственно государи злочестивые, несправедливые, обезславленные, жестокие, безразсудные, которыхъ силу измѣнилъ отчасти *Траянъ*, запретивъ отыскивать Христіанъ, законы, которыхъ никогда не одобряли ни *Адріанъ*, страстный охотникъ до всего любопытнаго, ни *Веспасіанъ*, истребитель Іудеевъ, ни *Антоній*, ни *Верій*? Между тѣмъ конечно приличнѣе бы было добродѣтельнымъ государямъ истреблять шайку злодѣевъ, а не тѣмъ государямъ, которые были сами злодѣи.

VI. Теперь спросилъ бы я сихъ великихъ ревнителей законовъ и обычаевъ ихъ предковъ, чтобъ они сказали мнѣ: сохранили ли сами они уваженіе ко всѣмъ симъ законамъ и обычаямъ, не забыли ли, не уничтожили ли совершенно наилучшихъ, умнѣйшихъ, необходимѣйшихъ постановленій касательно чистоты нравовъ? Куда дѣвались законы противъ пышности, строгія постановленія противъ тщеславія, опредѣлявшія, чего стоитъ долженъ ужинъ, воспрещавшія ставить на столъ болѣе одной курицы, да и то не откормленной, изгонявшія изъ Сената Патриція, обладавшаго шестью фунтами серебра, какъ человекъ, уличеннаго въ чрезмѣрномъ тщеславіи, повелѣвавшія испровергать театры, едва только сооруженные, какъ не служашіе ни къ чему иному, кромѣ развращенія нравовъ, и наконецъ не терпѣвшія ни какихъ знаковъ отличія и преимущества?

Пышнѣ напротивъ того вижу я ужинны, именуемые сотенными, потому что стоятъ сотни тысячъ; вижу массы серебра, обращенныя въ посуду для употребленія не только сенаторовъ, но отпущенниковъ, рабовъ, едва освободившихся отъ цѣпей; вижу, какъ умножаются театры, и какъ зрители защищаютъ себя всячески отъ непогодъ. Вѣроятно Лакедемоняне для того изоб-

рѣли и маптіи свои, чтобы прикрывать сихъ роскошныхъ и пзпѣженныхъ зрителей.

Римскія дамы паряжаются, какъ распутныя женщины, и съ ними смѣшиваются. Исчезли древніе обычаи, столь много способствовавшіе къ соблюденію скромности и умеренности. Прежде жены не носили золота, исключая брачнаго кольца, которое надѣвали имъ на палецъ мужа. Употребленіе вина такъ строго было имъ запрещено, что одна изъ нихъ за то только что открыла винный погребъ, должна была умереть съ голоду. Въ царствованіе Ромула, *Меценій* умертвлялъ безнаказанно жену свою за то, что отвѣдала вина. Жены должны были цѣловаться съ ближайшими своими родственниками, дабы можно было удостовѣряться, въ точности ли онѣ исполняютъ такое запрещеніе. Гдѣ то супружеское счастье, основанное на добрыхъ нравахъ, которое такъ сильно утверждало брачную связь, что въ теченіе шести согъ лѣтъ не произошло ни одного развода? Теперь всѣ члены тѣла у женъ отягчены золотомъ. Страсть къ вину не позволяетъ уже имъ цѣловаться съ родственниками. Разводъ сдѣлался какъ бы потребностію и обѣтомъ брака.

Вы уничтожили даже мудрыя постановленія предковъ вашихъ относительно служенія богамъ. По опредѣленію Сената, консулы изгнали Бахуса и мистеріи его не только изъ Рима, но и изъ всей Италіи. Консулы *Изонъ* и *Габиній*, которые, конечно, не были Христіанами, воспретили входъ въ капитолій, то есть, въ храмъ боговъ, *Серанису*, *Изидѣ*, *Гарпократу* и тому богу, котораго изображаютъ съ собачьею головою: они испровергли ихъ жертвенники, и пресѣкли столь суетныя и непотребныя суевѣрія. Но вы возстановили божества эти во всемъ ихъ блескѣ. Гдѣ же

послѣ сего Религія, гдѣ должное уваженіе къ праотцамъ? Вы во всемъ отстали отъ данныхъ имъ вамъ примѣровъ, отстали въ одѣяніи, во вкусѣ, въ роскоши, въ чувствахъ, въ языкѣ. Вы непрестанно хвалите древность; а живете по новизнѣ. Вы болѣе и болѣе удаляетесь отъ мудрыхъ установленій отцевъ вашихъ; а подражаете единственно ихъ заблужденіямъ. Я даже могъ бы вамъ доказать, что въ разсужденіи служенія своимъ богамъ, вы уподобляетесь Христіанамъ, ихъ отвергающимъ, которымъ однакожъ вы ставите это въ главную вину; ибо вы дѣйствительно пренебрегаете, презираете уничтожаете служеніе собственнымъ вашимъ божествамъ, хотя и превозносите тѣмъ, что наследовали религіозную ревность отцевъ вашихъ: вы вопреки имъ усвоили себѣ Сераписа, возобновивъ олтари его, усвоили Бахуса со всѣми его бѣсповаціями и оргіями. Но я намѣренъ сперва отвѣтствовать на обвиненія въ тайныхъ нашихъ преступленіяхъ; а потомъ уже приступлю къ прочему.

VII. Говорятъ, что мы во время нашихъ таинствъ, умерщвляемъ дитя, съѣдаемъ его, и послѣ столь ужаснаго пррщества, предаемся кровосмѣсительнымъ удовольствіямъ, между тѣмъ какъ участвующія въ пррществѣ собаки опрокидываютъ подсвѣчники, и гася свѣчи, освобождаютъ насъ отъ всякаго стыда. Говорятъ, все одно и тоже; но съ тѣхъ поръ, какъ говорятъ, вы еще ни разу не вздумали изслѣдовать нашихъ преступленій. Если вы вѣрите имъ: то изслѣдуйте же ихъ; а если не хотите изслѣдовать, то и не вѣрьте. Ваше небреженіе въ семъ случаѣ ясно доказываетъ, что въ томъ, чего вы не смѣете обличить, нѣтъ никакой правды. Вы возлагаете на Христіанскаго палача довольно странное порученіе. Вы приказываете ему мучить Христіанъ не за то, чтобъ они признались

въ томъ, что дѣлаютъ; но за то, чтобъ отрелись отъ того, что они собственно суть.

Христіанская Религія началась при *Тиверіи*. Истина возбудила къ себѣ ненависть, какъ скоро открылась. Сколько людей, столько и враговъ: Иудей по зависти, воины по алчбѣ къ грабежу, рабы по врожденной злобѣ своего званія, всеневно насъ преслѣдуютъ, всеневно намъ измѣняютъ, весьма часто входятъ въ наши собранія насильственнымъ образомъ. Спрашивается: слышалъ ли кто у насъ крикъ умерщвляемаго дитяти? Назовите хотя одного донощика, который бы показалъ судѣ запекшуюся на губахъ нашихъ кровь, какъ у циклоповъ или у сиренъ. Жены ваши Христіанки подаютъ ли вамъ поводъ подозрѣвать взводимыя вами на насъ мерзости? Но если бы кто былъ свидѣтелемъ ихъ: то не ужели бы могъ ихъ скрыть, не ужели бы могъ подкупленъ быть тѣми самыми людьми, которыхъ предалъ бы суду?

Если, какъ вы говорите, мы всегда поступаемъ скрытно: то какимъ же образомъ обнаружилось то, что мы дѣлаемъ? Не ужели чрезъ самихъ преступниковъ? Этого быть не можетъ. Тайна заповѣдывается во всѣхъ мистеріяхъ. Она ненарушима въ мистеріяхъ Элевзинскихъ и Самоѳракійскихъ: кольми паче, если бы мы виновны были въ взводимыхъ на насъ преступленіяхъ, тайна была бы строжайше сохраняема въ нашихъ обществахъ, потому что открытіе ея влечетъ за собою мщеніе людей, доколѣ безмолвствуетъ небо. Если же Христіане сами себѣ не измѣняютъ: то вѣроятно измѣняютъ имъ посторонніе люди. Но откуда сіи послѣдніе могли почерпнуть свѣдѣніе о нашихъ таинствахъ, въ то время, какъ посвященіе въ эти таинства даже и благочестивыхъ людей сопряжено

съ удаленіемъ непросвѣщенныхъ? Не ужели одни нечестивые изъяты отъ всякаго страха?

И такъ одна молва въ состояніи насъ обвинять. Но свойство молвы всему свѣту извѣстно. Одинъ изъ вашихъ же поэтовъ именуетъ ее зломъ, быстрѣйшимъ изъ всѣхъ золь (*). Почему именуетъ онъ ее зломъ, если не потому, что она всегда почти обманчива? Она и тогда даже обманчива, когда возвѣщаетъ истину, потому что всегда ее искажаетъ, или уменьшая, или преувеличивая. Но что я говорю? Молва питается единственно лжами. Она существуетъ только тогда, какъ ничего не доказываетъ; какъ же скоро что доказала, то бытіе ея прекращается; она исполнила свое дѣло. Она передала намъ происшествіе, ею возвѣщаемое: съ тѣхъ поръ мы уже его знаемъ и прямо другъ другу сообщаемъ. Не говоримъ уже: слухъ носится, что такое-то дѣло случилось въ Римѣ, что такой-то получилъ по жребію такую-то провинцію; но просто: то-то случилось въ Римѣ и пр. Молва, имя которой означаетъ уже сомнительность, не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ существуетъ достовѣрность. Да и кто вѣритъ молвѣ? Ей не можетъ вѣрить умный человѣкъ, никогда не вѣрющій тому, что сомнительно.

Какъ ни быстра, какъ ни шумна бываетъ молва, и какое бы основаніе она ни имѣла; но извѣстно, что она должна происходить отъ одного человѣка, и отъ него переноситься изъ устъ въ уста, отъ слуха до слуха, какъ чрезъ свои проводники. Но темнота и невѣрность ея происхожденія сопровождаются столь общою огласкою, что никому и въ мысль не приходитъ узнать, не зараженъ ли корень ея ложью. Это одна-

(*) *Fama malum, quae non aliud velocius ullum.* Virg. *Aeneid.* IV. V. 174.

кожъ случается или по зависти, или по сильному подозрѣнію, или по свойственной людямъ склонности ко лжи. Но къ счастью, какъ пословица говоритъ, время все наконецъ открываетъ. Природа наша такова, что ничто не можетъ долго скрываться, даже и то, что убѣгаетъ отъ молвы.

Стало быть не безъ причины одна только молва столь долгое время вѣдаетъ и разноситъ слухи о нашихъ преступленіяхъ. Вотъ источникъ взводимыхъ вами на насъ обвиненій, не смотря на то, что до сихъ поръ не доказано еще ничего того, о чемъ молва съ такою увѣренностію толкуетъ.

VII. Призываю въ свидѣтеля человѣческую природу противъ тѣхъ людей, которые подобныя слухи почитаютъ достойными вѣроятія. Положимъ, что мы дѣйствительно признаемъ вѣчную жизнь наградою за такія преступленія. Повѣрьте на одну минуту столь певѣроятному ученію. Но я спрошу васъ: если бы вы даже и могли повѣрить тому, согласитесь ли вы купить эту награду столь дорогою цѣною? Придите воззять мечъ въ сердце дитяти, которое никому не могло сдѣлать зла, котораго нельзя обвинить ни въ какомъ преступленіи, которое считаете вы собственнымъ вашимъ общимъ дѣтятею. Если же столь варварское дѣло поручается другому: то придите посмотрѣть на смерть подобнаго вамъ человѣка, лишшающагося жизни, прежде нежели онъ вкусилъ ее. Постарайтесь замѣтить то мгновеніе, когда улетитъ оживлявшая его душа. Почерпите крови, пачишающей изъ него изливаться, омочите въ ней хлѣбъ свой, насытитесь ею. Во время пиршества смотрите со вниманіемъ, гдѣ сидитъ мать ваша, сестра ваша, дабы не ошибиться, когда погасятся свѣчи; ибо грѣшно бы было не совершить кровосмѣшенія. Будучи такимъ образомъ по-

священны въ таинства, вы навѣрно получите безсмертіе. — Скажите пожалуйста, согласитесь ли вы купить безсмертіе сею цѣною? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Вы не повѣрили бы, чтобы можно было купить его такою цѣною: когда же бы и повѣрили, то вѣрно бы не захотѣли того: а если бы и захотѣли, то не могли бы того достигнуть. Какимъ же образомъ другіе могли бы исполнить то, когда вы не можете? А когда другіе могутъ, то почему вы не можете? Не ужели въ насъ другая природа чѣмъ у васъ? Не ужели почитаете вы насъ за чудовищъ? Не ужели природа создала насъ особыми существами, способными совершать кровосмѣшенія и питаться человѣческою плотію? Если вы считаете, что человѣкъ въ состояніи производить подобныя мерзости, то можете и сами ихъ производить: вы такіе же люди, какъ и Христіане. Если же вы не можете ихъ производить; то не должны имъ и вѣрить: Христіане такіе же люди, какъ и вы.

Но, говорите вы, новыхъ Христіанъ обманываютъ, обольщаютъ.—Какъ будто слухи о томъ до нихъ не доходятъ; какъ будто до нихъ не касается вникнуть въ эти слухи, чтобы удостовѣриться въ истинѣ. Впрочемъ обычай требуетъ, чтобы желающій посвятиться въ таинства предварительно явился къ верховному жрецу для узнанія, какимъ образомъ онъ долженъ приготовиться. Верховный жрецъ скажетъ: надобно вамъ привести дитя, которое бы не знало, что такое смерть, которое бы смѣялось при видѣ ножа; нуженъ хлѣбъ для обмакиванія въ кровь, пужны подсвѣчки и собаки для опрокидыванія подсвѣчниковъ; по преимущественно надобно вамъ прійти съ матерью и съ сестрою. Но если онѣ не захотятъ прійти, если ихъ у кого нѣтъ, если кто одинъ и не имѣетъ семейства:

стало быть тотъ, у кого нѣтъ матери и сестры, не можетъ и принять быть въ Христіане.

Хотя бы однакожь новые Христіане и ни о чемъ не были предувѣдомлены: то по крайней мѣрѣ они узнаютъ все въ послѣдствіи. За всѣмъ тѣмъ самимъ вамъ извѣстно, что они, сдѣлавшись Христіанами, все сносятъ, ни на что не жалуются. Не боятся ли они наказанія? Но они увѣрены, что обвинивши насъ, найдутъ себѣ защитниковъ. Скорѣе кажется могутъ они предпочесть смерть, нежели жизнь, оскверненную такими преступленіями. Положимъ впрочемъ, что страхъ заграждаетъ имъ уста. Для чего же упорствуютъ они оставаться въ сей сектѣ. Обязательства, принятыя по невѣдѣнію, обыкновенно тотчасъ разрушаются, какъ скоро будутъ узнаны.

IX. Для вѣщаго усиленія нашего оправданія я намѣренъ доказать, что вы и явно и скрытно позволяете себѣ совершать тѣ самыя преступленія, въ которыхъ насъ неправедно обвиняете; а потому-то можетъ быть и почитаете насъ способными ихъ производить. Въ Африкѣ приносилась дѣти въ жертву Сатурну до проконсульства *Тиверія*, который велѣлъ повѣсить за то жрецовъ Сатурновыхъ на деревьяхъ, осѣнявшихъ столь ужасныя жертвоприношенія, повѣсить на деревьяхъ, какъ будто бы на нарочно приготовленныхъ къ тому крестахъ. Ссылаюсь въ томъ на свидѣтельство здѣшнихъ воиновъ, исполнявшихъ таковое приказаніе проконсула. За всѣмъ тѣмъ проклятыя эти жертвоприношенія продолжаются и донынѣ втайнѣ. Такимъ образомъ не одни Христіане по видимому васъ не слушаютъ. Злодѣянія не искоренены, и ваши боги остаются непреклонны. *Сатурнъ*, не щадившій собственныхъ дѣтей, можетъ ли пощадить чужихъ, которыхъ сами отцы и матери ему приносятъ, лаская ихъ

въ то время, когда ихъ закалываютъ, дабы они не плакали? Вы видите, какъ тутъ дѣтоубійство превозмогаетъ надъ самымъ человекоубійствомъ.

Въ Галліи приносятся люди въ жертву Меркурію, Театры ваши оглашаются жестокостями Тавриды. Въ самомъ религіозномъ городѣ благочестивыхъ потомковъ Енеевыхъ, въ Римѣ, не воздаете ли вы божескихъ почестей Юпитеру, который даже и при игрищахъ, въ честь его установленныхъ, окропляется человѣческой кровію? Вы скажете, что это кровь преступниковъ. Но развѣ они не люди? Тѣмъ постыднѣе въ честь боговъ проливать кровь злодѣевъ. Какимъ Христіаниномъ долженъ вамъ казаться сей Юпитеръ? Онъ не уступаетъ отцу своему въ жестокости.

Но такъ какъ нѣтъ въ томъ важности, въ честь ли боговъ или по другимъ причинамъ приносятся дѣти въ жертву: то я обращаюсь къ общенароднымъ по сему предмету дѣйствіямъ.

Сколько людей вижу я здѣсь жаждущихъ вашей крови? Между судьями даже, оказывающими другимъ справедливосгь, а противъ насъ свирѣпствующими, сколько такихъ, которыхъ бы я могъ основательно упрекнуть въ томъ, что они умерщвляютъ дѣтей своихъ тотчасъ по ихъ рожденіи? Вы прибавляете къ жестокости самый родъ смерти. Вы ихъ топите, морите голодомъ и холодомъ, повергаете въ съѣдь собакамъ: тутъ по сравненію, убійство мечемъ показалось бы еще слишкомъ легкою смертію. Но что касается до насъ и до нашей Религіи: то намъ строго запрещено не только убивать вообще людей, но даже и губить плодъ въ чѣдрахъ матери прежде образовапія младенца. Воспрепятствовать рожденію его, почитается у насъ рановременнымъ убійствомъ. Да и дѣйствительно, не все ли равно исторгнуть душу изъ тѣла или

не допустить ее оживотворить его? Ты истребляешь человека, истребляя то, что должно произвесть его: ты подавляешь плодъ въ зародышѣ.

Относительно мнимыхъ нашихъ пиршествъ, обогрязаемыхъ кровію и приправяемыхъ плотію человеческою, вы можете прочесть въ *Геродотъ*, если я не ошибаюсь, что существуютъ народы, которые, извлекая кровь изъ рукъ своихъ, даютъ ее пить другъ другу для утвержденія своихъ договоровъ. Нѣчто подобное происходило и у васъ во время заговора *Катилины*. Говорятъ, что нѣкоторые скифы ѣдятъ своихъ родственниковъ по ихъ смерти. Но зачѣмъ искать примѣровъ такъ далеко? Даже и здѣсь, кто посвящаетъ себя въ мистеріи Беллоны, долженъ напиться крови, добываемой изъ лядвій, и почерпаемой рукою. А люди, подверженные падучей болѣзни, для исцѣленія своего не сосутъ ли теплую кровь преступниковъ, издыхающихъ на площади?

Ядущіе мясо животныхъ, убитыхъ въ амфитеатрѣ, не питаются ли плотію подобныхъ себѣ людей? Этотъ поверженный вепрь папитанъ кровію истерзанныхъ имъ несчастныхъ; этотъ олень не прежде умеръ, какъ обогрязъ кровію гладіатора; въ желудкѣ издыхающаго медвѣдя трепещутъ еще члены пожраныхъ имъ людей. Вы не можете отпереться: вы Антропофаги. Какое же различіе между вашими пирствами и мними пирствами Христіанъ? Сверхъ того тѣ изъ васъ, которые предаются позорнымъ и сверхъестественнымъ удовольствіямъ, развѣ не такіе же преступники, развѣ не такіе же человекоубійцы?

Стыдитесь приписывать Христіанамъ такія преступленія, отъ которыхъ они столько удалены, что запрещаютъ себѣ употреблять даже кровь животныхъ за столомъ, и воздерживаются отъ всякой удавлины и

падали. Можете ли вы послѣ сего предполагать, что они употребляютъ яства, наполненныя кровью? Я спросилъ бы васъ: можете ли вы заплотливо вѣрить тому, чтобы люди, гнушающіеся кровію животныхъ, въ состояніи были жаждать крови себѣ подобныхъ, исключая что можетъ быть сами вы пашли сію послѣднюю слаще? Почему же бы вамъ не примѣшивать человѣческой крови къ жаровнѣ и огню для пытки Христіанъ? Тогда вы бы легче ихъ узнавали и предавали казни, видя, что они отвѣдываютъ крови, по отказываются приприслать жертвы вашимъ богамъ. А въ крови человѣческой вы бы конечно не имѣли недостатка, пытая и осуждая такое множество Христіанъ.

Вы обвиняете насъ также въ кровосмѣшеніи. Но кто болѣе можетъ усмѣвать въ подобныхъ дѣлахъ, какъ не тѣ, которые получаютъ въ томъ уроки отъ своего Юпитера? *Ктезій* пишетъ, что Персы сожительствоуютъ съ собственными матерями. Македоняне тоже не изъяты отъ подобнаго подозрѣнія: свидѣтельствомъ тому служатъ двусмысленные ихъ отзывы на счетъ *Эдина*, оплакивающаго на театрѣ несчастную свою судьбу. Да и между вами посмотрите, сколько поводовъ подаете вы къ кровосмѣшенію, будучи непрерывнымъ игралищемъ безпутныхъ страстей? Вы подкидываете своихъ дѣтей, предоставляете ихъ милосердію проходящихъ, или отвергаете ихъ съ намѣреніемъ поклепать въ рожденіи ихъ кого-либо другаго. Нечувствительно семейныя связи забываются, заблужденіе усиливается, и злодѣйство кровосмѣшенія совершается и распространяется. Какъ постыдная эта страсть обладаетъ вами всюду, и преслѣдуетъ васъ даже в за моремъ: то легко случается, что плачевные плоды невоздержанія вашего разсыяны повсемѣстно, должны

совокупляться, сами того не подозревая, или между собою или даже съ рождшими ихъ.

Что касается до насъ : то отъ подобныхъ несчастій освобождаетъ насъ строжайшее и священнѣйшее цѣломудріе. Оно, поселяя въ насъ отвращеніе ко всякому разврату и излишеству, поставляетъ насъ въ безопасность отъ кровосмѣшенія. Есть между нами и такіе люди, которые удаляютъ отъ себя самую тѣвѣ опасности, сохраняя воздержаніе до гроба, отъ юности до глубокой старости. Еслибы вы обратили вниманіе на то, что безчинства сіи производятся именно между вами: то вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтили бы, что мы тутъ совершенно невинны: одинъ и тотъ же взглядъ на вещи убѣдилъ бы васъ въ томъ и другомъ. Но по обыкновенному двуличному ослѣпленію вы не видите того, что есть, и видите то, чего нѣтъ. Это я вамъ докажу въ послѣдствіи. Обратимся къ публичнымъ вещамъ.

Х. Вы не обожаете боговъ нашихъ, говорите вы, и не приносите жертвъ императорамъ.—Правда: мы не приносимъ жертвъ никому, потому что и сами себѣ ихъ не приносимъ. Словомъ сказать, мы не обожаемъ боговъ вашихъ. Вотъ почему преслѣдуете вы насъ, какъ преступниковъ противъ божеской и человѣческой власти. Это главная или лучше сказать единственная наша вина. Она заслуживаетъ быть основательно разсмотрѣнною. Мы просимъ только о томъ, чтобы вы судили о насъ не по предубѣжденію и не по избытку неправосудія: одно лишитъ васъ надежды открыть истину, другое не допуститъ васъ увидѣть ее.

Мы перестали обожать боговъ вашихъ съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что они не боги. А потому вы въ правѣ требовать отъ насъ на то доказательствъ, потому что они заслуживали бы быть обожасмы, когда

бы дѣйствительно были боги. Христіане были бы достойны наказанія, еслибы достоверно было то, что тѣ боги, которыхъ они не обожаютъ изъ одного предубѣжденія къ ихъ небожественности, въ самомъ дѣлѣ боги.

Но, отвѣчате вы, мы почитаемъ ихъ за боговъ.— Перенесемъ дѣло на судъ собственной вашей совѣсти: пусть она обвинитъ насъ, если вы можете опровергнуть, что всѣ ваши боги были не людьми. Если же бы вы и стали о томъ спорить: то будете обличены памятниками древности, доставившими вамъ о нихъ свѣдѣніе и существующими донынѣ: будете обличены городами, въ которыхъ они родились, странами, въ которыхъ жили и оставили слѣды своего существованія, и въ которыхъ показываются самыя ихъ гробницы. Я не стану распространяться относительно безчисленнаго множества боговъ древнихъ, новыхъ, варварскихъ, греческихъ, римскихъ, чужестранныхъ, плѣнныхъ, частныхъ, общихъ, мужескаго и женскаго пола, городскихъ, сельскихъ, морскихъ и военныхъ. Излишне было бы ихъ даже и именовать. Скажу вамъ только нѣсколько словъ о нихъ не для того, чтобы доставить вамъ какое либо новое о нихъ свѣдѣніе, но чтобы вспомнить вамъ то, что вы по видимому забыли.

Прежде Сатурна у васъ не было бога. Отъ него происходятъ всѣ ваши главнѣйшіе и знатнѣйшіе боги. Такимъ образомъ, что извѣстно о праотцѣ, то надлежитъ заключить и о потомкахъ. *Діодоръ Сицилійскій, Кассій Северъ, Фаллъ, Корнелій Непотъ* и всѣ другіе древніе писатели говорятъ о Сатурнѣ не иначе, какъ о человѣкѣ. Если обратиться къ памятникамъ: то достовернѣйшіе изъ нихъ можно найти въ одной только Италіи, гдѣ Сатурнъ послѣ многихъ страствованій,

по возвращеніи изъ Атикии былъ принятъ *Янусомъ*. Онъ передалъ имя свое горѣ, на которой поселился, городу, который онъ основалъ, и который носитъ имя его донынѣ, и наконецъ всей Италиі, которая съ тѣхъ поръ потеряла названіе Энотріи. Онъ первый даровалъ странѣ сей законы, и учредилъ чеканку монеты. Посему-то предоставлено ему предсѣданіе надъ сокровищами. И такъ Сатурнъ былъ человѣкъ; когда же человѣкъ, то былъ и сынъ человѣка, а не сынъ неба и земли. Впрочемъ какъ родители его были неизвѣстны: то легко было почестъ его за сына неба и земли, которыя по справедливости могутъ вменваться отцемъ и матерью всѣхъ людей. Кто станетъ оспаривать у нихъ имя сіе? Не въ обычаѣ ли у самихъ насъ, когда кто неизвѣстный явится вдругъ передъ нами, говорить, что онъ упалъ съ неба? Не называются ли въ просто-народіи сынами земли тѣ люди, которыхъ происхожденіе неизвѣстно? Тоже самое случилось и съ Сатурномъ. Я могъ бы прибавить, что въ тѣ отдаленныя времена, когда предки наши были еще слишкомъ грубы, видъ неизвѣстнаго человѣка легко могъ поразить ихъ столько же, какъ какое нибудь божество, между тѣмъ какъ даже и нынѣ потомки ихъ со всею своею образованностію включаютъ въ число боговъ тѣхъ людей, которыхъ смерть за нѣсколько дней предъ тѣмъ свидѣтельствовала публичный трауръ. Но довольно уже говорить о Сатурнѣ. Сошлемся на тѣже доводы, что и Юпитеръ былъ человѣкъ, потому что былъ сынъ человѣка, и что роі боговъ, происшедшіи отъ него, такіе же смертные люди, какъ и рождшіе ихъ.

XI. Не смѣя опровергать сего, вы рѣшились утверждать, что они сдѣлались богами по смерти своей. — Посмотримъ, какія могли быть тому причины. Надобно прежде всего вамъ признать одного верховнаго

Бога, владыку божества, который бы могъ сообщать божество людямъ. Кто не имѣлъ божества, тотъ не могъ и дать его самъ себѣ; да и никто иной не могъ ему дать его, кромѣ того, кому оно собственно принадлежитъ. Словомъ сказать безумно было бы предполагать, чтобы мнимые боги ваши могли сдѣлаться богами, когда бы не было существа, творящаго боговъ. Если бы они сами собою могли сдѣлаться богами; то безъ сомнѣнія не снизошли бы до низкаго состоянія людей. И такъ буде есть существо, творящее боговъ: то я обращаюсь къ причинамъ, которыя могли бы побудить его дѣлать людей богами. Я не нахожу другихъ къ тому причинъ, кромѣ услугъ, въ которыхъ бы сей великій Богъ имѣлъ надобность отъ ихъ содѣйствія. Но во первыхъ не сообразно съ достоинствомъ всемогущаго Бога имѣть надобность въ комъ либо, и особливо въ мертвомъ человѣкѣ. Почему не сотворить ему лучше прямо боговъ? Да и какую могъ онъ имѣть надобность въ новыхъ богахъ? Ему не нужно было выжидать Сатурна и племени его въ то время, когда уже міръ существовалъ самъ собою, какъ утверждаетъ *Пифагоръ*, или когда міръ, какъ учитъ *Платонъ*, былъ уже сотворенъ, устроенъ и управлялся съ чудесною премудростію, съ совершенствомъ всѣхъ совершенствъ.

Надобно быть слишкомъ ограниченнаго ума, чтобы предполагать, будто бы дождь, свѣтъ, звѣзды и громъ столько же древни, какъ міръ. Извѣстно, что Юпитеръ боялся громовыхъ стрѣлъ, которыя вы влагаете ему въ руки, и что земля производила всякаго рода плоды прежде Бахуса, Цереры и Минервы, и даже прежде перваго человѣка; ибо все то, что Провидѣніе предвидѣло и считало нужнымъ для человѣка, произведено конечно прежде бытія его. Говорятъ, правда,

что люди открыли различныя вещи, необходимыя для жизни; но никто не скажетъ, чтобъ они ихъ прозвели или сотворили. Стало быть все то, что открывается, уже прежде существовало, и должно быть приписано тому, кто его сотворилъ, а не тому, кто могъ только открыть его. Впрочемъ если Бахусъ признаетъ богомъ за то, что научилъ людей употреблять виноградъ: то *Лукуллъ* несправедливо лишенъ чести сей, тогда какъ онъ первый вывезъ изъ Понта въ Италію вишневое дерево. И такъ если вселенная съ самаго пачала не имѣла никакого недостатка, если всѣ части ея могли вполне служить для того употребленія, для какого были предназначены: то что за надобность была творить боговъ для назначенія имъ такихъ должностей и званій, которыя безъ нихъ и прежде ихъ, были исправно выполняемы?

Вы приводите другую причину: полагаете, что божество дается въ награду за достоинства. Вы безъ сомнѣнія согласитесь, что верховный Богъ, творящій боговъ долженъ быть въ высочайшей степени правосуденъ, и что Онъ подобной награды не даетъ наугадъ безъ основанія.

Посмотримъ, заслуживаютъ ли ваши боги быть вознесены на небо, или низвержены въ тартаръ, который по мнѣнію вашему есть темничное мѣсто адскихъ мученій. Тамъ-то должны мучиться изверги рода человеческого, кровосмѣсители, прелюбодѣи, похитители, соблазнители дѣтей, люди жестокіе, убійцы, воры, обманщики, словомъ сказать всѣ тѣ, кто уподобляется какому нибудь вашему богу. Изъ боговъ вашихъ нѣтъ ни одного, котораго могли бы вы на сей счетъ оправдать, развѣ стали бы отрицать, что они были люди. Но отрицать того вы не можете; а съ другой стороны не можете и утверждать, чтобы такіе люди достойны

были быть богами. Если вы поставлены на то, чтобы наказывать подобныхъ имъ людей; если всѣ честные люди убѣгаютъ злыхъ и позорныхъ, которыхъ будто бы Богъ пріемлетъ въ свое сообщество: то за чѣмъ осуждаете вы тѣхъ, которыхъ товарищей обожаєте? Гораздо лучше вы поступите, когда станете боготворить величайшихъ злодѣевъ. Вы можете быть увѣрены, что польстите и угодите богамъ вашимъ, когда будете воздавать богопочтеніе подобнымъ имъ людямъ.

Но перестанемъ говорить о такихъ мерзостяхъ. Положимъ, что боги ваши были люди добродѣтельные и беззазорные. Однакожъ сколько оставили вы въ адѣ людей, которые превосходятъ ихъ, каковы *Сократъ* по своей мудрости, *Аристидъ* по своему правосудію, *Темистоклъ* по своей храбрости, *Александръ* по своему великодушію, *Поликратъ* по своему счастью, *Крезъ* по своимъ богатствамъ, *Демосѣенъ* по своему краснорѣчію? Назовите мнѣ хотя одного изъ боговъ вашихъ, который бы былъ умнѣе *Катона*, справедливѣе и храбрѣе *Сципіона*, величественнѣе *Помпея*, счастливѣе *Силлы*, богаче *Красса*, краснорѣчивѣе *Цицерона*. Вотъ какихъ людейъ верховному Богу, отъ котораго не сокрыто будущее, надлежало бы выжидать, чтобы включить ихъ въ число боговъ. Онъ видно весьма дурно поступилъ, поспѣшавши сдѣлать неудачный выборъ. Онъ затворилъ небо, и теперь стыдится слышать въ глубинѣ ада роптаніе душъ, заслуживавшихъ безъ сомнѣнія преимуществу.

ХII. Позвольте представить вамъ ближе, что такое ваши боги. Оносительно ихъ личности, я тутъ ничего не вижу, кромѣ именъ людей умершихъ, ничего не слышу, кромѣ басень, и заключаю, что богопочтеніе, имъ воздаваемое, основано единственно на басняхъ; въ разсужденіи же ихъ кумировъ, пахожу, что они

составлены изъ того же самаго вещества, какъ всякаго рода обыкновенныя сосуды и орудія. Художникъ дѣлаетъ и передѣлываетъ ихъ по своей волѣ, поступая съ ними самымъ жестокимъ образомъ. Мы должны утѣшаться, смотря на то, что они для достиженія божества претерпѣваютъ тѣже самыя мученія, которымъ вы насъ ежедневно за нихъ подвергаете. Вы насъ привязываете къ крестамъ и столбамъ; но не дѣлаете ли вы тогоже и съ вашими богами, когда составляете первоначальную ихъ форму? Не на висѣлицѣ ли они получаютъ первыя свои черты? Вы строгаєте бока Христіанъ желѣзными когтями; но пилы, скобели и терпуги еще сильнѣе терзаютъ всѣ члены вашихъ боговъ. Христіанамъ отсѣкаются головы; но боги ваши также остаются безъ головы, пока не приставитъ имъ ее ваятель. Насъ предають звѣрямъ; но не передаете ли вы имъ также Бахуса, Цибелу и Цереру? Насъ повергаютъ въ огонь; но они часто пережпгаются по нѣскольку разъ. Насъ осуждаютъ на рудокопни; но ваши боги именно оттуда и происходятъ. Насъ ссылають на острова: не тамъ ли боги ваши обыкновенно рождаются и умирають? Стало быть если отъ всего сего зависитъ качество бога: то вы обоготворяете и тѣхъ, кого казните: казнь тутъ обоготвореніе. Но вѣриѣ всего то, что боги ваши не чувствуютъ ни обидъ, ни дурныхъ поступковъ, ни почестей вашихъ.

О нечестіе, о богохульство! вопіете вы.—Кричите, злитесь на насъ, сколько угодно. Но не вы ли же сами аплодировали *Сенекъ*, когда онъ еще съ большею силою возставалъ противъ вашего суевѣрія? Мы отрекаемся отъ поклоненія статуямъ, холоднымъ, безжизненнымъ кумирамъ, похожимъ на мертвецовъ. Ихъ не пугаютъ ни коршуны, ни мыши, ни пауки. Отвергая богопочтеніе, сопровождаемое столь очевиднымъ

заблужденіемъ, не заслуживаемъ ли мы болѣе похвалы, нежели наказанія? Можемъ ли мы наносить оскорбленіе тому, что не существуетъ, и что слѣдовательно не можетъ чувствовать оскорбленія?

ХІІІ. Какъ бы то ни было, настаиваете вы; но мы признаемъ ихъ за боговъ. — Спрошу васъ объ одномъ. Если вы считаете ихъ богами: то какъ можете оказывать къ нимъ неуваженіе, изъявлять противъ нихъ печестіе, богохульство? Вы увѣрены, что это боги, и презираете ихъ. Вы боитесь ихъ и истребляете; вы за нихъ мстите, и оскорбляете ихъ. Я тутъ ничего лишняго не говорю.

Во первыхъ каждый изъ васъ покланяется тѣмъ богамъ, какимъ хочетъ, и тѣмъ самымъ оскорбляетъ другихъ, которымъ не покланяется. Предпочтеніе однихъ служитъ поруганіемъ для другихъ. Вы отвергаете тѣхъ, которыхъ не избираете, пренебрегаете тѣми, которыхъ не пріемлете, и не страшитесь ихъ мщенія. Участь каждаго изъ боговъ назначается опредѣленіемъ Сената. Тотъ, котораго человекъ имѣть не хочетъ или не одобряетъ, не можетъ уже быть богомъ. Съ домашними богами, которые именуются ларами, вы поступаете прямо по домашнему: вы ихъ продаете, закладываете, обращаете на другое, иногда самое низкое, употребленіе, по мѣрѣ того, какъ они старѣются и ветшаютъ отъ воздаваемыхъ вами имъ почестей, по мѣрѣ того, какъ они почувствуютъ властѣ сильнѣйшаго противъ нихъ бога, и именно нужду. Общественныхъ боговъ вы безчестите по праву общественному. Они подвергаются налогамъ, напачаются въ публичную продажу, вписываются въ книги Квестора, подобно какъ всѣ другія вещи, продаваемыя на рынкахъ.

Земли, обложенныя податью, теряютъ свою цѣнность. Люди, обремененные подушнымъ окладомъ,

менѣе стоятъ, чѣмъ свободныя. Это признаки рабства. Съ богами совсѣмъ противное происходитъ. Чѣмъ болѣе они платятъ податей, тѣмъ болѣе уважаются, или лучше сказать, чѣмъ болѣе уважаются, тѣмъ болѣе платятъ податей.

Съ величіемъ боговъ производится торгъ. Служители ихъ не стыдятся ходить по питейнымъ домамъ просить милостыни. За входъ въ храмы взимается плата; платится также и за мѣста, въ нихъ занимаемая. Нельзя видѣть и знать ихъ иначе, какъ за извѣстную цѣну.

Какія преимущественныя почести воздаете вы богамъ противъ почестей, воздаваемыхъ умершимъ людямъ? Не воздвигаете ли вы жертвенниковъ и храмовъ послѣднимъ, какъ и первымъ? Не одинаковы ли ихъ статуи? Сдѣлавшись богами, не сохраняютъ ли они своего возраста, своего званія и состоянія? Какое различіе между празднествами въ честь Юпитера и празднествами похоронными, между чиновниками, то и другое выполняющими, и даже между сосудами, служащими для возліяній?

Вы по справедливости воздаете умершимъ вашимъ Императорамъ тѣ же божественныя почести, какія воздавали имъ и при жизни ихъ. Боги ваши должны благодарить васъ и поздравлять самихъ себя, что со-товарищами своими имѣютъ своихъ господъ и властителей. Но когда вы между Церерою и Діаною помѣщаете такую непотребную женщину, какова Лаврептіна (еще было бы сносите, если бы это была Лаиса или Фрииса); когда вы воздвигаете статую *Симону* волхву, съ надписью: святому богу; когда между богами ставите позорнаго фаворита, хотя правду сказать и они не лучше его: то скажите, не оскорбляются ли они тѣмъ, что другіе пользуются вмѣстѣ съ ними тѣми правами, которыми владѣли они столько вѣковъ?

XIV. Приступимъ къ религіознымъ обрядамъ. Я не говорю о приносимыхъ вами жертвахъ, для которыхъ употребляете вы животныхъ дряхлыхъ, чахлыхъ, полумертвыхъ, зараженныхъ и покрытыхъ язвами; когда же случатся какія получше, то вы стараетесь приносить въ жертву только оконечности ихъ, которыя и безъ того отдали бы рабамъ и собакамъ. Изъ десятины, принадлежащей Геркулесу, кладется на олтари его едва третья часть. Не льзя не похвалить мудрой вашей бережливости, которая спасаетъ по крайней мѣрѣ часть обреченной на гибель жертвы.

Обращаюсь къ книгамъ, изъ которыхъ почерпаете вы уроки мудрости и добраго поведенія. Какія смѣшныя нахожу я въ нихъ нецѣлости? Ваши боги, заступаясь то за Грековъ, то за Троянъ, сражаются между собою и выходятъ на поединокъ, какъ гладиаторы. Венера поражается стрѣлою, брошеною рукою смертнаго. Марсъ изнуряется тринадцать мѣсяцовъ въ оковахъ, въ которыхъ угрожается смертію. Юпитеръ обязанъ чудовищу избавленіемъ отъ подобной же участи, уготованной ему сонмищемъ боговъ. Иногда оплакиваетъ онъ смерть сына своего Сарпедона, иногда, пылая беззаконною страстію къ сестрѣ своей, именуетъ предъ нею своихъ любовницъ, и клянется ей, что ни одна изъ нихъ не вселяла въ него столь живой страсти.

Подражая своему начальнику (*Гомеру*), какіе поэты послѣ него устроятся безчестить боговъ? Одинъ заставляетъ Аполлона пасти овецъ *Адмета*; другой принуждаетъ Цептуна наняться у *Лаомедона* построить стѣны Трои. *Пиндаръ*, знаменитый лирикъ, воспѣваетъ, какъ *Ескулапъ* пораженъ былъ громомъ за то, что употреблялъ врачебную науку съ преступною скупостію. Если на то обращена была громовая Юпитерова стрѣла: то не льзя не обвинить Юпитера, что онъ былъ

безчеловѣчешъ, умертвивъ собственнаго внука, и что погубилъ столь искуснаго человѣка. Религіознымъ людямъ не слѣдовало бы ни обнародовать подобныхъ произшествій, если они справедливы, ни выдумывать ихъ, если они ложны. Трагическіе и комическіе писатели столько же невоздержны, какъ и прочіе: они за удовольствіе поставляютъ выбирать предметомъ своихъ твореній или несчастія или заблужденія вашихъ боговъ.

Не стану распространяться на счетъ вашихъ философовъ. Приведу только *Сократа*, который, насмѣхаясь надъ богами, обыкновенно клялся дубомъ, козломъ или собакою. За то и былъ онъ осужденъ, какъ безбожникъ: видно, что участь истины, быть всегда и вездѣ ненавидимою и гонимою. Между тѣмъ однакожъ Аѳиняне въ послѣдствіи уничтожили столь несправедливое осужденіе, и наказали обвинителей *Сократа*, воздвигши ему золотую статую въ храмѣ, и тѣмъ самымъ достаточно оправдали его. *Діогенъ* равнымъ образомъ насмѣхался надъ *Геркулесомъ*; а Римскій цырикъ *Варронъ* насчиталъ до трехъ сотъ безголовыхъ *Юпитеровъ*.

XV. Изобрѣтатели проказъ вашихъ веселятъ васъ однимъ только тѣмъ, что безчестятъ боговъ. Смотри на мимику *Лептуловъ* и *Гостиліевъ*, надъ кѣмъ смѣтесъ вы, надъ комедіантами ли или надъ богами? Васъ приводятъ въ восхищеніе: *Анубій* прелюбодѣй, луна человѣкъ, *Діана*, высѣченная розгами, завѣтъ *Юпитера*, три голодные *Геркулеса*. Срамъ и безобразіе вашихъ боговъ списаны съ природы. Солнце оплакиваетъ сына своего, свергнутаго съ небесъ: вы тому смѣтесъ. *Цибела* вздыхаетъ по пастухѣ, ее презирающемъ: вы не стыдитесь того. Воспѣваются и превозносятся соблазнительные поступки *Юпитера*. *Парисъ* судитъ богинь *Юнону*, *Венеру* и *Минерву*. Вы все это спосите

И кто же представляет роли боговъ вашихъ, роли Геркулеса, Минервы? Люди самые низкіе, позорные. Не явное ли это поруганіе и униженіе вашихъ боговъ? И вы еще можете тому рукоплескать?

Вы не болѣе бываете религіозны и въ цркѣ, гдѣ среди ужасныхъ казней, среди потоковъ крови человѣческой, боги ваши танцуютъ и даютъ преступникамъ поводъ проказничать передъ публикою. Часто несчастные сіи претворяются въ боговъ и подвергаются ихъ участи. Мы видѣли, какъ человѣкъ, игравшій роль Атиса, Пессинунтскаго бога, сдѣланъ былъ евнухомъ на театрѣ; какъ представлявшій Геркулеса испустилъ духъ въ пламени. Мы видѣли, и признаться довольно посмѣялись, какъ въ варварскихъ южныхъ игрищахъ Меркурій пыталъ мертвыхъ разжеваннымъ жезломъ, какъ братъ Юпитеровъ ударами молотка низвергалъ въ адъ тѣла гладіаторовъ. Если то, что я здѣсь говорю, и что могутъ засвидѣтельствовать другіе, безчестить и срамить вашихъ боговъ: то подобныя наглости должны производить величайшее презрѣніе къ нимъ какъ въ актерахъ, такъ и въ зрителяхъ.

Но, говорите вы, это не что иное, какъ игрища.— Однакожь, если я прибавлю, въ чемъ конечно и каждый про себя сознается, что именно въ храмахъ вашихъ, у подножія вашихъ жертвенниковъ, совершаются прелюбодѣлія, что позорною сею страстію пресыщаются именно жрецы и служители боговъ, украшенные повязками, багряницею и священными одеждами, въ то время, какъ еще курится оуміамъ: то я право не знаю, не имѣютъ ли боги ваши причинъ болѣе жаловаться на васъ самихъ, нежели на Христіанъ. По крайней мѣрѣ всѣ святотатства производятся между вами. Христіане не входятъ въ ваши храмы ни ночью, ни днемъ; впрочемъ не спорю, если бы они поклонялись

подобнымъ божествамъ, то можетъ быть обворовывали бы ихъ также, какъ и вы.

Но кому же поклоняются Христіане? Вѣроятно истинному Богу, потому что отвергаютъ боговъ ложныхъ. Они не подвергаются заблужденію, потому что познавши его, совершенно отъ него отказались. Я вскорѣ объясню вамъ священные догматы нашей Религіи. Но прежде надобно истребить ложныя ваши на сей счетъ предубѣжденія.

XVI. Нѣкоторые изъ васъ мечтали, будто Богъ нашъ есть ослиная голова. Изобрѣтатель сей сказки *Тацитъ*. Въ пятой книгѣ своей исторіи, говоря о войнѣ Іудеевъ, онъ восходитъ до начала ихъ происхожденія, и насклававъ много кое-чего, какъ ему было угодно, о ихъ имени и религіи, повѣствуетъ, что Іудеи, освободясь отъ вѣга Египтянъ, или будучи по мнѣнію его ими изгнаны, и проходя обширныя Аравійскія пустыни, готовы были умереть отъ жажды, какъ вдругъ увидѣли ослѣ, шедшихъ на водопой, и указавшихъ имъ источникъ; къ чему присовокупляетъ, что они изъ благодарности возвели осла въ свое божество. Изъ сего выведено заключеніе, что Христіане, привязанные къ Іудейскимъ суевѣріямъ, поклоняются тому же идолу.

Между тѣмъ сей же самый историкъ, столь обильный выдумщикъ лжей, вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ, что *Полпей* по завоеваніи Іерусалима, вошедши въ храмъ, чтобъ узнать сокровеннѣйшія тайны Іудейской религіи, не нашелъ тамъ подобнаго призрака. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы оселъ былъ предметомъ обожанія Іудеевъ: то они поставили бы его въ святилищѣ преимущественно передъ всякимъ другимъ мѣстомъ, дабы устранить отъ него святотатственное любопытство. Никому не было позволено входить въ него, кромѣ священниковъ, и завѣса, отдѣлявшая его отъ

прочихъ частей храма, скрывала его отъ взоровъ всякаго другаго. Не лучше ли вамъ посмотрѣть на самихъ себя? Вы, напримѣръ, не можете отречься, чтобы не обожали лошадей и скота съ богинею ихъ Эпоною. Потому-то можетъ быть вы и упрекаете Христіанъ, будто они, живя между обожателями всякаго рода скота, ограничиваются поклоненіемъ одному ослу.

Что касается до тѣхъ людей, которые обвиняютъ насъ въ поклоненіи кресту: то мы того не стыдимся. Впрочемъ чѣмъ люди сіи существенно отличаются отъ насъ, поклоняясь равнымъ образомъ дереву? Какое дѣло до формы, когда матеріалъ одинъ и тотъ же, и когда онъ почитается за бога? Велико ли различіе между крестомъ и между Аѳинскою Палладою или Фаросскою Церерою, которая не иное что, какъ кусокъ грубаго и безобразнаго дерева? Всякой кусокъ дерева есть часть креста: стало быть мы, поклоняясь кресту, поклоняемся по крайней мѣрѣ цѣлому богу, а не какой-либо части его. Выше примѣчено, что боги ваши даже создаются на крестѣ. Впрочемъ обожая побѣды, вы сами обожаете кресты, на которыхъ держатся трофеи. Войска ваши благоговѣютъ къ своимъ знаменамъ, клянутся ими, предпочитаютъ ихъ всѣмъ богамъ. Превосходныя изображенія, перевязи, драгоценныя ткани на вашихъ значкахъ и знаменахъ, какъ будто нарочно изобрѣтены для того, чтобы служить украшеніемъ крестовъ. Нельзя впрочемъ не похвалить васъ за то, что вы не захотѣли обожать крестовъ обнаженныхъ, не изукрашенныхъ.

Другіе съ болѣею вѣроятностію и благоразуміемъ полагаютъ, что солнце есть нашъ богъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы насъ причислить къ Персамъ, хотя мы и не поклоняемся, подобно имъ, образу солнца на нашихъ щитахъ. Основаніемъ сему предположенію

вѣроятно служить то, что мы обращаемся къ востоку, когда молимся. Но не тоже ли самое по большей части и вы дѣлаете, обращаясь также къ востоку, подъ тѣмъ предлогомъ, что обожаете небо? Если мы предаемся радости въ такъ именуемый день солнца: то причиною тому совсѣмъ не то, чтобы мы поклонялись ему. Этотъ день слѣдуетъ непосредственно за днемъ Сатурна, который вы проводите въ праздности и пиршествахъ, и мы празднуемъ его далеко не такъ, какъ Иудеи, которыхъ вы не знаете ни закона, ни обрядовъ.

Недавно въ здѣшнемъ городѣ представленъ былъ Богъ нашъ въ новомъ видѣ. Нѣкто изъ занимающихся бороться съ звѣрями, выставилъ картину съ слѣдующею надписью: *Богъ Христіанъ потомковъ ослиныхъ*. На ней изображенъ онъ былъ съ ослиными ушами, стоя на роговой ногѣ, держа въ рукѣ книгу, и имѣя на плечахъ тогу. Нельзя было не посмѣяться такой выдумкѣ. Но въ самомъ-то дѣлѣ подобное чудовище весьма приличествуетъ богу тѣхъ людей, которые поклоняются божествамъ со львиными и собачьими головами, съ овечьими и бараньими рогами, божествамъ имѣющимъ видъ козловъ отъ крестца, видъ змѣй отъ лядвѣй, съ крыльями на спицѣхъ и на ногахъ.

Я не обязанъ былъ входить во всѣ сіи подробности. Но это сдѣлано мною на тотъ конецъ, дабы кто не подумалъ, что я хочу что нибудь утаить. Изъясненіе вѣры нашей запечатлѣетъ нашу Апологію.

XVII. Тотъ, кому мы поклоняемся есть единый Богъ, который Своимъ словомъ, премудростію и всемогуществомъ извлекъ изъ ничтожества міръ со стихіями, сотворилъ тѣла и духовъ для умноженія Своего величія. Богъ невидимъ, хотя и является повсемѣстно: не осязаемъ, хотя благодатію Своею и начерталъ въ насъ образъ Свой; неостыжимъ, хотя человѣческой

разумъ и познаетъ Его. Это самое и доказываетъ Его существованіе и величіе. То, что обыкновеннымъ образомъ можно видѣть, осязать и понимать, есть нѣчто менѣе, нежели глаза видящія, руки осязающія, разумъ понимающій. Но то, что неизмѣримо, не можетъ иначе быть совершенно познано, какъ само чрезъ себя. Ничто не вселяетъ такой величественной идеи о Богѣ, какъ невозможность постигать Его: безконечное Его совершенство вмѣстѣ и открываетъ Его людямъ и скрываетъ Его отъ нихъ. Вотъ почему нельзя ихъ извинить въ томъ, что они не признаютъ того, кого не могутъ не знать.

Хотите ли вы доказательства о существованіи Бога? Вникните въ дѣянія Его, которыя васъ окружаютъ, сохраняютъ, увеселяютъ, устрашаютъ. Прислушайтесь свидѣтельства самой души вашей, которая, не смотря на темницу тѣла, на предразсудки и дурное воспитаніе, на свирѣпство страстей, на рабство ложнымъ богамъ, когда возбуждѣна какъ бы отъ пьянства или отъ глубокаго сна, когда почувствуетъ такъ сказать искру здоровья, невольнымъ образомъ призываетъ имя единого Бога, и вопіетъ: *великій Боже! благій Боже! что угодно Богу!* Стало быть имя Его находится въ устахъ всего свѣта. Душа признаетъ Его за Судію слѣдующими словами: *Богъ видитъ, надѣюсь на Бога, Богъ воздастъ мнѣ.* О свидѣтельство души, естественно Христіанской! Произнося подобныя слова, она обращаетъ взоры свои не къ капитолію, но къ небу, вѣдая, что тамъ чертогъ Божій, что оттуда сама она происходитъ, потому что происходитъ отъ самаго Бога.

XVIII. Чтобы преподать намъ совершеннѣйшее понятіе о Себѣ и о Своей волѣ, Богъ послалъ намъ въ помощь священное Писаніе, съ которымъ справляются

люди, ищущіе Его, на тотъ конецъ, чтобы вѣровать въ Него, и увѣровавъ служить Ему искренно. Съ самаго начала Богъ посылалъ въ міръ мужей, удостоившихся познать Его по причинѣ своей праведности и непорочности. Онъ одушевлялъ ихъ духомъ Своимъ для возвѣщенія того, что существуегъ единый Богъ, который все сотворилъ, создалъ человѣка изъ персти земли (вотъ истинный Протеѣ), учредилъ навсегда ходъ годовыхъ времениъ, вселилъ страхъ судовъ Своихъ посредствомъ огня и воды, и наконецъ преподалъ намъ наставленія, какъ Ему угождать, которыхъ вы не знаете или которыя нарочно преступаете, между тѣмъ какъ съ ними неразлучны возмездія, достойныя величія Его. Не сомнѣвайтесь. Подъ конецъ міра всѣ мертвые воскреснутъ, и предстанутъ на судъ Его для полученія заслуженной ими казни или награды. Вѣрнымъ поклонникамъ Своимъ даруетъ Отецъ блаженство вѣчное, а нечестивыхъ свергнетъ въ огонь вѣчный. Мы подобно вамъ насмѣхались надъ подобнымъ ученіемъ: мы тогда были вашими сообщниками. Люди не рождаются Христіанами: они становятся ими.

Упомянутые проповѣдники именовались Пророками, потому что предсказывали будущее. Ихъ пророчества и произведенныя ими чудеса, служившія къ доказательству божественности ихъ посольства, содержатся въ священныхъ книгахъ, содѣлавшихся нынѣ общепародными. Ученѣйшій изъ Птолемеевъ, проименованный *Филадельфомъ*, побуждаемый любопытствомъ ко всѣмъ родамъ литтературы, возымѣлъ желаніе составить многочисленную библіотеку, руководствуясь можетъ быть примѣромъ *Пизистрата*; употребилъ всѣ свои старанія къ собранію древнѣйшихъ и славнѣйшихъ книгъ, и по совѣту знаменигаго *Димитрія Фалерскаго*, своего библіотекаря, потребовалъ отъ Іу-

деевъ ихъ книгъ, писанныхъ на ихъ языкѣ, которыхъ нельзя было найти нигдѣ, кромѣ ихъ. Пророки были сами Іудеи, и пророчествовали единственно для Іудеевъ, которыхъ Богъ усвоилъ Себѣ въ лицѣ ихъ прародителей. Іудеи происходятъ отъ Евреевъ. По сему-то они говорятъ по еврейски, и книги ихъ писаны на семъ языкѣ. Чтобы дать *Итолемею* понятіе о нихъ, они прислали къ нему семьдесятъ переводчиковъ или толковниковъ. *Менедемъ*, благочестивый философъ, пораженъ былъ единообразностію ихъ перевода. *Аристей* оставилъ вамъ о томъ свидѣтельство на греческомъ языкѣ. Книги сіи находятся и теперь въ *Итолемеевой* библіотекѣ, состоящей близъ храма *Сераписа*, вмѣстѣ съ еврейскимъ оригиналомъ. Іудеямъ предоставлена свобода читать ихъ публично за известную плату: они обыкновенно ходятъ слушать чтеніе сіе въ день субботный. Если кто ходитъ туда для того, чтобы познать Бога, то конечно получить желаемое: нельзя не возымѣть къ симъ книгамъ вѣры.

XIX. Глубокая древность сихъ книгъ придаетъ имъ такой авторитетъ, какого другія книги имѣть не могутъ. У васъ древность идетъ на равнѣ съ вашею Религіею. Но книги Пророковъ составляютъ какъ бы особое сокровище, гдѣ хранятся все таинства Іудейской, а слѣдовательно и Христіанской Религій: книги сіи предваряютъ многими вѣками все то, что вы почитаете за величайшую древность, какъ то: ваши зданія, памятники, трибы, родословія, исторіи, источники исторій, происхожденіе большей части народовъ, знаменитѣйшіе города, до самыхъ даже письменныхъ буквъ, свидѣтелей и хранителей всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Но я еще мало говорю: онѣ предваряютъ многими вѣками вашихъ боговъ; онѣ древнѣе, нежели все ваши храмы, оракулы, жертвоприношенія.

Если вы слышали о *Моисей*: то знайте, что онъ современникъ *Инаха*, царя Аргосскаго, древнѣе сто семидесятью годами *Даная*, одного изъ вашихъ старѣйшихъ царей, древнѣе основанія Рима около осьми сотъ лѣтъ, древнѣе постигшаго *Пріама* несчастія тысячу годами. Слѣдуя многимъ Хронологамъ, я могъ бы счесть его древнѣе *Гомера* болѣе пяти сотъ лѣтъ. Всѣ другіе пророки существовали послѣ *Моисея*; но и позднѣйшіе изъ нихъ старше древнѣйшихъ вашихъ мудрецовъ, законодательей и историковъ.

Доказательства на все то, что мною здѣсь приведено, не затруднительны, но многосложны и требуютъ долговременныхъ изысканій. Надобно открыть архивы древнѣйшихъ народовъ, Египтянъ, Халдеевъ, Финикіанъ: надобно справиться съ ихъ историками, *Мане-сономъ* Египетскимъ, *Берозомъ* Халдейскимъ, *Промомъ* Финикіанскимъ, царемъ Тирскимъ, и съ послѣдователями ихъ *Птоломеемъ* изъ Мендеса, *Менандромъ* Ефесскимъ, *Димитріемъ* Фалерскимъ, царемъ *Юбою*, *Аппіономъ*, *Оалломъ* и Іудеяниномъ *Іосифомъ*, который имъ иногда слѣдуетъ, а иногда противорѣчитъ, и который написалъ по гречески книгу о древностяхъ своей земли.

Надлежало бы также сообразиться съ греческими лѣтописями, опредѣлить въ точности времена каждаго происшествія, и вывести ясную и безсомнѣтельную связь всѣхъ временъ: надлежало бы перерыть исторіи всего свѣта. Начало тому нами уже сдѣлано указаніемъ на источники, откуда можно почерпнуть все сіе. Ограничимся тѣмъ на сей разъ, дабы успѣшностію не исказить истины, и не увлечься далеко излишнимъ ея проясненіемъ.

XX. Мы постараемся вознаградить васъ за такое упущеніе. Если мы теперь и не представимъ точнѣйшихъ доказательствъ древности нашего священнаго

Писанія: то надѣмся сдѣлать нѣчто болѣе, докажемъ божественность его. Доказательствъ тутъ не для чего ни ожидать ни искать. Они передъ глазами у каждаго: это міръ, и все, что въ немъ происходитъ. Все, что случается, что ежедневно бываетъ видимо, все было предсказано. Предсказано было, что земля поглотитъ города: что море потопитъ острова; что виѣшнія и внутреннія войны будутъ терзать людей; что царства станутъ сталкиваться другъ съ другомъ; что голодъ, чума и общественныя несчастія опустошатъ извѣстныя страны; что дикіе звѣри произведутъ великія разоренія; что незнатные вознесутся, а знатные унижатся; что справедливость сдѣлается рѣдкою, а несправедливость усилится; что любовь ко всякой добродѣтели ослабнетъ; что самыя времена года и стихіи измѣнятся; что чудовища и дивныя явленія нарушатъ порядокъ природы.

Всѣ сіи предсказанія читаемъ мы въ священныя нашихъ книгахъ въ то самое время, какъ ихъ видимъ на самомъ дѣлѣ. Они-то намъ представляютъ неоспоримое доказательство въ пользу тѣхъ книгъ, въ которыхъ они предвозвѣщаются. Исполненіе пророчествъ, служитъ залогомъ ихъ божественности. Исполненныя уже пророчества заставляютъ насъ вѣрить и тѣмъ изъ нихъ, которыя остаются еще неисполненными. Одни и тѣже уста ихъ произносили, одни и тѣже руки ихъ писали, одинъ и тотъ же духъ ихъ внушалъ. Для пророковъ существуетъ только настоящее время: въ глазахъ ихъ все происходитъ какъ бы въ одно время. Обыкновенные люди различаютъ времена тщательно: будущее становится настоящимъ, а настоящее въ одинъ мигъ проходитъ. И такъ виноваты ли мы въ томъ, что вѣримъ въ будущемъ времени тѣмъ пророчествамъ,

которыя оказались справедливыми въ настоящемъ и прошедшемъ времени?

XXI. Какъ мы сказали, что секта Христіанъ имѣетъ основаніемъ своимъ Іудейскія книги, самыя древнѣйшія, какія только существуютъ, а между тѣмъ секта сія, по собственному нашему сознанію, восходитъ не далѣе царствованія *Тиверіева*: то иные станутъ обвинять насъ, что мы стараемся распространять новыя и дерзкія мнѣнія подъ предлогомъ знаменитой и дозволенной въ государствѣ Религіи (Іудейской), въ то время, какъ мы ничего общаго съ нею не имѣемъ ни касательно древности, воздержанія отъ разныхъ мясъ, праздниковъ, обрѣзанія, ни касательно самаго имени; чему, по вашему мнѣнію, подлежало бы быть, если бы мы признавали одного и тогоже Бога. Всему народу извѣстно, что Христосъ явился на землѣ, какъ человекъ обыкновенный, и что Іудеи осудили его, какъ человека; а потому народъ и полагаетъ, что имѣетъ осповательную причину обвинять насъ въ обоготвореніи человека.

Мы нисколько не стыдимся Іисуса-Христа, и напротивъ того поставляемъ славу свою въ томъ, что за имя Его насъ преслѣдуютъ и осуждаютъ; но у насъ нѣтъ другаго Бога, кромѣ Того, который и у Іудеевъ. Чтобы вы могли понять меня: то надобно объяснить вамъ въ немногихъ словахъ вѣрованіе наше въ божественность Іисуса-Христа.

Іудеи одни были благоугодны Богу за вѣру и правду ихъ отцевъ. Оттуда произошло величіе ихъ паціи. Царство ихъ до такой степени процвѣтало и было счастливо, что самъ Богъ ихъ наставлялъ, самъ училъ ихъ имѣть къ Нему вѣру и не оскорблять Его; но они, возгордясь добродѣтелями предковъ своихъ, оставили законъ Его, и предались злостію и всякаго рода

преступленіямъ. Если бы они стали заператься въ томъ: то настоящее ихъ положеніе послужитъ достаточною къ тому уликою. Будучи изгнаны изъ своего отечества, разсѣяны, бродяжничая, они странствуютъ повсюду, не имѣютъ царемъ своимъ ни Бога, ни человека: имъ не дозволено ступить ногою въ землю свою, ни даже въ видѣ путешественниковъ.

Святые пророчества, угрожавшія имъ сими несчастіями, предвозвѣщали имъ и о томъ, что въ послѣднія времена Богъ избретъ Себѣ изъ среды народовъ и во всѣхъ мѣстахъ гораздо вѣрнѣйшихъ поклонниковъ, которымъ сообщитъ сугубѣйшіе дары благодати по причинѣ достоинства новаго закоподавца. Предсказано было, что Творецъ сихъ даровъ благодати и сего новаго закона, Господь, имѣющій просвѣтитъ, преобразитъ и руководитъ родъ человѣческій, будетъ *сынъ Божій*; но не сынъ, стыдящійся имени сына по причинѣ безпутства отца своего, не сынъ, рожденный отъ кровосмѣшенія съ сестрою, обязанный жизнию слабости дѣвы или невѣрности чужой жены, обязанный жизнию родителю, превращавшемуся въ змѣю, въ быка, въ птицу, въ золотый дождь (тутъ узнаете вы вашего Юпитера). Нашъ сынъ Божій рожденъ даже и не отъ супружества: мать его не знала мужа. Я объясню вамъ Его естество, дабы вы могли понять таинство Его рожденія.

Выше примѣчено, что Богъ сотворилъ міръ Своимъ словомъ, премудростию и всемогуществомъ. Философы ваши также признаютъ, что міръ есть твореніе Божіе, то есть, твореніе слова и премудрости. Таково мнѣніе *Зенона*, который именуетъ Его судьбою, Богомъ, душою Юпитера, необходимостію всѣхъ вещей. *Клеанъ* мыслитъ, что это есть принадлежность (аттрибутъ) духа, разлитого по всѣмъ частямъ вселен-

пой. Мы также говоримъ, что сущность слова, премудрости и всемогущества, посредствомъ которой Богъ сотворилъ все, есть духъ: слово, когда Онъ повѣлѣваетъ, премудрость, когда располагаетъ, всемогущество, когда исполняетъ. Намъ открыто, что Богъ произнесъ (Слово), и произнеся родилъ Его, и что по сей причинѣ Оно именуется Сыномъ Божіимъ, а по причинѣ единства существа называется Богомъ; ибо Богъ есть духъ. Когда солнце испускаетъ лучъ, то лучъ сей есть часть цѣлаго; по солнцу находится въ лучѣ, потому что это его лучъ, и чрезъ то не производится отдѣленія, а дѣлается только разширеніе существа. Такъ-то и Слово становится духомъ отъ духа, Богомъ отъ Бога, подобно какъ свѣтъ есть истеченіе свѣта. Источникъ свѣта ничего не теряетъ ни въ существѣ, ни въ сіяніи своемъ, когда сообщается и разливается. Такъ и то, что происходитъ отъ Бога, есть Богъ и Сынъ Божій, (оба составляютъ одно), духъ отъ духа, Богъ отъ Бога, иный въ лицѣ, но не въ качествѣ, иный въ порядкѣ, но не въ естествѣ, исходя изъ своего начала, но не оставляя его.

Сей лучъ Божій, какъ о томъ было предсказано, снизшелъ въ дѣву, и содѣлался въ нѣдрахъ ея плотію: родился человѣкомъ, соединеннымъ съ Богомъ. Плоть, оживляемая духомъ, питается, растетъ, говоритъ, поучаетъ, дѣйствуетъ: это *Христосъ*. Сочтите сказаніе сіе какъ бы за нѣчто подобное вашимъ баснямъ, доколѣ я вамъ не открою, какимъ образомъ доказывается божество Иисуса-Христа. Люди, изобрѣтавшіе между вами сказки на сей счетъ, дабы уничтожить возвѣщаемую мною вамъ истину, знали, что Христосъ долженъ прійти: Иудеи знали о томъ; имъ пророки обѣщали Христа. Они и донынѣ ожидаютъ Его, и главный предметъ споровъ между ими и нами состоитъ

въ томъ, что они утверждаютъ, будто Онъ еще не пришелъ. Но два пришествія Христовы обозначены въ пророкахъ. Первое въ низости человѣческаго состоянія: оно мишло. Другое въ величїи открытаго божества: оно произойдетъ при концѣ вѣковъ. Иудеи, не понимая перваго, ожидаютъ втораго, которое предсказано яснѣе, и полагаютъ, что оно одно только и будетъ. Злодѣянїя ихъ воспрепятствовали имъ повѣрить первому, которому бы они повѣрили, если бы его поняли, и которое бы спасло ихъ, если бы ему повѣрили. Они сами читаютъ въ книгахъ своихъ, что Богъ въ наказаніе ихъ отъиметь у нихъ мудрость и разумъ, лишитъ ихъ употребленія глазъ и ушей. Униженіе Іисуса Христа побудило Иудеевъ признать его за простаго человека; а могущество Его сочли они за волхвованіе. Изгоняя словомъ Своимъ изъ людей бѣсовъ, дѣлая зрячими слѣпыхъ, исцѣляя прокаженныхъ, оживляя разслабленныхъ, воскрешая мертвыхъ, повелѣвая стихїями, утишая бури, ходя по водамъ, Онъ повсюду являлъ себя Словомъ вѣчнаго Бога, Его едиnorodнымъ Сыномъ, исполненнымъ премудрости, всемогущества и духа Его. Но учителя и первосвященники Иудейскіе, озлобясь на Его ученіе, которое ихъ посрамляло, и досадуя на Него за то, что народъ во множествѣ послѣдовалъ Ему, припудили *Пилата*, Римскаго начальника въ Иудеѣ, предать Его имъ на распятіе. Іисусъ-Христосъ самъ о томъ предсказалъ. Но этого не довольно: пророки предвозвѣстили о томъ гораздо прежде. Будучи пригвожденъ ко кресту, Онъ испустилъ духъ со словомъ: *совершишася*, и тѣмъ предупредилъ довершеніе надъ Собою казни. Внезапно день исчезъ среди полудня. Тѣ, которые не знали, что явленіе сіе было предсказано на случай смерти Христа, сочли его за обыкновенное затмѣніе. Въ послѣдствїи, не имѣя

возможности открыть причину тѣму, они вовсе отвергли его; но оно у васъ записано, и записки хранятся въ архивахъ вашихъ.

Когда тѣло Христово было снято со креста и положено во гробъ, Іудеи учредили бдительную надъ нимъ стражу изъ воиновъ, опасаясь, чтобы ученики Христовы не похитили Его, и не заставили людей вѣрить Его воскресенію, о которомъ Самъ Онъ предсказывалъ. Но въ третій день земля вдругъ потряслась, камень, закрывавшій гробъ, отвалился, стража поражена была ужасомъ, и между тѣмъ, какъ ни одинъ ученикъ не явился, во гробѣ ничего не найдено, кромѣ остатковъ одѣянія. Старѣйшины изъ Іудеевъ, находя свою выгоду въ томъ, чтобы удалить народъ отъ вѣры въ сіе происшествіе и удержать его въ своемъ повиновеніи, распространили слухъ, будто бы ученики украли тѣло Христово. Христосъ по воскресеніи Своемъ не являлся въ толпахъ народа, дабы нечестивые пребыли въ своемъ заблужденіи, и дабы вѣра, которой обѣщаны величайшія награды, стоила человеку какого либо труда. Но Онъ въ теченіи сорока дней пребывалъ съ своими учениками въ Галилеѣ, составляющей часть Іудеи, поучая ихъ тому, чему сами они должны поучать другихъ. Послѣ того повелѣвъ имъ проповѣдать Евангеліе Свое по всей землѣ, Онъ вознесся на небо, окруженный облакомъ, скрывшимъ Его отъ глазъ ихъ. Чудо сіе несравненно достоѣннѣе и значимѣе чуда Ромулова, котораго свидѣтелемъ былъ только нѣкто *Прокулъ*, *Пилатъ*, будучи въ сердцѣ своемъ и самъ едва ли не Христіанинъ, представилъ Императору *Тиверію* ясное и подробное донесеніе обо всемъ томъ, что здѣсь мною сказано, и Императоры сами могли бы увѣровать во Христа, если бы не увлекалъ ихъ міръ. Апостолы, исполняя съ вѣрностію

свое посольство, раздѣлилъ между собою вселенную, и претерпѣвши отъ Іудеевъ многія скорби съ мужествомъ, свойственнымъ истинѣ, упитали Христіанскою кровію Римъ во время гоненія *Неронова*.

Въ послѣдствіи мы приведемъ въ неоспоримые свидѣтели божества Христова тѣхъ самыхъ, которыхъ вы обожаете. Вы удивитесь, что для побужденія васъ вѣрить Христіанамъ мы воспользуемся отзывами даже и тѣхъ, которые препятствуютъ вамъ вѣрить имъ.

Вотъ исторія и точное время появленія нашей секты вмѣстѣ съ ея Учредителемъ и присвоеннымъ ей именемъ. Перестаньте же считать насъ за обманщиковъ. Никто не долженъ лгать, говоря о своей Религій. Утверждая, что мы обожаемъ то, чего въ самомъ дѣлѣ не обожаемъ, значило бы отвергать настоящій предметъ своего богослуженія, значило бы отрекаться отъ своей Религій, обращая къ другому лицу божескія почести. Такъ! Мы говоримъ публично, среди пытокъ и мученій, когда кровь струится изъ язвъ нашихъ, исповѣдуемъ громогласно, что мы обожаемъ Бога во Христѣ. Считайте Его вы, если угодно, за человѣка. Совѣмъ тѣмъ, не иначе какъ въ Немъ и чрезъ Него, Богъ хочетъ быть познанъ и обожаемъ.

Я буду отвѣчать Іудеямъ, что сами они научились служить Богу отъ человѣка, то есть, отъ *Моисея*. Я буду отвѣчать Грекамъ, что *Орфей* Фракійскій, *Музей* Аѳинскій, *Мелампъ* Аргосскій, *Трофоній* Біотійскій, посвящали людей въ таинства боговъ. Я буду отвѣчать и вамъ, владельцы вселенной! *Нуна*, тоже человѣкъ, подвергъ Римлянъ игу тягчайшихъ предразсудковъ. Да позволено же будетъ и Христу открывать таинство божественнаго Своего естества: я не говорю, чтобы дали вы позволеніе Ему, подобно *Нуль*, поработать, укрощать народъ грубый и жестокой посред-

ствомъ грозныхъ зрѣлищъ и поклоненія множеству боговъ, но только чтобы не было Ему возбраняемо открывать глаза и преподавать познаніе истины тѣмъ людямъ, которые хотя и довольно образованы, но обольщаются своимъ мнимымъ просвѣщеніемъ.

Судите сами, точно ли Христосъ есть Богъ, и дѣлаетъ ли Религія Его лучшими людей, се исповѣдующихъ. Если же это такъ: то стало быть всякая другая Религія, ей протовоположная, есть ложная, а особливо такая Религія, которая, скрываясь подъ именами и образами мертвыхъ людей, не имѣетъ другаго доказательства своей божественности, кромѣ мнимыхъ чудесъ и оракуловъ.

XXII. Мы признаемъ бытіе духовныхъ существъ, и самое имя, даваемое имъ нами, не новое. Философы знаютъ, что существуютъ демоны. *Сократъ* выкидалъ отвѣтовъ отъ своего демона, который соутствовалъ ему съ самаго младенчества, и не могъ не наводить его иногда на зло. Поэты также знаютъ, что есть демоны. Знаетъ о томъ самый даже невѣжественный народъ: онъ часто въ своихъ клятвахъ и божбахъ употребляетъ имя демоновъ и начальника ихъ сатаны. *Платонъ* равнымъ образомъ признаетъ ангеловъ. Волхвователя, если вы станете слушать ихъ, научатъ васъ, что существуютъ демоны и ангелы. Но какимъ образомъ изъ нѣкоторыхъ ангеловъ, добровольно развратившихся, произошло еще развратнѣйшее племя демоновъ, отверженныхъ Богомъ, съ ихъ соучастниками и начальникомъ, о томъ въ точности говорится тотъко въ священныхъ нашихъ книгахъ.

Довольно, если мы упомянемъ о ихъ дѣйствіяхъ: всѣ они клонятся къ тому, чтобы человека сдѣлать несчастнымъ. Съ самаго начала міра злоба ихъ увѣнчана совершеннымъ въ томъ успѣхомъ. Они причи-

няють тѣлу болѣзни и жестокіе припадки, а въ душѣ возбуждаютъ сильныя и неустовыя похотѣнія: утонченность ихъ природы, ускользящая отъ чувствъ, весьма имъ въ томъ благопріятствуетъ. Нельзя видѣть духовъ, когда они дѣйствуютъ; они замѣчаются только по множеству золъ, ими творимыхъ, какъ то напримѣръ, когда тайное поврежденіе воздуха обрываетъ цвѣты, изсушаетъ зародыши, портитъ плоды, или, сдѣлавшись заразительнымъ, испускаетъ чумныя пары.

Такими-то скрытвыми средствами злые ангелы и демоны возмущаютъ души, повреждаютъ ихъ, ввергаютъ въ бѣшенство и безуміе, возбуждаютъ въ нихъ позорныя пожеланія, ослѣпляютъ ихъ до такой степени, что онѣ сами себя боготворятъ; а васъ заставляютъ приносить сямъ призракамъ благоуханныя жертвы, которыми сіи нечистые духи пресыщаются. Но всего для нихъ пріятнѣе удалять человѣка отъ Бога посредствомъ своихъ обаяній и оракуловъ, которые я предъ вами обличу.

Всякой духъ имѣетъ полетъ быстрой птицы; а потому ангелы и демоны перепосыта съ мѣста на мѣсто во мгновеніе. Вся земля для нихъ какъ одно мѣсто: для нихъ такъ же легко узнать, гдѣ что дѣлается, какъ и разгласить о томъ повсюду. Быстрота ихъ, свойственная ихъ невѣдомой природѣ, весьма способна къ тому, чтобы выдавать себя за боговъ. Они хотятъ почитаться виновниками того, что возвѣщаютъ, и дѣйствительно бываютъ виновниками только не добра, а зла. Имъ извѣстны даже намѣренія Божіи, первоначально чрезъ пророковъ, а нынѣ чрезъ ихъ писанія. Такимъ-то образомъ похищая у божества таинства Его, они успѣваютъ притворно Ему подражать.

Относительно ихъ прорицаній, *Крезъ* и *Пирръ* могутъ служить для васъ примѣромъ, какъ искусно умѣютъ они приспособлять ихъ такъ, чтобъ онѣ всегда согласовались съ какимъ бы то ни было происшествіемъ. Причиною тому, отъ чего жрица знала въ Дельфахъ о томъ, какъ *Крезъ* варилъ черепаху, было то, что мимый богъ въ ту минуту переносился въ Лидію, и пересказалъ о томъ жрицѣ. Блуждая въ воздухѣ, носясь на облакахъ, сближаясь со звѣздами, демоны легко могутъ предсказывать объ измѣненіяхъ времени.

Вы не безъ основанія восхваляете ихъ по предмету лѣченія болѣзней. Они начинаютъ тѣмъ, что производятъ болѣзни, потомъ предписываютъ неслыханныя лѣкарства, и вы полагаете, что они излечили зло, въ то время, какъ только перестали они дѣлать его. Но къ чему приводить чудеса и обаянія сихъ лживыхъ духовъ, описывать призраки подъ личиною *Кастора* и *Полукса*, выставлять за диво воду, носимую весталкою въ ситѣ, корабль, влекомый поясомъ, бороду, вдругъ дѣлающуюся рыжею? За чѣмъ изобрѣтены всѣ подобныя чудесничества? За тѣмъ, чтобы заставить поклоняться камню въ предосужденіе истинному Богу.

XXIII. Если люди посредствомъ волхвованія показываютъ намъ призраки, если они вызываютъ души мертвыхъ, заставляютъ прорицать дѣтей, овецъ, подстоля, искусно подражаютъ дѣйствительнымъ чудесамъ, умѣютъ насылать сны чрезъ ангеловъ и демоновъ, ими призываемыхъ, и пользоваться властію ихъ: то кольми паче сіи обольстительныя существа въ состояніи производить для самихъ себя то, что въ пользу другихъ дѣлаютъ. Но когда боги ваши не дѣлаютъ ничего инаго, кромѣ того, что дѣлаютъ ангелы и демоны: то гдѣ же тутъ превосходство, преимущество,

огличающее божественное естество? Думаете ли вы, что боги не болѣе ангеловъ и демоновъ? Не вѣроятнѣ ли, что сіи самыя души, заставляющіе васъ посредствомъ своихъ обаяній вѣрить въ боговъ, дѣлаютъ васъ собственными своими поклонниками подъ ихъ именемъ? Или не происходитъ ли различіе только отъ мѣстъ, такъ что тѣ, которыхъ вы признаете за боговъ во храмѣ, перестаютъ быть ими во всякомъ другомъ мѣстѣ? Въ такомъ случаѣ можно бы утверждать, что люди, бѣгающіе по кровлямъ храмовъ, не такіе безумцы, какъ бѣгающіе по кровлямъ сосѣднихъ домовъ: что увѣчующіе себя гораздо умнѣе, нежели перерѣзывающіе себѣ горло. Подобныя нелѣпости не происходятъ ли отъ одного и того же начала? Но до сихъ поръ были однѣ только слова. Теперь слѣдуетъ доказательство на самомъ дѣлѣ, что боги ваши и демоны одно и тоже.

Приведите въ судилище ваше чловѣка, о которомъ повѣрно извѣстно, что онъ одержимъ бѣсомъ или бѣспуется, и пусть Христіанинъ, какой бы ни былъ, прикажетъ демону говорить. Демонъ сознается, что онъ дѣйствительно демонъ, и что въ иныхъ случаяхъ ложно выдаетъ себя за бога. Приведите также кого либо изъ тѣхъ, которые почитаются у васъ боговдохновенными, которые, силясь перевести духъ надъ жертвенниками, вмѣстѣ съ дымомъ пріемлютъ будто бы божество, и которые, задыхаясь отъ взступленія, произносятъ прорицанія. Если дѣва Целестисъ, богиня дождя, если Эскуланъ, изобрѣтатель медицины, возвратившій будто бы жизнь Сокордію, Танатію и Есклепідоту, предназначеннымъ лишиться ея въ другой разъ, — если они, не смѣя лгать передъ Христіаниномъ, не признаютъ себя демонами: въ такомъ случаѣ пролейте тутъ же кровь сего дерзновеннаго Христіанина.

Можетъ ли что быть торжественнѣе и вѣрнѣе сего доказательства? Это самая истина съ своею простотою и силою. Въ чемъ тутъ подозрѣвать: въ волхвованіи или въ обманѣ? Ваши уши и ваши глаза обличаютъ васъ. Нѣтъ! Вамъ не останется ничего противопоставить такой явной, безыскусственной очевидности. Если ваши боги дѣйствительно боги: то за чѣмъ имъ ложно говорить, что они демоны? Не изъ уваженія ли къ вамъ? Стало быть божественность ихъ покорена Христіанамъ. Но что жъ это за божество, которое зависитъ отъ людей, и, что всего несноснѣе, зависитъ отъ противниковъ? Если съ другой стороны боги ваши ангелы или демоны: то за чѣмъ имъ говорить, что они въ иныхъ случаяхъ выдаютъ себя за боговъ? Подобно какъ почитающіеся за боговъ, когда бы дѣйствительно были боги, не стали бы называть себя демонами, дабы не упизить себя: такъ и настоящіе по сознанію вашему демоны не принимали бы имени боговъ, когда бы сіи послѣдніе въ самомъ дѣлѣ существовали: они безъ сомнѣнія не осмѣлились бы безчестить величіе своихъ властелиновъ. Вѣрно и неоспорно, что божество, которому вы поклоняетесь, не существуетъ, потому что если бы оно существовало, то ни демоны не присвоивали бы его себѣ, ни боги отъ него бы не отрекались. Тѣ и другіе совмѣстно убѣждаютъ васъ, что они не боги. Познайте же, что всѣ они демоны, и ищите божества инаго. Христіане, доказавши вамъ ложность боговъ вашихъ вашими же богами, открываютъ вамъ тѣмъ же путемъ, кто собственно есть истинный Богъ, единъ ли Онъ, тотъ ли самый, котораго признаютъ Христіане, надлежитъ ли вѣровать въ Него и поклоняться Ему, какъ вѣра и обряды Христіанскія повелѣваютъ.

И такъ да скажутъ вамъ сами боги ваши, кто такой есть Иисусъ-Христосъ, обывновенный ли Онъ только человекъ или волхвъ, украли ли ученики тѣло Его изъ гроба, находится ли Онъ между мертвыми, или паче на небеси, не долженъ ли Онъ оттуда спизойти на землю при концѣ міра среди трепета и стоновъ всѣхъ смертныхъ, включая Христіанъ, спизойти, окруженный величіемъ Того, кто собственно есть сила и духъ Божій, Слово Божіе, премудрость, разумъ, Сынъ Божій. Съ другой стороны, они могутъ сколько угодно вмѣстѣ съ вами насмѣхаться надъ нашими таинствами, отвергать, будто бы Христосъ по всеобщемъ воскресеніи не будетъ судить всѣхъ людей, утверждать вмѣстѣ съ *Платономъ* и поэтами, что судъ сей произведутъ *Миносъ* и *Радамантъ*. Но никогда мнимые боги ваши не изгладятъ срама своего осужденія, никогда не дерзнутъ отпираться, что они нечистые духи: чему слишкомъ яснымъ доказательствомъ служатъ смрачныя жертвоприношенія, ихъ увеселяющія, и всякаго рода мерзости, производимыя ихъ жрецами; они никогда не посмѣютъ отрицать, что въ день суда будутъ осуждены вмѣстѣ со всѣми своими обожателями и служителями.

Власть надъ демонами мы производимъ именемъ Иисуса-Христа, и угрозы, нами имъ дѣлаемыя, происходятъ отъ Него и отъ Бога. Боясь Христа въ Богѣ и Бога во Христѣ, они покоряются служителямъ Бога и Христа. Въ нашемъ присутствіи, когда мы имъ повелимъ, они, будучи объаты ужасомъ отъ одной мысли о вѣчномъ огнѣ, исходятъ изъ тѣлъ въ вашихъ глазахъ съ бѣшенствомъ и стыдомъ. Вы вѣрите имъ, когда они васъ обманываютъ: повѣрьте же, когда они вамъ и правду говорятъ. Можно лгать изъ тщеславія, но никто не лжетъ, чтобы быть обезчещеннымъ. Отъ

того мы скорѣе вѣримъ тѣмъ, которые сами себя обличаютъ, нежели тѣмъ, которые отпираются изъ собственной выгоды. Свидѣтельства боговъ вашихъ дѣлаютъ многихъ Христіанами: они, вѣря имъ, вѣрують и во Христа. Дѣйствительно свидѣтельства сіи воспаляютъ вѣру въ священныя наши книги, и укрѣпляютъ основаніе нашей надежды: а вы привосите имъ въ жертву кровь Христіанскую. Какимъ же образомъ, имѣя въ васъ столь полезныхъ, столь ревностныхъ себѣ поборниковъ, могли бы боги ваши приводить людей въ Христіанство, съ тѣмъ, чтобы послѣ отъ нихъ же быть изгнанцами, если бы дозволено имъ было лгать, когда Христіанинъ въ вашемъ присутствіи пожелаетъ исторгнуть изъ устъ ихъ правду?

XXIV. Таковое сознаніе боговъ вашихъ въ томъ, что они не боги, и что нѣтъ инаго Бога, кромѣ Христіанскаго, служитъ достаточнымъ кажется доводомъ къ оправданію насъ въ оскорбленіи Римской Религіи; ибо если правда, что они не боги, то по необходимому слѣдствію, правда и то, что религія ваша не настоящая Религія. Когда же это не Религія: то какъ можно обвинять насъ въ оскорбленіи Религіи? Обвиненіе ваше падаетъ на самихъ васъ, погому что вы обожаете ложь, и что не только презираете истинную Религію истиннаго Бога, но и вооружаетесь противъ нея, и слѣдовательно становитесь дѣйствительно виновными въ прямомъ безбожіи.

Да хотя бы и точно вѣдомо было, что это какіе-то боги: то не сами ли вы сознаетесь, судя по общему мнѣнію, что есть другое высшее, могущественнѣйшее существо, какъ бы владыка міра, и что верховная власть заключается въ немъ одномъ, если бы даже служебныя обязанности божества раздѣлены были и между многими? Вотъ почему *Платонъ* представляетъ

великаго Юпитера на небесахъ главою воинства боговъ и демоновъ. По вашему мнѣнію надлежитъ обожать вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ тѣхъ, кого онъ поставилъ своими воеводами. Какое же преступленіе въ глазахъ вашихъ было бы угождать только ему одному, всего ожидать отъ него одного, отрекаясь давать имя боговъ всѣмъ другимъ? Но не ясное ли преступленіе давать имя императора кому бы то ни было, кромѣ императора?

И такъ предоставьте однимъ поклоняться истинному Богу, а другимъ Юпитеру; однимъ подымать руки къ небу, а другимъ къ жертвеннику вѣры; однимъ исчислять, какъ вы говорите, облака, а другимъ обозрѣвать съѣта свода небеснаго; однимъ приносить въ жертву Богу себя самихъ, а другимъ козла. Берегитесь, чтобы не сочтено было за нѣкоторый родъ безбожія, когда вы отъимете свободу богопочитанія и выборъ божества, когда не позволите мнѣ поклоняться тому богу, какому я хочу, и станете принуждать меня поклоняться такому богу, какому я не хочу. Какой богъ потребуетъ себѣ насильственныхъ почестей! Человѣкъ даже ихъ не пожелаетъ.

Египтяне властны владѣться во всѣхъ нечѣпости своихъ предразсудковъ, властны включать всякаго рода животныхъ въ число боговъ, властны предавать смерти всѣхъ тѣхъ, кто бы убилъ одного изъ сихъ боговъ. Всякая провинція, всякой городъ имѣетъ своихъ боговъ: Сирія Астарту, Аравія Дизара, Фригія Белеса, Африка Селестиса, Мавританія имѣетъ своихъ царей. Я тутъ наименовалъ кажется Римскія провинціи; но боги ихъ не Римскіе боги. Боги муниципальныхъ городовъ Италіи также не приняты въ Римѣ. Дельвинтъ обожается въ Кассинѣ, Визидіанъ въ Марии, Анкарія въ Асколи, Нурсія въ Вулсвиѣ, Валленція въ Окрипулумѣ, Нортія въ Сутринѣ, Курисъ въ

Фалезъ, Курисъ, давшій свое имя дочери своей Юпонъ. — У однихъ насъ отъемлетя свобода совѣсти. Одни мы оскорбляемъ Римлянъ: они насъ не признаютъ за Римлянъ потому только, что Бога нашего не обожаютъ. Но угодно ли вамъ или негодно, а нашъ Богъ есть Богъ всего рода человѣческаго. Вы вольны до времени обожать все, кромѣ истиннаго Бога; но Богъ, отъ котораго мы зависимъ, долженъ наконецъ непременно быть обожаемъ всѣми.

XXV. Мнѣ не нужно кажется ничего болѣе прибавлять къ доказательствамъ моимъ о ложности вашихъ боговъ и объ истинѣ нашего Бога. Свидѣтельство самыхъ боговъ вашихъ подтверждаетъ очевидность и силу моихъ доводовъ. Но какъ рѣчь шла о Римлянахъ: то я не отрекусь войти въ споръ и съ тѣми, которые утверждаютъ, будто бы Римляне по причинѣ одной своей ревности къ Религiи возвысились до такой степени славы, что сдѣлались властителями міра, и будто бы доказательствомъ дѣйствительности ихъ божества служить то, что наибольшіе ихъ поклонники суть и сильнѣйшіе въ мірѣ народы.

Столь важную награду видно даровали Римлянамъ собственныя ихъ боги, я разумѣю, Серкулъ, Мутунъ и Лаврентина; ибо что касается до иностранныхъ, то не вѣроятно, чтобъ они Римлянъ предпочли своимъ соотечественникамъ, чтобъ они чужому народу уступили свою землю, гдѣ родились, гдѣ провели жизни свою и прославились, и гдѣ покоится прахъ ихъ.

Но можетъ быть Цибела любить въ Римлянахъ собственную кровь свою, любить потомковъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ она нѣкогда защищала противъ Грековъ. Можетъ быть она пожелала перейти къ ихъ мстителямъ, предвидя, что они нѣкогда подвергнуть подъ нго свое завоевателей Фигiи. Какое

же славное явила она въ наше время доказательство своего предвѣдѣнія и своей божественности! Республика лишилась Императора *Марка-Аврелія* близъ *Сирміуса*; а между тѣмъ почтенный вождь Галловъ дѣлалъ *Цибель* въ честь его возліянія собственною кровію, повелѣвъ приносить богамъ обыкновенныя молитвы о здравіи его, въ то время, какъ онъ былъ уже мертвъ. Видно курьеры были слишкомъ лѣнны, замедливъ предувѣдомить *Цибелю* о смерти Императора. Но истинѣ Христіанамъ не остается иного, какъ смѣяться надъ подобными божествами.

Могъ ли *Юпитеръ* равнодушно смотрѣть, какъ оружіе Римское испровергло островъ его *Критъ* до основанія? Не уже ли забылъ онъ вовсе пещеру горы *Иды*, пляски *Корибантовъ*, куренія своей кормилицы? Не уже ли дороже для него *Капитолій*, нежели собственная его гробница? Не долженъ ли онъ былъ преимущественно даровать владычество міра той землѣ, которая покрываетъ прахъ его?

Равнымъ образомъ какъ могла *Юнона* перенести, чтобы возлюбленный городъ (*Кароагенъ*), предпочитаемый ею даже *Самосу*, разрушенъ былъ племенемъ *Енея*, городъ, въ которомъ хранились колесница и оружіе ея, которымъ она гордилась, и котораго владычество желала она распространить на всѣ народы, если бы только судьбы то позволили (*)? Будучи супругою и сестрою *Юпитера*, она не могла ничего сдѣлать противъ судебъ: самъ *Юпитеръ* имъ покорялся (**). Судьбы предали *Кароагенъ* Римлянамъ вопреки жела-

(*) . . . . . *Hic illius arma,
Hic currus fuit: hoc regnum dea gentibus esse,
Si qua fata sinant, jam tum tenditque fovetque.*
(*Virg. Aeneid. lib. I. V. 16—18*).

(**) . . . . . *Fato stat Jupiter ipse.*

ніямъ и успіямъ Юпоны, и при всемъ томъ Римляне никогда не оказывали судьбамъ такихъ почестей, какъ Лаврентиѣ, самой неспособной женщинѣ.

Извѣстно, что многіе изъ вашихъ боговъ царствовали. И такъ если они теперь раздають царства: то отъ кого сами ихъ получили? Какимъ божествамъ поклонялись Юпитеръ и Сатурнъ? Вѣроятно какому нибудь Стеркулу. Но Стеркулу и соотечественникамъ его, гораздо позже воздвигнуты въ Римѣ олтари.

Относительно тѣхъ вашихъ боговъ, которые не царствовали, надобно сказать, что въ ихъ время были цари, не воздававшіе имъ никакихъ почестей, потому что и самыхъ тѣхъ боговъ еще не было. За-долго до вашихъ боговъ существовали Государи; а потому надлежитъ искать другихъ раздавателей царскихъ вѣнцовъ, а не подобныхъ боговъ.

Впрочемъ нѣтъ никакого основанія приписывать величіе Римлянъ богамъ, какъ бы въ воздаяніе за оказанныя имъ со стороны ихъ почести, потому что почести сіи возданы имъ уже позже пріобрѣтенія величія. Извѣстно, что хотя *Нума* первый установилъ ваши суевѣрія, но въ его время не имѣли вы ни статуи, ни храмовъ: религія была простая, обряды бѣдные; не было Капитоліи выше Олимпа; жертвенники дѣлапы были на-скоро изъ земли, сосуды изъ глины, куренія легкія; богъ нигдѣ съ блескомъ не показывался; искусство Грековъ и Этрусковъ еще не украшало Рима изваяпіями. Словомъ сказать Римляне не были религіозны прежде, нежели сдѣлались великими; слѣдовательно они велики не потому, что были религіозны. Да и какъ быть ипаче, когда пренебреженіе Религіи было источникомъ ихъ величія?

Дѣйствительно царства и имперіи, если я не ошибаюсь, основываются войнами, увеличиваются побѣ-

дами; но войны и победы неизбѣжно влекутъ за собою разореніе городовъ. Города не могутъ быть разоряемы безъ того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не страдали и боги. Стѣны и храмы разрушаются совою кровью, кровь жрецовъ смѣшивается съ кровію согражданъ, одиѣ и тѣже руки похищаютъ и священное и мірское золото. Такимъ образомъ, сколько трофеевъ было у Римлянъ, столько и святотатствъ, сколько побѣдъ надъ народами, столько побѣдъ и надъ богами; сколько добычь дѣлается у непріятеля, столько увозится и плѣнныхъ боговъ. И боги сіи охотно соглашаются принимать почести отъ своихъ враговъ и побѣдителей? Они даютъ неограниченную власть тѣмъ, отъ которыхъ слѣдовало бы имъ требовать удовлетворенія за обиду, а не поклоненія.

Ничего нѣтъ легче, какъ обижать безнаказанно, а также и обоготворять суетно боговъ, ничего не чувствующихъ. Трудно приписывать Религіи величіе Римлянъ, которые оскорбляли ее по мѣрѣ, какъ возвеличивались, или возвеличивались по мѣрѣ, какъ оскорбляли ее. Впрочемъ всѣ побѣжденные народы, которыхъ царства обращены въ провинціи Римской имперіи, имѣли до того собственную свою Религію.

XXVI. Убѣдитесь же, что Раздатель царскихъ вѣнцовъ есть то верховное Существо, отъ котораго зависятъ и земля и царствующие на землѣ; что Тотъ, кто былъ прежде времени и сотворилъ времена и вѣки, установилъ также сроки и взмѣненія имперій; что города возвышаются и падаютъ по волѣ Того, кто обладалъ родомъ человѣческимъ прежде, нежели существовали города.

Зачѣмъ вамъ самимъ себя обманывать? Дикій Римъ древнѣе нѣкоторыхъ вашихъ боговъ. Онъ правительствовалъ прежде, нежели Капитолій получилъ огром-

ную окружность. Вавилопяне царствовали прежде вашихъ первосвященниковъ, Мидяне прежде вашихъ децемвировъ, Египтяне прежде вашихъ салійскихъ жрецовъ, Ассірійцы прежде вашихъ Луперковъ, Амазонки прежде вашихъ Весталокъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ боги ваши располагали царствами: то Іудеи, современники всѣхъ боговъ, конечно изъ удостоились бы чести когда либо царствовать. Между тѣмъ вы приносили жертвы ихъ Богу, снабжали дарами храмъ Егэ, удостоивали союза своего ту націю, которой бы вы никогда не покорили, если бы она не совершила послѣдняго покушенія противу Христа.

XXVII. Мы кажется довольно оправдали себя въ оскорбленіи боговъ вашихъ, доказавши вамъ, что они не боги. А потому, когда вы принуждаете насъ приносить имъ жертвы: то мы всегда защищаемся сознаниемъ собственной совѣсти, которая научаетъ насъ, кому должны принадлежать почести, воздаваемыя симъ кумирамъ и обоготворяемымъ людямъ. Но нѣкоторые изъ васъ считаютъ насъ за безумныхъ, что мы лишаемся жизни по упрямству, между тѣмъ, какъ принеся жертвы, могли бы спастись и остаться при своемъ мнѣніи. Изрядный даете вы намъ тутъ совѣтъ, сами себя обманывая. Но мы легко понимаемъ, кто вамъ его внушаетъ, и какія онъ употребляетъ средства то хитрости то жестокости, чтобы только возобладать нашею совѣстію. Это тотъ духъ, вмѣстѣ и ангелъ и демонъ, который, сдѣлавшись по паденіи своемъ врагомъ нашимъ, изъ зависти къ дарамъ божественной благодати, вкрадывается въ сердца ваши, откуда, воюя противъ насъ, внушаетъ вамъ (такъ что вы того и не примѣчаете) тѣ неправедные и варварскіе суды, о которыхъ я говорилъ въ началѣ сей Апологіи.

Знайте, что хотя демоны намъ и покорствуютъ, но, какъ злые рабы, часто къ страху примѣшиваютъ буйство. Они съ радостію стараются вредить тѣмъ, кого боятся: ненависть есть дочь страха. Будучи осуждены на казнь безъ надежды, они за единственное утѣшеніе поставляютъ себѣ наслаждаться плодами своей злобы, доколѣ еще казнь ихъ вполнѣ не совершилась; но они всегда нападаютъ на насъ только издалека. При нашемъ приближеніи они покоряются и просятъ пощады, и тотчасъ входятъ въ свое положеніе. Подобно какъ рабы, убѣжавшіе изъ оковъ, изъ темницъ или изъ рудокопень, устремляются противъ господъ своихъ тѣмъ съ вѣщимъ бѣшенствомъ, чѣмъ болѣе чувствуютъ неравенство силъ своихъ: такъ и мы, будучи обязаны сражаться съ сими непріязненными духами, противоборствуемъ имъ съ равносильнымъ остервененію ихъ мужествомъ, и никогда надъ ними славище не торжествуемъ, какъ умирая за вѣру.

XXVIII. Однакожь принуждать свободныхъ людей приносить жертвы, значитъ оказывать вопіющую несправедливость, оказывать неслыханное насиліе. Какое безразсудство хотѣтъ заставитьъ человѣка воздавать божеству почести, которыя онъ и безъ того готовъ самъ собою воздавать! Не въ правѣ ли онъ сказать: «не хочу я, чтобъ Юпитеръ мнѣ благопріятствовалъ. Что вы тутъ мѣшаетесь? Пусть Янусъ сердится; пусть обращаетъ ко мнѣ такое лице, какое ему угодно: что вамъ за дѣло?»—Вотъ для чего сіи враждебные духи побуждаютъ васъ заставлятъ Христіанъ приносить всендневно жертвы не только себѣ, но и Императорамъ. Вы поставляете себѣ за долгъ принуждать Христіанъ къ тому; а они вмѣняютъ себѣ въ обязанность подвергаться тутъ опасности жизни.

Теперь дѣло дошло до преступленія въ оскор-

бленія нами величества человѣческаго: но вы сами величество сіе считаете выше величества Божія. Вы имѣете болѣе страха и благоговѣнія къ Императору, нежели къ Юпитеру Олимпійскому. Вы въ семь случаевъ конечно правы, если только есть въ васъ разумъ: послѣднійъ взъ живыхъ лучше всякаго мертвеца. Но не это побужденіе движетъ вами. Вы уважаете болѣе могущество Императоровъ, потому что оно передъ вашими глазами; а въ самомъ дѣлѣ виновны передъ божествомъ за то, что предпочтаете ему величіе человѣческое. Посему вамъ легче преступить клятву, произнесенную именемъ всѣхъ вашихъ боговъ, нежели однимъ гнѣвомъ Императора.

XXIX. Прежде всего надобно удостовѣриться, могутъ ли тѣ, кому вы приносите жертвы, доставлять здравіе Императорамъ или кому либо другому. Если это такъ: то поступайте съ нами, какъ съ преступниками. Но если въ самомъ дѣлѣ сіи злые духи, ангелы или демоны, способны дѣлать какое либо добро, если они, подвергшись сами невозвратной гибели, въ состояніи оправдывать и спасать другихъ, если мертвые (вы понимаете, о комъ я говорю) могутъ охранять живыхъ: то пусть прежде сами постараются охранить и защитить собственныя свои статуи и храмы, которые не могутъ обойтись безъ императорской стражи. Матеріалъ для сихъ статуй и храмовъ не извлеченъ ли изъ рудоконней Императора, и самые храмы не зависятъ ли единственно отъ него? Многіе боги испытали гнѣвъ его; другіе удостоились его милостей и благоволенія. Могутъ ли же мнимые боги сіи, состоящіе во власти Императора, получающіе все отъ него, быть властителями его судьбы? Какъ можетъ онъ имъ обязанъ быть своимъ охраненіемъ, когда они собственнымъ охраненіемъ ему одолжены?

Отъ чего мы считаемся преступниками въ оскорбленіи величества? Отъ того, что не ставимъ Императора ниже того, что ему подвластно, отъ того, что не играемъ его благоденствіемъ. Вы думаете благоговѣть къ нему, потому что ищете благоденствія его тамъ, гдѣ его нѣтъ, что просите его у тѣхъ, кто дать его не можетъ, между тѣмъ какъ и не помышляете о Томъ, отъ кого оно единственно зависитъ, ведя жестокую войну съ Христіанами, которые одни знаютъ, какимъ образомъ благоденствіе сіе испросить и получить.

XXX. О здравіи и благоденствіи Императоровъ мы молимъ Бога предвѣчнаго, Бога истиннаго, Бога живаго, у котораго и сами они ищутъ милости преимущественно предъ всѣми вообще богами. Могутъ ли они не знать, что отъ Него пріемлютъ они и власть и жизнь, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Его, что они состоятъ во власти Его? Они выше всѣхъ живыхъ людей, а кольми паче выше боговъ мертвыхъ. Имъ извѣстны предѣлы своей власти: они чувствуютъ, что ничего не могутъ предпріять противъ Того, чрезъ кого все дѣлать могутъ. Пусть Императоръ объявитъ войну противъ неба, привяжетъ его къ своей триумфальной колесницѣ, поставитъ стражу на небѣ, сдѣлаетъ небо своимъ данникомъ: какая, скажете вы, неглѣпость! — Императоръ великъ, поколику признаетъ въ Богѣ неба и земли своего владыку. Творецъ неба и всѣхъ тварей есть и его творецъ. Чрезъ Него онъ Императоръ, и прежде, нежели сдѣлался Императоромъ, онъ былъ и есть человекъ. Онъ пріалъ царскій вѣнецъ отъ того же Бога, отъ котораго получилъ и жизнь. Мы, подымая глаза къ небу, простирая свободно руки, потому что онѣ чисты, обнажая голову, потому что намъ не отъ чего приходитъ въ стыдъ, не имѣя на-

ставника, который бы научилъ насъ молиться по заказу, потому что наша молитва происходитъ единственно отъ сердца, — мы просимъ у Бога Императорамъ долгоденствіа, мирнаго царствованія, безопасности ихъ дома, храбрости воинства, вѣрности Сената, благопріятія народа, спокойствія всего міра, словомъ всего того, что человѣкъ, что Императоръ пожелать только могутъ.

Мы можемъ просить всего сего отъ Того, въ комъ увѣрены, что Онъ услышитъ молитву нашу. Онъ одинъ можетъ все то исполнить; мы одни можемъ о томъ Его просить, какъ служители и поклонники Его, готовые пролить кровь свою за Его законъ. Мы приносимъ Ему драгоценнѣйшую жертву, Имъ самимъ повелѣнную, приносимъ молитву, происходящую отъ тѣла цѣломудреннаго, отъ души непорочной и отъ духа святаго. Мы не приносимъ Ему нѣсколькихъ зеренъ ѳиміама или другихъ аравійскихъ благовоній, не приносимъ нѣсколькихъ капель вина, крови отъ издыхающаго быка, а тѣмъ паче печистой совѣсти.—Я всегда удивляюсь, какъ ваши развратные жрецы искусны въ выборѣ жертвъ, и какъ они смотрятъ болѣе на внутренность животныхъ, нежели на сердца модельщиковъ.

И такъ въ то время, какъ мы такимъ образомъ молимся, раздирайте тѣло наше, если угодно, желѣзными когтями; пригвоздите насъ ко кресту; повергайте въ огонь; обнажайте мечъ противъ насъ; бросайте насъ въ съѣдъ звѣрямъ: молящійся Христіанинъ готовъ все претерпѣть. Спѣшите, ревностные Правители, исторгать жизнь у тѣхъ людей, которые проводятъ ее въ молитвахъ за Императора. Стало быть преступленіе наше одно, а именно, что мы соблюдаемъ правду и вѣрность къ Богу.

XXXI. Но вы, говорите вы, не иное что, какъ льстецы, которыхъ цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы посредствомъ обмана избѣгнуть казни.—Правду сказать, хитрость сія намъ и удастся: вы на дѣлѣ то доказываете. Однакожъ, если вы увѣрены, что мы не пріемлемъ никакого участія въ жизни Императоровъ: то загляните въ наши книги, которыя суть самое слово Божіе. Мы ихъ ни отъ кого не скрываемъ: разныя обстоятельства допускаютъ и постороннихъ людей имѣть ихъ въ своихъ рукахъ. Вы увидите, что намъ изъ любви къ ближнему строго повелѣно молиться за враговъ нашихъ и добро творить гонящимъ насъ. Кто же наибольшіе враги, жесточайшіе гонители Христіанъ, какъ не тѣ невѣрующіе Императоры, въ оскорбленіи величества которыхъ Христіане обвиняются? Между тѣмъ въ священномъ нашемъ Писаніи предписывается именно сими словами: *«молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки: за царя и за всѣхъ, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ»* (I къ Тим. II, 1 и 2.). Да и дѣйствительно, когда имперія въ тревогѣ, то тревожатся и члены ея; равнымъ образомъ и мы, хотя считаемся людьми сторожкими, неизбежно подвергаемся той же участи.

XXXII. Впрочемъ мы имѣемъ еще и особенную причину молиться за Императоровъ и за Римскую имперію. Намъ извѣстно, что конецъ міра со всѣми ужасами, имѣющими сопровождать его, отлагается по причинѣ существованія Римской имперіи (*). Слѣдова-

(*) Въ первые вѣки Христіанства многіе, даже святые мужи, были того мнѣнія, что скоро наступитъ конецъ міра: ибо по священнымъ пророчествамъ, это послѣднее событіе тѣсно связано съ запусьбіемъ Рима; но въ то время совершилось только сокрушеніе

тельно, молясь объ удаленіи сего страшнаго переворота, мы молимся и о продолженіи имперіи Римской.

Если мы не клянемся геіемъ Императоровъ: то клянемся ихъ жизнью, которая несравненно многоцѣннѣе, нежели весь геіи, сущіе демоны. Мы благоговѣемъ въ Императорахъ къ суду Божию, поставившему ихъ правителями народовъ. Мы знаемъ, что они не имѣютъ иной власти, кромѣ дарованной имъ отъ Бога. Мы молимся о сохраненіи того, что Богъ восхотѣлъ: для насъ это величайшая присяга. Чтоже касается до геіевъ или демоновъ: то мы ихъ заклинаемъ, дабы изгнать ихъ изъ тѣлъ человѣческихъ. Мы не клянемся и не божимся ими, чтобы не воздать имъ чести, принадлежащей единому Богу.

XXXIII. Но зачѣмъ говорить болѣе о благоговѣйныхъ чувствахъ нашихъ къ Императору? Можемъ ли мы не имѣть ихъ къ тому, котораго Богъ пашъ возвелъ на престолъ, и котораго по сему поводу должны мы преимущественно почитать собственнымъ нашимъ Императоромъ? Мы можемъ болѣе другихъ способствовать къ сохраненію его особы, не только потому, что молимся о томъ Могущему даровать его, и стоимъ того, чтобъ Онъ испослалъ даръ сей, но напротивъ потому, что поставляя его ниже Бога, и ниже Бога единаго, мы располагаемъ Бога быть къ нему милостивымъ. Мы не равняемъ Императора съ Богомъ, не имеемъ его Богомъ, потому во первыхъ, что не умѣемъ лгать, во вторыхъ что не хотимъ издѣваться надъ нимъ, и въ третьихъ что самъ онъ не пожелаетъ быть признаваемъ за Бога, тогда какъ онъ только человекъ; и притомъ самый долгъ и польза человека требуютъ, чтобъ онъ считалъ себя ниже Бога. Древней Римской имперіи, а совершенное заустыніе — еще впереди, хотя и быстро приближается.

вольпо для него имѣть званіе Императора, званіе величественное, полученное имъ отъ Бога. Кто именуется его Богомъ, тотъ отъемлетъ у него званіе Императора: онъ не можетъ быть Императоромъ, не будучи человекомъ. Вамъ извѣстно, что когда везутъ его на пышной триумфальной колесницѣ: то и тутъ напоминаютъ ему, что онъ человекъ. Идущій сзади колесницы непрерывно твердитъ ему: «оглянись назадъ и помни, что ты человекъ.» Ничего не можетъ быть лестнѣе и приличнѣе къ внутреннему ему истиннаго понятія о славѣ, какъ таковое напоминаніе, признанное необходимымъ для вразумленія его, что такое онъ есть. Онъ менѣе былъ бы великъ, еслибъ именовался Богомъ, потому что чувствовалъ бы явную тутъ ложь. Онъ болѣе великъ тогда, какъ предувѣдомляютъ его, что онъ не Богъ.

XXXIV. Основатель имперіи вашей, *Августъ*, не терпѣлъ, чтобъ его называли владыкой. Имя сіе принадлежитъ собственно Богу. Я однакожъ согласенъ давать Императору имя владыки, но только не въ томъ смыслѣ, въ какомъ даю его Богу. Я не рабъ Императора (*). У меня владыка Господь, одинъ Богъ всемогущій и предвѣчный, который есть также Господь и Императора. Впрочемъ, можетъ ли отецъ отечества называться вмѣстѣ и его владыкой? Имя, внушающее кротость и любовь, не превосходитъ ли имени, означающаго одно только владычество? Посему и старшины семейства именуются отцами, а не владыками его.

Имя Бога неприлично Императору. Самой постыдной и пагубной лести пристойно давать ему такое. Имя Императора, станете ли вы величать симъ именемъ

(*) Надобно вспомнить, что Римъ именовался тогда еще Республикою.

кого либо изъ его подданныхъ? Столь ужаснымъ оскорбленіемъ вы навлечете мщеніе Императора какъ на себя, такъ можетъ быть и на того, кого съ нимъ сравните. Воздайте Богу должное Ему богопочтеніе, если хотите сохранить къ Императору покровительство Его. Перестаньте признавать внаго Бога; перестаньте именовать богомъ того, кто пуждается въ помощи Божіей. Если сія низкая и святотатственная лесь не стыдится своего обмана, то да устрашится послѣдствіи его. Да и сами вы не клянете ли того, кто именуеть Императора богомъ прежде его обоготворенія.

XXXV. И такъ Христіане враги государства потому, что воздаютъ Императору почести не суетныя, не ложныя, не святотатственныя; что, исповѣдуя истинную Религію, празднують торжественныя Императорскіе дни изліяніемъ чувствъ своего сердца, а не совершеніемъ различныхъ распутствъ. Правду сказать великое доказательство усердія: возжигать огни и раскладывать постели по улицамъ (*), дѣлать тутъ огромныя пиршества, обращать Римъ въ питейный домъ, разливать всюду вино, толпами бѣгать, производя всякія наглости и безчинства. Неужели радость пародная должна обнаруживаться чрезъ общій позоръ? Неужели то, что въ другое время непристойно, дѣлается пристойнымъ въ дни, посвященные Государю? Соблюдающіе законы изъ почтенія къ Государю, станутъ ли нарушать ихъ подъ предлогомъ оказываемой ему почести? Развѣ наглость и безчинство могутъ именоваться почестіемъ? Развѣ случай къ разврату можетъ считаться религіознымъ праздникомъ?

Мы вѣроятно весьма виноваты за то, что совер-

(*) У древнихъ шили и ѣли, не сидя, а лежа.

шаемъ объты свои о здоровіи Императоровъ, не переставая быть трезвыми, цѣломудренными и скромными. Въ сіи радостные дни мы не покрываемъ дверей домовъ нашихъ лаврами, не возжигаемъ свѣтильниковъ среди бѣлаго дня, не придаемъ жилищамъ своимъ вида убѣжищъ распутства.

Надобно привести въ яспость искренность доказательствъ вашихъ относительно особеннаго будто бы оскорбленія нами царскаго величества, состоящаго въ томъ, что мы отказываемся праздновать съ вами торжественные Императорскіе дни противнымъ всякой благопристойности, скромности и цѣломудрію образомъ. Надобно разсмотрѣть, не преступилъ ли часъ тутъ-тѣ самые, кто отъсметъ у насъ званіе Римлянъ, кто почитаетъ насъ за враговъ Императоровъ? Спрашиваю у Римлянъ, спрашиваю у несчастной толпы, наполняющей семь вашихъ холмовъ: съ должнымъ ли почтеніемъ толпа сія на своемъ языкѣ отзывается объ Императорахъ, и шадитъ ли она ихъ? Если бы природа покрывала сердца какою либо прозрачною только перепонкою: то въ нихъ ясно бы видимы были предметы тайныхъ ихъ желаній, проявляющіеся въ сердцахъ ихъ образы новыхъ Государей, которые бы непрерывно смѣнялись, чтобы осыпать народъ щедротами и раздачами. Вотъ тайныя желанія Римлянъ, въ то самое время, какъ они кричатъ: «о Юпитеръ! убавь у насъ лѣта и даруй ихъ Императору (*).» Христіанинъ не умѣетъ произносить подобныхъ словъ: онъ равнымъ образомъ не умѣетъ и пожелать себѣ новаго Императора.

Народъ, говорите вы, всегда народъ. — Пусть такъ; но народъ сей Римляне, величайшіе враги наши. —

(*) De nostris annis tibi Jupiter augeat annos.

Другіе классы государства, судя по званію ихъ, всегда были по словамъ вашимъ вѣрны долгу своему: никогда не было возмутителей ни въ Сенатѣ, ни въ рыцарскомъ орденѣ, ни въ арміи, ни во дворцѣ. — Откуда же вышли *Кассій*, *Нигеры*, *Албины*, убійцы своего государя между двумя лавровыми роцями, люди, изучающіеся въ гимназіяхъ, какъ искусство умерщвлять, вторгающіеся вооруженною рукою во дворецъ смѣлѣе *Сигеріевъ* и *Партеніевъ* (*). Всѣ эти люди, если не ошибаюсь, Римляне, а не Христіане, всѣ они до того дня, когда открылось возмущеніе, приносили жертвы за здравіе Императора, клялись его геіемъ, и паче всего не пропускали случая называть Христіанъ обществеными врагами.

Соумышленники и сообщники послѣднихъ мятежей, вседневно открываемыхъ, остальные члены того скопища, котораго кровожадные начальники уже истреблены, не украшали ли дверей домовъ своихъ самыми свѣжими и густыми лавровыми вѣтвями? Не дѣлали ли они на преддверіяхъ своихъ жилищъ великолѣпнѣйшихъ иллюминацій? Не наполняли ли площадей превосходными постелями, хотя правда и не съ тѣмъ, чтобы принимать участіе въ общей радости, но чтобы составлять обѣты на счетъ особаго праздника и втайнѣ совершать нѣкотораго рода посвященіе въ пользу того, кому предполагали вручить и императорскій скипетръ?

Тѣ, которые вопрошаютъ Астрологовъ, гадалей, Авгуровъ и волхвователей о жизни Императоровъ, равнымъ образомъ не упускаютъ ревностно выполнять сихъ религіозныхъ обязанностей. Между тѣмъ Христіане никогда не прибѣгаютъ къ подобнымъ наукамъ, изобрѣтеннымъ мятежными и отверженными отъ Бога

(*) Имена убійцы Императора Домиціана.

ангелами. Да и откуда можетъ происходить любопытство узнавать продолженіе жизни Императоровъ, когда нѣтъ умысла противъ нихъ, или по крайней мѣрѣ когда не ожидаютъ и не желаютъ ихъ смерти? Гадать о своихъ властителяхъ не то, что гадать о любимыхъ особахъ: любопытство на счетъ родства и дружбы весьма отлочно отъ любопытства на счетъ подданства.

XXXVI. Если то правда, что люди, именуемые вами Римлянами и считающіеся за Римлянъ, могутъ уличены быть въ томъ, что они враги имперіи: то не можетъ ли случиться и напротивъ, что люди, считающіеся врагами и не признаваемые за Римлянъ, суть на самомъ дѣлѣ настоящіе Римляне и нисколько не враги государства? Вѣрность и преданность къ Императорамъ не заключаются въ суетныхъ изъявленіяхъ мнимаго усердія, подъ личиною которыхъ измѣна такъ хорошо умѣетъ скрываться. Онѣ состоятъ въ чувствахъ любви, которыя обязаны мы имѣть ко всѣмъ людямъ, равно какъ и къ Императорамъ, потому что не однимъ Императорамъ подлежатъ желать добра. Мы Христіане дѣлаемъ добро безъ лицепріятія каждому, потому что дѣлаемъ его собственно для себя, не имѣя въ виду ни похвалы, ни награды отъ людей. Воздаятель нашъ одинъ Богъ, поставившій намъ въ законъ общую ко всѣмъ безъ исключенія любовь. Мы одинаковы какъ къ Императорамъ, такъ и ко всѣмъ людямъ, съ которыми находимся въ сношеніи. Намъ запрещено кому бы то ни было дѣлать зло или желать его; запрещено даже говорить и мыслить о немъ. Чтò не позволено намъ противъ Императора, тò не позволено и противъ всякаго другаго; а чтò не позволено противъ всякаго другаго, тò еще менѣе позволено противъ того, кого Богъ столь высоко вознесъ.

XXXVII. Если, какъ мы сказали, повелѣно намъ любить враговъ: то кого же намъ ненавидѣть? Если намъ запрещено мстить огорчающимъ насъ, дабы не сдѣлаться столь же виновными, какъ и они: то позволено ли намъ кого либо оскорблять?

Беру самихъ васъ въ судьи. Сколько разъ оказывали вы жестокости Христіанамъ, или по собственному побужденію или изъ повиновенія къ законамъ? Сколько разъ народъ, не выждавъ даже вашего приказанія, бросалъ на насъ камни и зажигалъ наши дома? Во время бакхавалій не щадятся даже и мертвые, нарушается спокойствіе мертвыхъ. Трупы Христіанъ, уже испорченныя, обезображенныя, извлекаются изъ гробовъ, чтобы надъ ними поругаться, чтобы истерзать ихъ въ куски. Но замѣтили ли вы, чтобы мы когда либо старались отомстить за такое ожесточеніе, преслѣдующее насъ даже за гробомъ? Достаточно бы было одной ночи съ нѣсколькими факелами, чтобы воздать зло за зло, еслибы то намъ позволено было; но не дай Богъ, чтобы божественная Религія употребила когда нибудь человѣческія средства къ отмщенію за себя, или бы изнемогла отъ испытаній. Если бы вмѣсто того, чтобы мстить втихомолку, вздумали мы дѣйствовать, какъ явные непріятели: то конечно не имѣли бы недостатка ни въ силахъ, ни въ войскахъ. Мавры, Маркоманы, Парояне, или другіе какіе нѣ роды, заключенные впрочемъ въ своихъ предѣлахъ, не столь многочисленны, какъ наша нація, имѣющая предѣлами своими всю вселенную. Мы существуемъ, такъ сказать, со вчерашняго дня, и уже наполняемъ все: ваши города, острова, замки, пригороды, совѣты, лагеря, трибы, декуріи, дворъ, сенатъ, форумъ: предоставляемъ вамъ одни только ваши храмы.

Неужели были бы мы неспособны воевать, даже

и при перовныхъ сплахъ, въ то время, какъ столь охотно позволяемъ себя умерщвлять, если бы не вмѣняли себѣ въ правлю, что лучше переносить, нежели причинять смерть? Не принимаясь даже за оружіе, не производя мятежа, мы могли бы побѣдить васъ однимъ тѣмъ, если бы отдѣлились отъ васъ. Самп можете понять, что когда бы такое множество людей, оставивъ васъ, удалилось въ какую либо отдаленную землю: то потеря столь великаго числа гражданъ всякаго состоянія обезсилила бы государство, и достаточно бы васъ наказала: вы бы пришли въ ужасъ, смотря на свое уединеніе, безмолвіе, общее какъ бы мертвенное изумленіе; вы бы стали искать людей, идъ къмъ повелѣвать; у васъ было бы больше непріятелей, нежели гражданъ; а нынѣ одно только множество Христіанъ причиною тому, что непріятели ваши являются въ маломъ числѣ.

И кто же бы васъ избавлялъ отъ скрытыхъ враговъ, имѣющихъ пагубное вліяніе какъ на тѣла, такъ и на души ваши, я хочу сказать, отъ демоновъ, которыхъ мы изгоняемъ безкорыстно и безвозмездно? Мщеніе наше удовлетворилось бы однимъ тѣмъ, чтобы вы вполнѣ предоставлены были злобѣ сихъ печистыхъ духовъ. А вы, не прісмля въ уваженіе оказываемой нами въ семъ случаѣ услуги, не разсуждая, что мы не только полезны, но и нужны для васъ, вы поступаете съ нами, какъ съ непріятелями. Мы правда отъявленные враги, но враги заблужденія, а не рода человѣческаго.

XXXVIII. Стало бытъ надлежитъ поступать съ нами съ кротостію, или по крайней мѣрѣ считать дозволенною сектою ту Религію, которой ни въ чемъ такомъ упрекнуть нельзя, чего по справедливости надобно опасаться отъ запрещенныхъ скопищъ. Онѣ запре-

щсны, если я не ошибаюсь, для общественнаго спокойствія, чтобы городъ не былъ раздвѣраемъ противоположными партіями: онѣ легко могли бы приводить въ замѣшательство собранія народа и сената, прерывать произносимыя рѣчи и общественныя зрѣлища, а особливо въ то время, когда и самое насиліе бываетъ продажное.

Что касается до насъ: то мы, не будучи одержимы пристрастіемъ ни къ славѣ, ни къ почестямъ, не находимъ никакой для себя выгоды составлять скопища или заговоры. Мы никогда не мѣшаемся въ общественныя дѣла: весь міръ есть ваша республика. Мы безъ труда отказываемся отъ вашихъ зрѣлищъ: исполненные презрѣнія ко всему, что въ нихъ происходитъ, мы приходимъ въ ужасъ отъ суевѣрій, которыя ихъ порождаютъ. У насъ ничего общаго нѣтъ ни съ нелѣпостями цирка, ни съ мерзостями театра, ни съ варварствомъ арены, ни съ безпутствомъ гимназій. Не дозволено ли было Эпикурейцамъ составить себѣ объ удовольствіи такое понятіе, какое имъ хотѣлось? Развѣ мы васъ оскорбляемъ тѣмъ, что избираемъ для себя другія удовольствія, а не ваши? Да хотя бы мы пользовались и всякаго рода увеселеніями: то вѣпою тому были бы не вы, а сами мы. Мы, правда, осуждаемъ ваши удовольствія; но и вы не хотите наслаждаться нашими.

XXXIX. Я хочу теперь показать, чѣмъ собственно занимается секта Христіанъ: оградивъ ее отъ клеветъ, пахожу нужнымъ, чтобъ она прямо была познана. Соединяясь узами одной и той же вѣры, одной и той же нравственности, мы составляемъ такъ сказать одно тѣло. Мы собираемся, чтобы молиться Богу, составляемъ священный союзъ, благопріятный Ему, молимся объ императорахъ, о ихъ министрахъ, о всѣхъ властяхъ, о мирѣ, о благосостояніи всего міра, объ удаленіи

окончательнаго переворота вселенной. Мы собираемся, чтобы читать священное Писаніе, изъ котораго, смотря по обстоятельствамъ, почерпаемъ необходимыя для насъ свѣдѣнія и наставленія. Сіе святое слово питаетъ нашу вѣру и надежду, поддерживаетъ наше упованіе, болѣе и болѣе усиливаетъ между нами благочиніе, вкореняя въ насъ правила его.

Тутъ-то происходятъ увѣщанія и исправленія, произносятся приговоры именемъ Божіимъ. Будучи увѣрены, что пребываемъ всегда въ присутствіи Его, мы совершаемъ какъ бы судъ божественный, и горе тому будетъ даже на послѣднемъ страшномъ судѣ, кто заслужитъ быть отлученнымъ отъ общихъ молитвъ, отъ нашихъ собраній, и отъ всякаго священнаго съ нами общенія.

Предсѣдательствуютъ старцы, достигая таковой чести не куплею, но испытаннымъ своимъ достоинствомъ. Дѣло Божіе цѣною золота не продается; если же есть у насъ родъ сокровища: то мы не приобретаемъ его отъ постыдной торговли вѣрою. Каждый ежемѣсячно, или когда въ другое время пожелаетъ, вноситъ извѣстную умѣренную сумму, сколько можетъ и сколько хочетъ: сборъ сей зависитъ совершенно отъ произвола. Эта касса благочестія не издерживается ни на пиршества, ни на распутства, но употребляется на пропитаніе и погребеніе нищихъ, на поддержаніе немущихъ сиротъ, на содержаніе служителей, изнуренныхъ старостію, на облегченіе участи несчастныхъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Если случатся Христіане, сосланные въ рудокопни, заключенные въ темницы, удаленные на острова, по причинѣ исповѣдуемой ими вѣры: то и они получаютъ отъ насъ вспоможеніе.

Есть же люди, приписывающіе намъ въ виду и

такую братскую любовь къ ближнему. Посмотрите, говорятъ, какъ они другъ друга любятъ (видио критикующіе насъ всѣ безъ исключенія ненавидятъ одинъ другаго). Взгляните, продолжаютъ, какъ они готовы умереть другъ за друга (сами же видио готовы перерѣзать одинъ другаго). Что касается до даваемого нами другъ другу имени братьевъ: то они чернятъ насъ за сіе едва ли не потому, что у нихъ кажется всѣ имена родства сдѣлались изъявленіемъ единственно лживой привязанности. — Мы равномерно братья и вамъ по праву природы, общей матери всѣхъ людей. Прада, что вы дурные братья; вы едва людямъ именоваться можете. Истинные братья только тѣ, которые признаютъ отцемъ своимъ единого Бога, которые напоены единымъ духомъ святости, которые, изшедши изъ мрака невѣжества, узрѣли съ изумленіемъ единый свѣтъ истины.

Но можетъ быть считаете вы насъ не за братьевъ или потому, что объ имени нашемъ не упомянуто ни въ одной изъ вашихъ трагедій, или потому, что мы живемъ по братски на счетъ общности имущества, между тѣмъ какъ у васъ эти имущества производятъ ежедневные раздоры между братьями. Составляя между собою одно сердце, одну душу, можемъ ли мы отказываться отъ общности имущества? Все у насъ общее, исключая женъ: мы раздѣляемся другъ отъ друга въ семъ единственно отношеніи, которое напротивъ того другіе ни во что ставятъ. Сіи послѣдніе какъ бы измѣняютъ права свои, даруемыя имъ супружествомъ, по примѣру вѣроятно своихъ мудрецовъ, *Сократа* у Грековъ и *Катона* у Римлянъ, которые женъ своихъ предоставляли друзьямъ, дабы имѣть отъ нихъ дѣтей, которыхъ не они отцы. Было ли это съ согласія женщ? Трудно въ томъ сомнѣваться. Будучи не достойнымъ образомъ отъ мужей своихъ предаваемы распутству,

могли ли опѣ высоко цѣнить супружеское цѣломудріе? О Аттическая премудрость! О Римская важность! Философъ и Цензоръ подають примѣръ позорнѣйшаго разврата.

Относительно Христіанъ, ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, что у нихъ общіе столы. Вы стараетесь опорочить вечера наши, почитая ихъ не только преступными, но и роскошными. Не о насъ ли полно *Діогенъ* сказалъ: Мегаряне ѣдятъ, какъ будто должно имъ умереть завтра, а строятъ зданія, какъ будто они безсмертны? Легче видѣть соломинку въ чужомъ глазѣ, нежели брусокъ въ своемъ. Воздухъ зараженъ отъ множества трибъ, курій и декурій. Салійцы (*) дають ужины не иначе, какъ входя въ долги. Празднества въ честь Геркулеса стоють неизчислимыхъ расходовъ. Для Апатурій (**), Діонисій (***) и аттическихъ мистерій, избираются искуснѣйшіе повара. Дымъ отъ Сераписовыхъ ужиновъ пробуждаетъ пожарныя команды. А между тѣмъ ни о чемъ иномъ не говорятъ, какъ о Христіанскихъ вечерахъ.

Одно ихъ имя показываетъ, какое къ тому побужденіе. Ихъ называють *агарес*: слово греческое, означающее любовь. Чего бы ни стоили вечера наши, мы считаемъ себя довольно вознагражденными тѣмъ, что дѣлаемъ добро: мы облегчаемъ тѣмъ состояніе бѣдныхъ людей, не думаемъ уподобляться вашимъ объѣдаламъ, которые ставятъ за честь продавать свою свободу, и являютъ къ вашимъ столамъ, чтобъ отличиться множествомъ наглостей. Мы обращаемся и съ бѣдными, какъ съ такими людьми, на которыхъ

(*) Жрецы, установленные Нумою для охраненія священныхъ шитовъ.

(**) Апатурій, празднества греческія въ честь разныхъ боговъ.

(***) Празднества Базусовы.

божество обращаетъ взоры свои съ пайбольшимъ благоволеніемъ.

Вы знаете, какъ наши вечера благочестивы: все, что на нихъ происходитъ, благоприлично, и учреждено соотвѣтственно видамъ Религіи. Во время вечера не терпится никакой низости, никакой нескромности: садятся за столъ не иначе, какъ помолясь Богу; ѣдятъ столько, сколько нужно для уголенія голода; пьютъ, какъ пристойно людямъ, строго соблюдающимъ воздержаніе и трезвость; насыщаются такъ, что тою же ночью могутъ возносить молитвы Богу; бесѣдуютъ, зная, что Богъ все слышитъ. По омовеніи рукъ и зажженіи свѣтильниковъ, каждый приглашается пѣть хвалебныя пѣсни Богу, извлеченныя изъ священнаго Писанія, или кѣмъ либо сочиненныя. Вечера оканчивается, какъ и началась, молитвою. Выходятъ оттуда не для того, чтобы прозводить безчинства, буйства и смертоубійства, но идутъ домой тихо, скромно, цѣломудренно: выходятъ паче изъ школы добродѣтели, нежели отъ вечера.

Запретите, уничтожьте наши собранія, если они состоятъ въ какомъ либо сношеніи съ опасными и преступными скопищами, или если можете вы упрекнуть ихъ въ томъ же, въ чемъ обвиняются обыкновенные заговоры. Но собьрались ли мы когда нибудь на тотъ конецъ, чтобы кому бы то ни было нанести вредъ? Мы и въ собраніяхъ и по одиначкѣ, вмѣстѣ и порознь, никогда никого не огорчаемъ, никого не оскорбляемъ.

XL. Собраніе людей честныхъ, добродѣтельныхъ, благочестивыхъ и цѣломудреныхъ, не шайка заговорщиковъ, но болѣе почтенный Сенатъ: имя заговорщиковъ прилично тѣмъ, которые возстаютъ противъ свихъ добродѣтельныхъ людей, велегласно требуютъ пролитія

ихъ крови, предлогомъ пенавпсти своей поставляютъ то, будто бы Христіане причиною всѣхъ общественныхъ бѣдствій. Жалкій предлогъ! Когда Тибръ наводняетъ Римъ, когда Циль не орошаетъ полей, когда затворится небо, когда случится землетрясеніе, голодъ, моровая язва, каждый тотчасъ кричитъ: Христіанъ на растерзаніе лвамъ. Какъ! неужели всѣхъ ихъ отдать лвамъ на растерзаніе? Но скажите пожалуйста: прежде *Тиверія*, то есть, прежде рождества Христова, развѣ земля и города не подвергались величайшимъ несчастіямъ? Развѣ не знаемъ мы изъ исторіи, что Гіераполь, а также острова Делось, Родось и Кось потерпѣли наводненіе; причемъ погибло нѣсколько тысячъ людей? *Платонъ* увѣряетъ, что Атлантическое море покрывало нѣкогда значительную часть материка Африки. Землетрясеніе изсушило Коринфское море. Свирѣпство воли отторгло Лукацію отъ Италіи, и сдѣлало изъ нея островъ Сицилію. Подобные перевороты на земномъ шарѣ не могли не сопровождаться гибелью множества людей. Гдѣ были, я не говорю, Христіане, презрители боговъ вашихъ, но самые ваши боги въ то время, когда потопъ наводнилъ всю землю влп по крайней мѣрѣ долины, какъ *Платонъ* полагасть? Города, гдѣ боги ваши родились, гдѣ умерли, самые тѣ города, которые они построили, достаточно доказываютъ, что они возникли послѣ потопа, а иначе бы и не существовали.

Іудей, отъ которыхъ христіане получили начало свое, не выходили еще изъ Египта, чтобы поселиться въ Палестинѣ, когда огненный дождь пожралъ на границахъ ея города и землю Содома и Гоморры. Земля въ странѣ сей днннѣ заражаетъ воздухъ вредными испареніями, и если покажутся тамъ какіе плоды, то тотчасъ обращаются въ прахъ отъ прикосновенія руки.

Тускія и Кампанія не жаловались на Христіанъ, когда Вулснія (*) сожжена была огнемъ небеснымъ, а Помпея (**) огнемъ горы своей. Никто не поклонялся въ Римѣ истинному Богу, когда Аннибалъ послѣ кровопролитной битвы при Каннахъ наполнилъ цѣлый четверкъ кольцами Римлянъ. Вы обожали всѣхъ вашихъ боговъ, когда Сенонскіе Галлы осадили Капитолій. Словомъ сказать города никогда не претерпѣвали несчастій безъ того, чтобы не участвовали въ нихъ и храмы. Стало быть боги не могутъ быть почитаемы виновниками бѣдствій, которыя они и сами ощущали.

Племя смертныхъ не переставало оскорблять истиннаго Бога то пренебреженіемъ богослуженія, то неисканіемъ верховнаго Бога, имъ проявлявшагося, то дѣлая себѣ особыхъ боговъ для поклоненія. А какъ они не искали Виновника непорочности, Судіи и Мстителя преступленій: то и попадали во всѣ роды пороковъ и безчестствъ. Если бы они искали Его, то и нашли бы; если бы нашли, то и стали бы обожать Его; если бы стали обожать, то ощутили бы и милосердіе Его, и не подверглись бы Его гнѣву. Тотъ же Богъ, котораго они чувствовали мщеніе прежде бытія Христіанъ, наказываетъ ихъ и нынѣ. Прежде, нежели взваяли они себѣ боговъ, они наслаждались Его благодѣяніями, не помышляя о своемъ Благодѣтелѣ. Да познаютъ же нынѣ, что отъ Него происходятъ и бѣды, заслуживаемыя ихъ неблагодарностію.

Но вспоминая о несчастіяхъ, постигавшихъ землю въ прежнія времена, мы видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ Христіане, люди наказываются съ меньшею строгостію. Съ того времени невинность

(*) Городъ въ Тускіи или Этруріи, нынѣ Тоскана.

(**) Городъ въ Кампаніи, поглощенный изверженіемъ Везувія въ 80 году по Рожд. Хр.

уравновѣшивается съ преступленіемъ: земля нашла ходатаевъ предъ Богомъ. Когда зимніе и лѣтніе дожди пресъкаются, и земля угрожается ужаснымъ безплодіемъ, вы учащаете бани, питьевыя дома, всѣ мѣста распутства, приносите жертвы Юпитеру, объявляете народу, чтобы, обнаживъ ноги, онъ молвалъ его о испосланіи дождя; вы шцете неба въ Капитоліи, думаете извести облака со сводовъ храмовъ, между тѣмъ какъ оскорбляете и Бога и небо. А мы, изнуряясь постомъ, очищаясь воздержаніемъ, удаляясь отъ всякихъ удовольствій, и покрываясь вретникомъ и пепломъ, мы обезоруживаемъ небо; и когда удостоимся испросить прощеніе, вы благодарите за то Юпитера.

XII. И такъ вы сами служите въ тягость землѣ. Вы, презирая Бога, чтобы поклапаться статуямъ, причиною всѣхъ несчастій государства. Богъ, презираемый вами, даетъ вамъ чувствовать гнѣвъ Свой: тутъ никакого участія не имѣютъ ваши боги, которымъ вы служите столь ревностно:—съ ихъ стороны была бы явная несправедливость наказывать своихъ обожателей за Христіанъ, вовлекать ихъ въ одинакія со столь различествующими отъ нихъ людьми бѣдствія.

Легко, говорите вы, обратить оружіе и на самихъ васъ: почему вашъ Богъ терпитъ, чтобы вѣрные Его служители наказываемы были за наше святотатство?

Познайте, какія собственно суть намѣренія Божіи, и ваше прекословіе исчезнетъ. Богъ, отложившій до конца міра вѣчный судъ надъ всѣми людьми, не спѣшитъ прежде того дѣлать отдѣленія, которое должно быть послѣдствіемъ суда. Между тѣмъ по видимому Онъ поступаетъ со всѣми людьми равно. Онъ хочетъ, чтобы невѣрные раздѣляли блага Его служителей, и чтобы служители Его участвовали во множествѣ золъ невѣрныхъ, чтобы тѣ и другіе ощущали и благость и

строгость Его. Будучи наставляемы отъ Него Самаго въ Его судахъ, мы любимъ благость Его и страшимся Его строгости. Вы напротивъ того презираете и ту и другую; отъ того происходитъ, что вы всякаго рода бѣдствія признаете за настоящую для себя казнь, а мы почитаемъ ихъ только за предостереженія. Мы на нихъ не жалуемся, потому что не находимъ въ семъ мѣрѣ иной выгоды, какъ только, чтобы скорѣе изъ него выйти.

Впрочемъ намъ извѣстно, что именно ваши злодѣянія привлекаютъ на землю бичъ небесный, и хотя мы, состоя членами одного съ вами общества, ощущаемъ по необходимости удары его, но съ радостію усматриваемъ тутъ исполненіе божественныхъ предсказаній, утверждающихъ вѣру и надежду нашу. Впрочемъ если бы справедливо было, что тѣ, которыхъ вы обожаете, посылаютъ на васъ всѣ сін бѣдствія за Христіанъ: то за чѣмъ вамъ поклоняться столь неблагодарнымъ и несправедливымъ богамъ, которые бы должныствовали оградить васъ отъ нихъ и осыпать благами изъ ненависти къ Христіанамъ?

XII. Укоряютъ насъ еще въ томъ, будто мы бесполезны для связей общественной жизни. Какъ такъ? Мы живемъ съ вами, питаемся тою же пищею, носимъ тѣже одежды, имѣемъ тѣже мебели, тѣже нужды. Мы не уподобляемся Индѣйскимъ Брахманамъ и Гимнософистамъ, не обитамъ въ лѣсахъ, не бѣгаемъ людей. Мы помнимъ, что надобно за все благодарить Бога, Господа и Создателя всяческихъ: не отвергаемъ ничего того, что Онъ сотворилъ для насъ, а только воздерживаемся отъ излишества и злоупотребленія. Мы съ вами бываемъ на площади, на рынкахъ, въ баияхъ, въ лавкахъ, въ гостиницахъ, на ярмаркахъ, во всѣхъ мѣстахъ, необходимыхъ для сообщенія съ другими.

Мы съ вами плаваемъ по рѣкамъ и морямъ, носимъ оружіе, обрабатываемъ землю, торгуемъ, употребляемъ тѣже искусства, и часто собственно для васъ. Я не понимаю, почему мы бесполезны, когда живемъ съ вами изъ доходовъ, получаемыхъ нами отъ васъ за труды наши.

Если я не бываю при вашихъ церемоніяхъ, то все же между тѣмъ живу. Я не хожу въ баню во время сатурналіи, дабы не утратить дня и ночи. Я моюсь и парюсь тамъ въ приличное время, чтобы кровь во мнѣ не остыла: довольно будетъ времени и по смерти носить блѣдную и окостенѣлую личину. Я не объѣдаюсь публично во время Бахусовыхъ празднествъ подобно звѣроборцамъ, насыщающимся въ послѣдній разъ; но гдѣ бы ни ужиналъ, употребляю ту же пищу, какую и вы. Я не покупаю цвѣточныхъ вѣнковъ, но покупаю цвѣты: какая вамъ пужда до того, какъ я ими пользуюсь? Я люблю ихъ лучше, когда они не связаны, когда не составляютъ вѣнковъ и букетовъ. Да и самые вѣнки подпошу я къ посу: пусть не прогниваются носящіе ихъ на головѣ. Я не хожу на зрѣлища; но что тамъ продается, то охотнѣе покупаю у купцевъ. Мы правда не покупаемъ обыкновенныхъ вашихъ духовъ; но если Арапы на то жалуются, то Сабейцы знаютъ, что мы покупаемъ великое количество дорогихъ ароматовъ для погребенія мертвыхъ, покупаемъ ихъ больше нежели сколько вы ихъ издерживаете на окуриваніе вашихъ боговъ.

По крайней мѣрѣ, говорите вы, нельзя отрицать, чтобы доходы храмовъ не уменьшались ежедневно. — Удивительно, какъ еще есть люди, дѣлающіе вклады въ храмовую кружку! Намъ не станеть на то, чтобы давать дары и людямъ и вашимъ богамъ; при томъ же мы считаемъ за долгъ давать только просящимъ.

Пусть Юпитеръ протянетъ руку: мы и ему подадимъ. Впрочемъ вы менѣе дѣлаете приношеній въ храмахъ вашихъ, нежели сколько мы раздаемъ милостыни на улицахъ. А сколько конфискація выигриваетъ отъ Христіанъ? Если разсмотрѣть, сколько теряется различныхъ палоговъ отъ вашихъ обмановъ и ложныхъ заявокъ, тогда какъ мы ихъ уплачиваемъ простодушно, не позволяя себѣ нанести кому либо вредъ: то откроется, что одна эта статья, въ которой вы дѣйствительно можете упрекнуть насъ, какъ людей бесполезныхъ, по бесполезныхъ для себя, съ избыткомъ вознаграждаетъ всѣ прочія статьи.

XLIII. Надобно однакожъ признаться: иные люди не безъ основанія ропшутъ, что отъ Христіанъ печѣмъ поживиться. Кто же они? Это люди, входящіе въ позорныя связи, и ихъ подлые рабы: похитители, убійцы, отравители, волхвователи, гадатели, астрологи. По нашему мнѣнію не малая отъ того бываетъ прибыль, когда подобные люди не могутъ имѣть никакой поживы. Но если справедливо, что секта наша причиняетъ вамъ нѣкоторый ущербъ; то признайтесь что она достаточно васъ за ущербъ сей и вознаграждаетъ. Считаете ли вы за ничто имѣть среди себя людей, которые, не говорю, изгоняютъ демоновъ и молятся за васъ истинному Богу, но которыхъ по крайшей мѣрѣ нечего вамъ бояться?

XLIV. Потеря дѣйствительная, невозвратная для государства, потеря, на которую никто не обращаетъ вниманія, состоитъ въ томъ, что имперія лишается такого множества людей добродѣтельныхъ, беззазорныхъ, которыхъ ежедневно преслѣдуютъ и предають смерти. Вы, судящіе ежедневно узниковъ, приговаривающіе на казнь всякаго рода преступниковъ, убійцъ, мошенниковъ, святогатцевъ, соблазнительей, скажите

по совѣсти, я на васъ ссылаюсь: бываетъ ли между сими злодѣями хотя одинъ Христіанинъ, или между приводимыми къ вамъ Христіанами бываетъ ли кто изъ нихъ обвиняемъ въ подобныхъ преступленіяхъ? Читателями боговъ вашихъ наполняются темницы, ими пресыщаются звѣри, ихъ вопли раздаются въ рудоконьяхъ, изъ нихъ составляются толпы преступниковъ для увеселенія публики на зрѣлищахъ. Между всѣми ими или никто не Христіанинъ или если кто и есть изъ Христіанъ, то все его преступленіе состоитъ только въ томъ, что онъ Христіанинъ; еслиже онъ виновенъ въ какомъ либо другомъ преступленіи, то конечно онъ не Христіанинъ.

XLV. Не правда ли, что одни мы невинны? Да и что тутъ удивительнаго? Невинность есть наша необходимость: мы постигаемъ ее совершенно; ей изучаетъ насъ Самъ Богъ, совершеннѣйшій Учитель; мы соблюдаемъ ее вѣрно, какъ вещь, заповѣданную намъ такимъ Судіею, котораго презирать пельзя. Вамъ преподаана она людьми; а потому вы и не можете ни столько ее постигать, ни столько бояться лишиться ея, какъ мы. Можно ли полагаться на свѣдѣнія, на авторитетъ людей, чтобы въ точности познать и исполнять добродѣтель! Ихъ свѣдѣнія вводятъ въ заблужденіе, ихъ авторитетъ презрѣнія достоинъ.

Какой превосходище, какой премудрѣе законъ? Тотъ ли, который говоритъ только: «не убей, не прелюбодѣйствуй, не дѣлай зла, не обижай никого;» или тотъ, которымъ предписывается еще: «не гнѣваться, не имѣть вождельній пижѣ глазами, не говорить ни о комъ дурно, не противиться злу (Матѳ. V, 22. 28. 39)?» Замѣтьте при томъ, что все лучшее въ законахъ вашихъ заимствовано отъ закона древнѣйшаго, отъ

закона божественнаго; мы говорили уже выше о времени, когда жилъ *Моисей*.

Но еще разъ повторимъ: какъ безсильны законы человѣческіе! Почти всегда можно избѣгнуть ихъ, скрываясь или притворяясь; страсть и нужда презираютъ ихъ; казнь, назначаемая ими, коротка, по крайней мѣрѣ далѣе жизни не продолжается. По сему-то *Эпикуръ* презиралъ всякаго рода муки и боли. «Если боль легка, говоритъ онъ, то легко ее и перенести; если же она тяжела, то бываетъ коротка.» Что касается до пась: то мы, одни, зная, что судить пась будетъ всевидящій Богъ, и что казни Его вѣчны, въ состояніи вполне оцѣнить истинную добродѣтель, постигая ее совершенно, и вѣря, что опредѣляемая за преступленія казнь продлится во вѣки. Мы боимся верховнаго Бога, котораго долженъ бояться и тотъ, кто судитъ людей, боящихся своего суди. Мы боимся Бога, а не проконсула.

XLVI. Я кажется оправдалъ Христіанъ во всѣхъ преступленіяхъ, взводимыхъ на нихъ обвинителями, жаждущими ихъ крови, и начерталъ, ничего не скрывая, полную картину ихъ Религіи. Древность и авторитетъ ихъ книгъ, сознаніе самыхъ демоновъ, суть мои доводы. Если кто пожелаетъ оспаривать меня, тотъ да оставитъ въ сторонѣ искусство словопренія и да отвѣтствуетъ съ искренностію и простотою, какъ я тому показалъ примѣръ.

Но невѣріе, убѣжденное собственнымъ опытомъ въ превосходствѣ Христіанства, не перестаетъ утверждать, что въ немъ ничего нѣтъ божественнаго, и что оно не иное что есть, какъ секта Философіи, подобно другимъ ея сектамъ.—Философы, говорятъ они, учатъ тому же, чему и вы, вмѣняють себѣ въ долгъ, какъ и вы, прославляютъ невинность, справедливость, терпѣ-

ніе, трезвость, цѣломудріе.—Для чего же, если ученіе наше тоже, что и ихъ, не дозволено намъ проповѣдывать его такъ, какъ имъ? Для чего, если они принадлежатъ къ сектѣ, подобной нашей, не подвергаются они тѣмъ самымъ вещамъ, отъ которыхъ мы не можемъ иначе утратиться, какъ съ опасностію жизни? Какой философъ бываетъ насильно принуждаемъ приносить жертвы, клясться богамъ, возжигать безразсудно свѣтильники среди бѣлаго дня?

Философамъ все дозволено. Они явнымъ образомъ разрушаютъ ваше богослуженіе, порицаютъ ваши суевѣрія, и вы имъ аплодируете. Большая часть изъ нихъ вооружаются даже противъ вашихъ государей, и вы ихъ терпите. Въмѣсто того, чтобы повергать ихъ на сѣденіе звѣрямъ, вы назначаете имъ награды, воздвигаете статуи. Впрочемъ вы правы. Они посятъ имя философовъ, а не Христіанъ: имя же философа не обращаетъ демоновъ въ бѣгство. Но что я говорю? Философы ставятъ демоновъ во второй классъ послѣ боговъ. Если позволить демонъ мой, говаривалъ Сократъ. Этотъ философъ, который по крайшей мѣрѣ нѣсколько предусматривалъ истину, потому что не вѣрилъ существованію боговъ, приказалъ однакожь, готовясь къ смерти, принести въ жертву пѣтуха Эскулапу, вѣроятно изъ благодарности къ отцу его Аполлону, оракулъ котораго провозгласилъ Сократа мудрѣйшимъ изъ людей. Какое же неблагоразуміе выхвалять мудрость человѣка, не признававшаго боговъ!

Чѣмъ ненавистиѣе истина, тѣмъ болѣе человѣкъ, явно ее проповѣдывающій, возмущаетъ умы. Самое лучшее средство поправиться гошителямъ ея, состоитъ въ томъ, чтобы ея ослаблять и повреждать. Это дѣлаютъ философы, тщеславящіеся тѣмъ, что преподаютъ истину, тогда какъ цѣль ихъ одна слава. На-

противъ того Христіане, мыслящіе только о своемъ спасеніи, ищутъ истины по необходимости, и проповѣдуютъ ее во всей чистотѣ. Слѣдовательно философовъ нельзя, какъ вы думаете, сравнивать съ Христіанами ни со стороны ученія, ни со стороны правдивости.

Могъ ли *Фалесъ*, великій Физикъ, отвѣчать *Крезу* что либо положительное относительно божества, испрашивая у него нѣсколько разъ отсрочки на размышленіе? У Христіанъ послѣдній ремесленникъ знаетъ Бога, научаетъ другихъ знать Его, и можетъ отвѣчать на всѣ ваши вопросы о Творцѣ вселенной, между тѣмъ какъ *Платонъ* увѣряетъ насъ, что Его весьма трудно познать, а еще труднѣе говорить о Немъ при народѣ. — Могутъ ли философы спорить съ нами въ разсужденіи цѣломудрія? Въ приговорѣ на *Сократа* я читаю, что онъ осужденъ, какъ развратитель юности. Изъ Христіанъ никто еще не уличенъ въ нарушеніи законовъ природы. — *Діогенъ* не стыдился удовлетворять похоти своею явно съ блудницею *Фринеею*. *Спевзиппъ*, ученикъ *Платоновъ*, умерщвленъ при совершеніи прелюбодѣянія. Христіанинъ знаетъ только свою жену. — *Демокритъ*, выкололъ себѣ глаза за то, что не могъ владѣть собою при возрѣніи на женщину, достаточно заявилъ невоздержность свою произведеннымъ надъ собою наказаніемъ. Христіанинъ бережетъ глаза свои, и не смотритъ на женщинъ, потому что сладострастіе не ослѣпляетъ его сердца. — Говоритъ ли миѣ о смиреніи? Я вижу, какъ *Діогенъ* попираетъ ногами гордость *Платонову* еще съ большею противъ *Платона* гордостью. Христіанинъ не знаетъ тщеславія, ни даже въ обхожденіи съ нищимъ. — Идетъ ли дѣло объ умеренности? *Пифагоръ* хочетъ царствовать надъ *Туріанами*, *Зенонъ* надъ *Прісціанами*. Христіанинъ

не домогается даже и Эдипства. — Если упомянуть о равнодушія: то *Ликургъ* моритъ себя съ голода за то, что *Лакедемоняне* измѣнили кое-что въ его законахъ. Христіанинъ благословляетъ осуждающихъ его. — Касательно добросовѣстности, *Анаксагоръ* отрицается отъ залога, ему ввѣреннаго. Добросовѣстность Христіанъ похваляется самими язычниками. — Если обратится къ добротѣ: то *Аристотель* друга своего *Гермія* лишаетъ безсовѣстно мѣста, имъ занимаемаго. Христіанинъ не оскорбитъ и врага своего. — Тотъ же *Аристотель* льститъ убоженно *Александрю*, чтобъ имъ управлять, а *Платонъ* *Діонисію* тиранну, чтобъ быть допущеннымъ къ его столу; *Аристиппъ*, украшенный багряницею, подъ личиною величайшей строгости, предается распутству; *Гиппій* умерщвленъ за то, что хотѣлъ привести отечество въ угнетеніе. Христіанинъ никогда ничего не предпринималъ противъ государства, не смотря на безчеловѣчныя съ нимъ поступки.

Возможно ли же сравнивать философа съ Христіаниномъ, ученика Греціи съ ученикомъ самаго неба, человѣка, занимающагося одною славою, съ человѣкомъ, пекущимся только о спасеніи своемъ, человѣка, мудро говорящаго, съ человѣкомъ, мудро поступающимъ, человѣка, разрушающаго все, съ человѣкомъ, все зиждущимъ и поддерживающимъ? Какъ можно сравнивать поборника заблужденія съ противникомъ онаго, искажителя истины съ мстителемъ ея, похитителя ея, съ ея всегдашнимъ хранителемъ и обладателемъ? Что общаго между двумя человѣками, столь противоположными другъ другу?

XLVІІ. Выше приведенная древность нашихъ книгъ должна расположить васъ почитать ихъ какъ бы сокровищемъ, откуда послѣдовавшіе за тѣмъ мудрецы извлекали всѣ свои богатства. Если бы я не

боялся слишкомъ увеличить сіе сочиненіе: то легко бы могъ представить тому доказательства. Какой поэтъ, какой софистъ не черпалъ чего либо изъ пророковъ? Изъ сихъ священныхъ источниковъ философы пытались утолить свою жажду. Посему-то многіе и сравниваютъ ихъ съ Христіанами. Посему-то вѣроятно нѣкоторыя государства и изгоняли ихъ отъ себя, какъ то: Фивы, Спарта и Аргосъ. Люди сіи, плѣпясь единственно славою и краснорѣчіемъ, старались достигнуть до возвышенности нашихъ писаній, и, когда находили въ нихъ что либо, способствующее ихъ видамъ, охотно присвоивали то самимъ себѣ. Не считая ихъ божественными, они не затруднялись повреждать ихъ; а притомъ не могли въ нихъ и понимать ясно многого такого, что сокровенно было даже и для Іудеевъ, которымъ книги сіи принадлежали. Умы спорливыя и презрительныя, не имѣя возможности ни впустать истины, ни вѣрить ей въ простомъ и безъукрашенномъ видѣ, искажали ее привмѣшиваніемъ своихъ догадокъ. Въмѣсто того, чтобы преподавать ученіе о единствѣ Божіемъ въ томъ точно смыслѣ, въ какомъ найдено оно ими, они стали спорить о естествѣ Бога, о Его атрибутахъ, о мѣстѣ Его пребыванія. Одни, какъ-то Платоники, думаютъ, что Богъ не имѣетъ тѣла. Другіе, какъ-то Стоики, утверждаютъ противное. *Эпикуръ* хочетъ, чтобъ Онъ составленъ былъ изъ атомовъ. *Пифагоръ* изъ чиселъ, *Гераклитъ* изъ огненного вещества. По мнѣнію *Платона* Онъ печется обо всемъ, предсѣдательствуетъ всюду. По мнѣнію *Эпикура* Онъ всегда пребываетъ въ покоѣ и бездѣйствіи, будучи такъ сказать ничто относительно того, что случается съ человекомъ. Стоики полагаютъ Его вѣнъ міра, которымъ движетъ Онъ, какъ горшечникъ вертитъ своимъ колесомъ. Платоники помѣщаютъ Его въ мірѣ, которымъ управляетъ

Онъ, какъ кормщикъ править кораблемъ. Они не соглашаются между собою также и на счетъ міра. Одни думаютъ, что онъ сотворенъ, другіе, что онъ вѣченъ. Одни увѣряютъ, что онъ кончится, другіе, что всегда будетъ длиться. Наконецъ они разногласятъ и въ разсужденіи природы души, которая, по мнѣнію однихъ, божественна и вѣчна, а по мнѣнію другихъ, смертна и тлѣнна. Однимъ словомъ сказать, каждый излагаетъ и измѣняетъ мечты свои по собственному произволу.

Не надобно удивляться, что философы могли такимъ образомъ исказать столь древнія книги, тогда какъ люди, изшедшіе изъ ихъ же школъ, повреждаютъ пылъ и книги Христіанскія, привмѣшивая къ нимъ вмѣстѣ съ своими мнѣніями разнаго рода философское ученіе. Изъ единого пути они составили множество стезей, по которымъ блуждая, гибнутъ. Я упомянулъ здѣсь о семъ мимоходомъ, дабы значительное число сектъ (ересей), раздѣляющихъ Христіанъ, не послужило новымъ предлогомъ къ сравненію ихъ съ философами, и не подало повода смѣшивать съ ними истину нашей Религіи.

Всѣмъ подобнымъ искаателямъ священнаго Писанія мы противопоставляемъ непреодолимое правило нашего ученія, состоящее въ томъ, что единая истинная Религія, изшедшая отъ Іисуса-Христа, преподаана и передана намъ Его ученикамъ. Всѣ сіи нововводители возникли послѣ ихъ. По внушенію оболъстительныхъ духовъ они нашли въ самой истинѣ матеріалы къ составленію своихъ системъ, исполненныхъ заблужденія. Сіи-то духи заразили спасительное наше ученіе нечистою своею примѣсю. Они-то выдумали басни въ подражаніе нашему ученію, дабы ослабить вѣру, сообразную истинѣ, и обратить ее къ своимъ толкамъ, стараясь или отвлечь Христіанъ отъ истинной вѣры

подъ тѣмъ предлогомъ, что не должно вѣрить поэтамъ и философамъ, или склонить сихъ послѣднихъ вѣрить себѣ тѣмъ удобнѣе, что они не Христіане.

И такъ когда мы проповѣдуемъ о судѣ Божіемъ: то надъ нами насмѣхаются, потому что поэты и философы выдумали также судей въ адѣ. Когда мы угрожаемъ подземнымъ огнемъ, предназначеннымъ для наказанія преступниковъ: то надъ нами еще болѣе смѣются, потому что басня заставляетъ огненную рѣку протекать въ жилище мертвыхъ. Когда говоримъ о раѣ, мѣстѣ сладости, уготованномъ отъ Бога для святыхъ душъ, и отдѣленномъ отъ земнаго шара великою пропастію (Лук. XVI, 26): то находимъ, что всѣми умами возобладали Елисейскія поля. Но кто же могъ подать и философамъ понятіе о столь подобныхъ съ нашими таинствами выдумкахъ, какъ не самыя таинства наши, гораздо пчѣ древнѣйшія? Стало быть наши таинства должны быть вѣроятнѣе и вѣрнѣе, тогда какъ люди вѣрятъ даже и тому, что составляетъ только тѣнь и образъ ихъ. Сказать ли, что поэты и философы сами изобрѣли басню? Тогда таинства наши были бы образъ того, что послѣ произошло; а это вопреки существу дѣла. Никогда тѣнь не предшествуетъ тѣлу, ни копія оригиналу.

XLVIII. Пусть какой либо философъ придетъ утверждать, какъ говоритъ *Либерій*, слѣдуя началамъ *Пифагора*, что послѣ смерти мулъ обратится въ человека, а женщина въ ужа, пусть употребитъ къ доказательству того все искусство своихъ софизмовъ: убѣдитъ ли, обольститъ ли онъ васъ отказаться отъ употребленія мяса животныхъ, изъ опасенія, чтобы не съѣсть какого-либо вашего предка, питаясь говядиною? Но пусть Христіанинъ станетъ увѣрять васъ, что вы воскреснете такими, какими были: то пародъ не толь-

ко устремится на него съ побоями, но и закидаетъ его камнями. Если однакожь есть какое-либо основаніе тому мнѣнію, что души человѣческія возвратятся въ тѣла: то почему не могутъ онѣ возвратиться въ тѣ самыя тѣла, въ которыхъ находились? Это-то и вменуется *воскреснуть*, опять сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ кто былъ. Души, разлучась съ тѣломъ, бываютъ уже не то, чѣмъ были: онѣ могли сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ не были, потому только, что перестали быть тѣмъ, чѣмъ были.

Я много насказалъ бы лишняго и подалъ бы поводъ къ смѣху, если бы сталъ изслѣдывать, въ како-го кто звѣря обратятся долженъ. Лучше продолжать просто нашу Апологію, и дать замѣтить, что вопреки всѣмъ подобнымъ сумазбродствамъ, гораздо благоразумнѣе вѣрить тому, что каждый вновь сдѣлается тѣмъ, чѣмъ былъ, что душа опять оживитъ тѣло, хотя можетъ быть и не въ томъ точно видѣ, въ какомъ оно было. Воскресеніе необходимо для послѣдняго суда, когда человѣкъ долженъ явиться такимъ, какимъ былъ, для полученія отъ Бога заслуженной имъ награды или казни. Тѣла должны сдѣлаться опять такими, какими были, какъ по тому, что души неспособны ничего чувствовать безъ тѣлъ, такъ и потому, что онѣ въ тѣлѣ и съ тѣломъ заслужили то воздаяніе, которому подвергнутся по силѣ суда Божія. Но какимъ образомъ, скажете вы, вещество, обратившееся въ прахъ, сдѣлается снова тѣломъ? О человѣкъ! обрати взоръ на самаго себя, и ты не станешь въ томъ сомнѣваться. Чѣмъ былъ ты прежде, нежели сталъ человѣкомъ? Конечно ничѣмъ. Если бы ты былъ чѣмънибудь, то помнилъ бы о томъ; ты былъ ничто прежде, нежели сталъ существовать. Ты долженъ бы былъ также быть ничто, когда существовать переста-

пешь. Но почему не можешь ты вновь начать существовать, когда на то будетъ воля Того, кто извлекъ тебя изъ ничтожества? Что тутъ небывалаго? Ты былъ ничто въ то время, какъ былъ созданъ. Когда тебя не станетъ: то ты будешь снова созданъ. Изъясни мнѣ первое чудо: я объясню тебѣ второе. Не легче ли тебѣ будетъ сдѣлаться опять тѣмъ, чѣмъ былъ, тогда какъ Богъ безъ всякаго затрудненія создалъ тебя тѣмъ, чѣмъ ты никогда не былъ? Станешь ли ты сомнѣваться во всемогуществѣ Бога, извлекашаго все-лепную изъ ничтожества, даровавшаго жизнь всему дышущему? Для подкрѣпленія вѣры твоей Онъ начерталъ во вселенной много образовъ воскресенія.

Всякой день свѣтъ исчезаетъ и возникаетъ; непрестанно мракъ уступаетъ свѣту мѣсто свое; звѣзды кажется потухаютъ и возжигаются. Всѣ измѣненія времени возобновляются; сѣмена тлѣютъ, чтобы умножиться: все сохраняется чрезъ разрушеніе, воспроизводится чрезъ смерть. Не уже ли же ты, человѣкъ, высшее существо, наученное даже Аполлоновымъ орაკуломъ познавать самаго себя, будучи господиномъ всего того, что умираетъ и оживаетъ, не уже ли ты одинъ, застигнутый смертію, погибнешь, исчезнешь навсегда? Гдѣ бы ты ни умеръ, какое бы тѣло ни разрушило твое тѣло, хотя бы ты былъ поглощенъ, сожженъ и какъ бы уничтоженъ, Богъ возвратитъ тебѣ твое тѣло: ничтожество повинуется Тому, кому покоренъ цѣлый міръ.

Какъ! говорите вы. Не ужели надобно всегда умирать, всегда воскресать? — Да, любезные братья. Волею или неволею, вы должны повиноваться закону Бога вашего; но Онъ тутъ ничего иного не дѣлаетъ, кромѣ того, чему Самъ насъ научилъ. Таже премудрость, которая устроила вселенную, это столь дивное

цѣлос, которая создала противоположныя другъ другу стихіи, усовершенствуетъ полноту и пустоту, одушевленные и неодушевленные существа, все, что подвержено и не подвержено чувствамъ, свѣтъ и тьму, жизнь и смерть; — также самая премудрость опредѣлила два послѣдовательные періода вѣковъ: одинъ, начавшійся съ міромъ, и имѣющій съ нимъ кончиться, а другой, котораго мы ожидаемъ, и который вступитъ въ вѣчность.

И такъ когда придетъ срокъ, отдѣляющій время отъ вѣчности, тогда образъ міра сего исчезнетъ, откроется завѣса и наступитъ вѣчность. Всѣ люди воскреснутъ для полученія награды или казни за дѣла свои въ настоящей жизни, чтобы быть навсегда счастливыми или несчастливыми: не будетъ впредь ни смерти ни воскресенія. Сдѣлавшись вновь тѣмъ, чѣмъ были, мы уже не перемѣнимся. Вѣрные поклонники Божіи, облеченные въ безсмертіе, вѣчно будутъ наслаждаться Богомъ. Люди нечестивые, порочные предъ Богомъ, осудятся на вѣчный и неугасаемый огонь, который будетъ имѣть силу дѣлать ихъ петлѣнными. Философы сами имѣли понятіе о различіи между свмъ огнемъ и огнемъ обыкновеннымъ. Огонь, служащій для нашего употребленія, со всѣмъ не тотъ огонь, который Богъ уготовалъ быть орудіемъ Его мщенія, въ какомъ бы онъ видѣ ни представлялся, падая ли съ неба въ образѣ громовой стрѣлы, или исторгаясь изъ земли сквозь вершины горъ: онъ не пожираетъ того, что жжетъ; онъ воспроизводитъ по мѣрѣ истребленія. Горы горятъ, и при всемъ томъ существуютъ. Кто изъ васъ пораженъ будетъ громомъ, тому нечего уже бояться огня (*). Это слабое изображеніе того вѣчнаго

(*) По законамъ Римскимъ запрещено было жечь тѣла людей, убитыхъ громомъ (Plin. lib. Hist. c. 54).

огня, который, по опредѣленію суда всемогущаго Бога, будетъ всегда производить дѣйствіе свое надъ злыми людьми и надъ врагами Божиими. Да и почему не могутъ они ощущать того самаго, чему подвержены горы, пылающія огнемъ неугасимымъ, но имъ не пожираемыя?

XLIX. Ученіе это вы признаете за суевѣріе единственно у Христіанъ: у философовъ же и поэтовъ оно почитается вами за верховную мудрость. Они гешн по превосходству: мы не иное что, какъ глупцы. Они достойны всякаго рода почестей. Мы заслуживаемъ одно презрѣніе, а что еще болѣе, заслуживаемъ наказаніе.

Пусть будетъ по вашему ученіе наше ложь и суевѣріе; тѣмъ не менѣе оно необходимо. Пусть будетъ оно глупо и безразсудно; но оно полезно. Вѣрующіе въ него обязаны дѣлаться лучшими, сколько изъ страха вѣчной казни, столько и въ надеждѣ на награду равномѣрно вѣчную. Такимъ образомъ не слѣдуетъ считать ложнымъ и безразсуднымъ того ученія, въ которое приличіе требуетъ вѣровать. Никакого нѣтъ права осуждать то, что выгодно. Осуждая ученіе наше, вы слѣдуете только своему предубѣжденію. Если бы даже, чего быть не можетъ, было оно ложь и безразсудство: то по крайшей мѣрѣ оно не можетъ служить никому въ предосужденіе. Тогда надлежало бы только отнести его къ суетнымъ и баснословнымъ мнѣніямъ, противъ которыхъ никто не дѣлаетъ вамъ доносовъ, которыхъ вы не наказываете, и на которыя смотрите равнодушно; если же вы и вздумали бы насъ за подобное ученіе наказывать, то наказывайте осмѣяніемъ, а не мечемъ, огнемъ, крестами и звѣрьми.

Не одна слѣзная толпа народа находитъ удоволь-

ствіе свое въ такихъ жестокостяхъ, не одна она дѣлаетъ намъ обиды. Есть и изъ васъ, господа правители, такіе люди, которые стараются пріобрѣсть народную любовь чрезъ подобныя несправедливости, и поставляютъ себѣ за славу отличатьея ими, какъ будто бы власть ваша надъ нами не происходила отъ насъ самихъ. Я Христіанинъ потому, что хочу быть Христіаниномъ: вы не можете меня осудить иначе, какъ когда самъ я захочу быть осужденнымъ. Слѣдовательно какъ власть ваша надо мною зависить отъ того, дамъ ли я вамъ ее, или нѣтъ: то она происходитъ не отъ васъ, а единственно отъ меня; и потому напрасно народъ торжествуетъ, смотря на наше гоненіе. По настоящему намъ бы слѣдовало торжествовать, потому что мы хотимъ лучше быть осужденными, нежели преслушными и невѣрными Богу; а врагамъ нашимъ слѣдовало бы болѣе скорбѣть, чѣмъ радоваться, потому что мы получаемъ то, чего желали.

Л. Если это такъ, скажете вы, то за чѣмъ вамъ жаловаться на гоненіе, когда сами хотите быть гонимыми? Вы должны любить тѣхъ, отъ кого вы терпите то, чего сами желаете. — Нѣтъ сомнѣнія, что мы любимъ страданія, но любимъ ихъ, какъ войну, на которую никто не идетъ съ охотою по причинѣ безпокойствъ и опасностей; тѣмъ не менше каждый на войнѣ сражается съ мужествомъ, и жалуясь на войну, радуется побѣдѣ, потому что возвращается съ войны со славою и съ добычею. Намъ объявляется война, когда ведутъ насъ въ судилище, гдѣ мы сражаемся за истину съ опасностію жизни. Мы одерживаемъ побѣду, потому что получаемъ то, что составляетъ цѣль сраженія. Плодъ побѣды состоитъ въ славѣ сдѣлаться благоугоднымъ Богу: этимъ пріобрѣтается жизнь вѣчная. Мы правда теряемъ жизнь; но, умирая, уносимъ съ собою

все то, что составляет предметъ нашего честолюбія. Мы умираемъ въ нѣдрахъ побѣды, и смертію своею устраняемъ отъ себя нашихъ враговъ. Смѣйтесь надъ нами, сколько угодно, на счетъ того, что привязываемъ насъ къ столпамъ для жженія хвастіемъ: это орудія нашей побѣды; это украшеніе и колесница нашего торжества.

Цобѣжденные имѣютъ причину насъ не любить; а потому и считаютъ они насъ за бѣшеныхъ и отчаянныхъ людей. Но сіе бѣшенство и отчаяніе, когда производится страстію къ славѣ и честолюбію, служитъ и для васъ знаменіемъ героизма. *Сцевола* жжетъ самъ себѣ руку: какое постоянство! *Эмпедоклъ* бросается въ пламя горы *Этны*: какое мужество! Основательница *Карфагена* предпочитаетъ костеръ второму супружеству: какое чудо цѣломудрія! *Регулъ*, вмѣсто того, чтобы быть вымѣненнымъ за многихъ непріятелей, терпитъ неслыханныя мученія: какое великодушіе, достойное побѣдоносца въ плѣчу *Римлянина*! *Анаксархъ* въ то время, какъ толкутъ его въ ступѣ, кричитъ: «выбивай, выбивай, чехоль *Анаксарховъ*; *Анаксархъ* ничего не чувствуетъ,» Какая сила души въ философѣ, что можетъ даже шутить надъ своимъ положеніемъ!

Я не говорю уже о тѣхъ людяхъ, которые мечтали обезсмертить себя тѣмъ, что умерщвляли себя мечемъ или другими легчайшими способами. Вы сами превозносите постоянство въ перенесеніи мученій. *Аѳинская блудница*, когда утомилась надъ нею палачъ, откусила себѣ зубами языкъ, и выплюнула его въ лице тирани, дабы отнять у себя возможность открыть заговорщиковъ, въ случаѣ если бы и сама того пожелала, изнемогши отъ мукъ. *Зенонъ Элейскій*, будучи вопрошенъ *Діонисіемъ*, къ чему служитъ философія,

отвѣчалъ: «къ тому, чтобы презирать смерть.» Тираниъ предалъ его смерти ударами кнута, и философъ сей запечатлѣлъ отвѣтъ свой изліяніемъ своею кровью. Во время сѣченія юныхъ Лакедемонянъ, которое еще жесточе дѣлаюгь присутствіе и увѣщанія ихъ родственниковъ, мѣра пролитой крови составляетъ мѣру покрывающей ихъ славы.

Вотъ законная слава, потому что она есть слава человѣческая. Тутъ нѣтъ ни предубѣжденія, ни фанатизма, ни отчаяности въ пренебреженіи жизни и мученій. Такимъ образомъ дозволяется за отечество, за имперію, по дружбѣ, терпѣть все то, что воспрещается терпѣть за Бога. Вы воздвигаете статуи симъ мірскимъ героямъ, пишете хвалы имъ на мраморѣ и на мѣди, дабы, если можно, увѣковѣчить имя ихъ, стараетесь тѣмъ самымъ какъ бы возвратить ихъ къ жизни. Между тѣмъ Христіанскаго героя, ищущаго истиной награды отъ Бога, и страдающаго ради Его изъ таковой надежды, вы почитаете за сумасшедшаго.

Что касается до васъ, достойные судіи, увѣренные въ томъ, что народъ одобрять васъ будетъ, доколѣ станете вы губить Христіанъ: то вы можете безпрепятственно осуждать насъ на казнь, предавать мукамъ, уничтожать. Несправедливость ваша есть доказательство нашей невинности: потому-то Богъ и позволяетъ вамъ преслѣдовать насъ. Въ недавнемъ времени, присудивъ одну Христіанку лучше отвести въ домъ разврата нежели предать въ когти льва, вы сами сознались, что потеря цѣломудрія для насъ величайшая казнь, страшнѣе самой смерти.

Но всѣ ваши самыя усовершенныя жестокости не служатъ ни къ чему: онѣ еще болѣе прилѣпляютъ насъ къ нашей Религіи. Мы уможаемъ по мѣрѣ,

какъ вы насъ пожипасте. Кровь паша обращается въ разсадникъ для Христіанъ. Многіе философы ваши писали трактаты о претерпѣніи горестей, какъ-то Цицеронъ въ своихъ тускуланахъ, Сенека, Діогенъ, Пирронъ, Камминкъ; но примѣры Христіанъ несравненно краспорѣчивѣе всѣхъ твореній философовъ. Неборимая твердость, которую ставите вы намъ въ преступленіе, можетъ служить прямымъ для каждаго поученіемъ. Кто въ состояніи быть свидѣтелемъ ея, чтобы не тронуться, чтобы не захотѣть вникнуть въ ея причину? Вникнувши же въ нее, кто не пожелаетъ къ намъ присоединиться, и подвергнуться страданіямъ, чтобы получить благодать Божію, чтобы кровію своею испросить прощеніе своимъ грѣхамъ? Нѣтъ такихъ грѣховъ, которыхъ бы муки не изглаживали. Посему-то мы всегда благодаримъ васъ за приговоры, изрекаемые вами противъ насъ. Но сколь суды Божіи противоположны судамъ человѣческимъ! Тогда, какъ вы осуждаете насъ, Богъ насъ разрѣшаетъ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ПОСЛАНИЕ

КЪ СКАПУЛЪ,

АФРИКАНСКОМУ ПРОКОНСУЛУ (*).

I. Никогда не страшилсь, никогда не боялись мы гоненій, грозящихъ намъ мученіями со стороны тѣхъ людей, которые не видятъ свѣта истины. Пріѣвши нашу Религію, мы пріяли вмѣстѣ и всѣ ея условія; и такимъ образомъ, принеся въ жертву жизнь свою вполнѣ, шествуемъ на сраженіе. Мы не желаемъ иныхъ благъ, кромѣ тѣхъ, которыя Богъ обѣтовалъ вѣрнымъ своимъ служителямъ; не боимся иныхъ золь, кромѣ тѣхъ, которыми Онъ грозитъ отступникамъ Своимъ. Вся ваша жестокость служитъ единственно къ возбужденію нашего мужества: мы сами спѣшимъ на казнь, и предпочитаемъ скорѣе быть отъ васъ осужденными, нежели отпущенными. И такъ, отправляя посланіе сіе, мы тутъ не оказываемъ страха ни за себя, ни за своихъ сотоварницъ; но боимся паче за васъ и за всѣхъ нашихъ враговъ. Законъ нашъ повелѣваетъ намъ любить нашихъ враговъ и молиться за гонящихъ насъ: любовь сія составляетъ наше совершенство, она есть удѣлъ нашъ, въ которомъ другіе люди не участвуютъ. Любить друзей могутъ и всѣ

(*) Сочинено въ 217 году по Р. Х.

люди; но любить враговъ свойственно однимъ Христіанамъ. Такимъ образомъ жалѣя о вашемъ невѣжествѣ, сострадая къ человѣческимъ заблужденіямъ, предвидя будущее, и распознавая знаки усиливающейся ежедневно противъ васъ грозы, мы обязаны были избрать путь письменнаго объясненія, чтобы предъувѣдомить васъ о многихъ такихъ вещахъ, которыхъ вы лицомъ къ лицу слышать не хотите.

II. Мы поклоняемся единому Богу. Это тотъ Богъ, котораго сама природа научила насъ познавать, тотъ Богъ, котораго громы васъ ужасають, тотъ Богъ, котораго благодѣянія доставляютъ вамъ радость и веселіе. Относительно другихъ существъ, которыхъ вы именуете богами, мы знаемъ, что они не иное что, какъ демоны. Однакожъ право естественное и общественное требуетъ, чтобы каждый поклонялся тому, кому хочетъ. Религія одного человѣка ни вредна ни полезна для другаго. Но не свойственно одной Религіи дѣлать насиліе другой. Религія должна быть приемлема по убѣжденію, а не насильственно. Припошеція Божеству должны происходить отъ согласія сердца. Такимъ образомъ если бы вы и могли принудить насъ приносить жертвы въ храмахъ вашихъ: то чрезъ то ничего бы не приобрѣли для вашихъ боговъ, которые не должны принимать жертвъ противу воли, развѣ бы то было непосредственно по духу прекословія, по такому ребяческому чувству, котораго вы вѣрно не захотите приписать богамъ своимъ. Истинный Богъ испосылаетъ блага Свои равно какъ друзьямъ Своимъ, такъ и хулящимъ Его. Въ день суда отличить Онъ неблагодарныхъ отъ благодарныхъ противъ Него. Вы именуете насъ святотатцами, между тѣмъ какъ не находили еще ни одного даже простаго вора между нами. Посмотрите, кто именно ищетъ

обогатиться грабежемъ храмовъ вашихъ. Не тѣ ли, которые клянутся вашими богами и поклоняются имъ? Ихъ-то вы должны называть святотатцами: это не Христиане. Излишне было бы вспоминать вамъ, сколько поклонники боговъ вашихъ дѣлаютъ Христианамъ оскорбленій, и какъ стараются они приводить ихъ въ посмѣяніе. Обвиняютъ насъ также въ томъ, что мы не имѣемъ достоюжнаго почтенія къ Императорамъ; но между нами никогда вы не встрѣчали ни *Кассіевъ*, ни *Албіановъ*, ни *Пигриановъ*. Тѣ самые, которые накануне клялись гениемъ Кесаря, принесли его на завтра въ жертву своей выгодѣ или безопасности: величайшіе враги Христианъ оказались величайшими врагами Императора. Христианинъ никому не врагъ, а тѣмъ менѣе Императору, зная, что онъ поставленъ Императоромъ отъ Бога, и что должно его любить, уважать, оказывать ему почести, молиться о здравіи его и о спасеніи государства, доколѣ міръ стоитъ. Стало быть мы почитаемъ Императора столько, сколько намъ дозволено почитать его, и сколько самъ онъ долженъ хотѣть быть почитаемъ. Мы признаемъ его за человѣка, который хранитъ данный ему отъ Бога удѣлъ власти, который Богомъ поставленъ, который выше одного только Бога. Императоръ конечно одобритъ подобныхъ чтиелей, потому что мы, поставляя его выше только Бога, признаемъ его выше всѣхъ людей, и даже выше всѣхъ боговъ вашихъ, которые состоятъ въ его власти. Мы также приносимъ жертвы за благоденствіе Императора, но приносимъ ихъ единому нашему и его Богу; а жертвы сіи суть молитвы, предписанныя намъ отъ Него. Творецъ вселенной не имѣетъ нужды ни въ жирѣ, ни въ крови животныхъ: они нужны для насыщенія демоновъ. Что касается до сихъ послѣднихъ: то мы не только от-

вергасмъ ихъ, по сражаемся съ ними, преслѣдуемъ ихъ, изгоняемъ изъ тѣлъ человѣческихъ, какъ-то всякому почти извѣстно. Мы не можемъ лучше молиться за Императора, какъ обращаясь къ Богу, который одинъ можетъ продлить дни его. Вамъ впрочемъ надобно быть увѣренными, что мы дѣйствуемъ совершенно подъ вліяніемъ того божественнаго терпѣнія, которое намъ закономъ нашимъ заповѣдано, и что вамъ нечего насъ бояться или опасаться. Мы составляемъ большую часть имперіи, и за всѣмъ тѣмъ безмолвіе наше, воздержаніе наше таково, что вы знаете насъ не иначе, какъ въ частности по одиночкѣ, и собранія наши никогда не подають вамъ повода къ страху. Мы отличаемся отъ другихъ согражданъ тѣмъ только, что стараемся исправить себя отъ прежнихъ пороковъ. Далека отъ насъ всякая мысль возставать противъ страданій, нами желаемыхъ, или мстить вамъ за гоненія, о которыхъ намъ извѣстно, что онѣ происходятъ отъ неба, в которыхъ мы считаемъ за милости для себя.

III. Между тѣмъ, мы, какъ мною выше уже сказано, весьма сокрушаемся о томъ, что никакой городъ не можетъ безнаказанно проливать потоковъ Христіанской крови. Во время бытія судьейю *Гиларана*, народъ устремился на наши кладбища, крича: «не отводитъ поля подъ гробницы для Христіанъ!» Но они жестоко были за то наказаны: поля и гумна житницъ ихъ сдѣлались для нихъ бесполезны; потоки дождей истребили всю ихъ жатву. Кто не видалъ, какъ непогоды прошедшаго лѣта угрожали новымъ потопомъ въ наказаніе за нечестіе и невѣріе настоящаго вѣка? Что означали огни, блуждавшіе по стѣнамъ *Кароагена*, и страшные громы, колебавшіе городъ? Да отвѣтствуютъ видѣвшіе и слышавшіе ихъ. Всѣ подобныя метеоры знаменуютъ гнѣвъ грознаго Бога, и мы

должны возносить слабый нашъ голосъ, чтобъ о гнѣвѣ семъ возвѣщать и проповѣдывать, и чтобъ отвращать его молитвами нашими. Но новый потопъ сей могъ быть только частнымъ. Касательно же всеобщаго разрушенія міра, придетъ время когда не хотящіе вѣрить ничему, повсволѣ повѣрятъ всему послѣ многократнаго невниманія къ таковымъ предвѣщаніямъ. Во время собранія Сената въ Утикѣ, солнечный свѣтъ померкъ неожиданно ужаснымъ образомъ: нельзя было сего страшнаго явленія приписать обыкновенному затмѣнію, такъ какъ солнце находилось тогда въ своемъ апогеѣ (въ самомъ большемъ разстояніи отъ земли *). Спросите о томъ вашихъ Астрологовъ.—Мы могли бы также привести въ примѣръ нѣкоторыхъ правителей, изъявлявшихъ на смертномъ одрѣ раскаяніе о гоненіяхъ своихъ противъ Христіанъ. *Вигелій Сатурниъ*, который первый извлекъ мечъ казни на насъ, лишился зрѣнія. *Клавдій Луцій Герминіанъ*, разсердясь, что жена его приняла вѣру Христіанскую, жестоко мучилъ и гналъ Христіанъ. Сидя одинъ въ своемъ судилищѣ, онъ пораженъ былъ язвою, и черви осыпали тѣло его. Не говорите о томъ никому, сказалъ онъ, опасаясь, чтобы Христіане не порадовались тому. Послѣ того онъ увидѣлъ свое заблужденіе, и сознался, что казни послужили только къ умноженію числа Христіанъ; наконецъ умеръ почти Христіаниномъ. *Касилій Капелла*, покидая Византію, сказалъ: Христіане вѣрно обрадуются моему отбытію. Но люди думающіе, что могутъ насъ гнать безнаказанно, познаютъ нѣкогда, какое возмездіе получаютъ они за то въ день послѣдняго суда. Что касается до тебя, *Сканула*: то желали бы мы, чтобы для тебя достаточно былъ одинъ при-

(*) Затмѣніе сіе было въ 210 году.

мѣръ: вспомни только, что случилось, когда ты осудилъ *Адриметика Мавилла* быть поверженнымъ на растерзаніе звѣрямъ, и какимъ образомъ прервано было твое гошеніе.

IV. Мы не думаемъ тебя пугать, потому что и сами тебя не боимся; по желали бы, что бы весь міръ былъ спасенъ. Совѣтуемъ тебѣ изъ состраданія не бороться съ Богомъ. Ты легко можешь соединить обязанности службы твоей съ обязанностями челоуѣколюбія. Помни, что мечъ виситъ также и надъ вашими головами. Чего требуетъ отъ тебя законъ? Чтобы ты осуждалъ на казнь виновныхъ, когда они признаются въ своихъ преступленіяхъ, и предавалъ бы ихъ пыткѣ, когда отрѣкаются отъ нихъ. Ты стало быть видишь, что пытать признающихся, дабы принудить ихъ къ отреченію, значитъ поступать противъ закона. Ты стало быть самъ долженъ сознаться, что мы невинны, и осуждаешь насъ на казнь за то только, что мы ни въ какомъ преступленіи не уличены. Желая насъ истребить, ты воюешь противъ невинности.—Сколько впрочемъ строгихъ правителейъ пытался измѣнить столь несправедливое судопроизводство? Напримѣръ *Цинцій Северъ*, который самъ преподавалъ *Тистеру* права, какимъ образомъ Христіане должны отвѣчать, чтобы быть отпущенными. Напримѣръ *Веспроній Кандидъ*, который почиталъ достаточнымъ признавать Христіанъ за людей возмутительныхъ, и довольствовался присуждать ихъ къ публичному испрошенію прощенія передъ согражданами. Напримѣръ *Асперъ*, который поступивъ нѣсколько жестоко при первоначальномъ допросѣ одного Христіанина, тотчасъ отпустилъ его, не принуждая къ принесенію жертвъ богамъ; предварительно же сказалъ онъ адвокатамъ и ассессорамъ, что для него чрезвычайно непріятно судить

подобнаго рода дѣла. Напримѣръ *Пуденсъ*, который искуснымъ образомъ включилъ въ судебный актъ одного приведеннаго къ нему Христіанина обвиненіе въ притѣсненіи и лихоимствѣ, и какъ не нашлось свидѣтелей къ уличенію въ томъ, то объявилъ, что за симъ продолжать дѣла нельзя.—Произшествія эти могутъ вразумить тебя, въ какомъ духѣ надобно тебѣ дѣйствовать. Тебѣ могли бы даже благопріятствовать самые адвокаты, которые, не смотря на шумные крики свои, готовы пособлять Христіанамъ, бывающимъ для нихъ часто весьма полезными. Извѣстный Нотарій, побуждаемый демономъ ввергнуться въ пропасть, былъ освобожденъ отъ него черезъ заклинаніе своимъ кліентомъ Христіаниномъ. У кого изъ васъ нѣтъ родственника, дитяти, друга изъ значительнаго класса людей (не говорю о народѣ), которыхъ бы Христіане не избавляли отъ демоновъ или не исцѣляли отъ болѣзней? Самъ *Северъ*, отецъ *Антониновъ*, имѣлъ случай похвалиться Христіанами. Онъ призвалъ къ себѣ нѣкоего *Прокла*, преимеповащаго *Турпасіонъ*, смотрителя пады *Эвгодіею*, который вылѣчилъ его отъ болѣзни, помазавъ святымъ елеемъ. Онъ за то повелѣлъ его кормить и содержать до самой смерти въ собственномъ своемъ дворцѣ. *Антонинъ* весьма хорошо знаетъ, что *Проклъ* питанъ былъ млекоу Христіанскою нравственности. *Северъ*, знавшій многихъ Патриціевъ и знатныхъ дамъ нашей секты, не только не мучилъ ихъ, но всячески имъ благопріятствовалъ, и умѣлъ противоборствовать свирѣпству народа, вооруженнаго противъ насъ. Во время похода *Марка Аврелія* въ Германію, Христіанскіе воины молитвами своими испросили у неба обильный дождь тогда, какъ армія крайне нуждалась въ водѣ. Величайшія засухи, какъ извѣстно, никогда не могли устоять противъ нашихъ постовъ и

молитвъ. Тогда народъ воспѣваетъ хвалы богу боговъ, и подъ именемъ Юпитера, воздаетъ почести не иному кому, какъ нашему Богу. Замѣтьте притомъ, что Христіанинъ никогда не утаиваетъ вѣреннаго ему залога, никогда не прелюбодѣйствуетъ, отечески покровительствуетъ сиротъ, питаетъ бѣдныхъ, никогда не воздаетъ зла за зло. Въ чемъ же и для чего насъ обвиняютъ? Намъ поставляютъ въ преступленіе вѣрованіе наше. Но кто когда либо въ состояніи былъ доказать, что вѣрованіе это скрываетъ въ себѣ пагубныя начала кровосмѣшенія и злодѣянія? Насъ ввергаютъ въ пламя не за иное что, какъ за нашу девинность, за нашу честность, за нашу справедливость, за нашу чистоту нравовъ, за наше праводушіе, наконецъ за Бога живаго. Ни святотатцы, ни враги государства, ни оскорбители царскаго величества, не подвергаются подобнымъ казнямъ. Теперь и префекты легионовъ и правители Мавританіи преслѣдуютъ и гонятъ насъ; но по крайшей мѣрѣ они преслѣдуютъ однимъ мечемъ, какъ имъ первоначально предписано. Но чѣмъ большія выдерживаемъ мы сраженія, тѣмъ большія награды насъ ожидаютъ.

V. Жестокость ваша составляетъ нашу славу. Берегитесь, чтобъ, усиливая казни, не заставили вы насъ возстать массами, не для того, чтобы напасть на васъ, но чтобы доказать вамъ, что мы не только не боимся вашего тиранства, но обществомъ призываемъ его на себя. Когда *Аррій Антоній* преслѣдовалъ Азіійскихъ Христіанъ: то всѣ они изъ его провинцій, собравшись вмѣстѣ, явились предъ его судилище. Онъ нѣкоторыхъ посадилъ въ темницу, а другимъ сказалъ: Безумные! Если вы хотите умереть: то развѣ нѣтъ довольно веревокъ и пропастей? Когда бы мы на то же самое рѣшились: то что бы ты сдѣлалъ со столькими

тысячами мужчинъ и женщинъ всякаго возраста и состоянія? Сколько костровъ, сколько мечей надобно бы тебѣ было приготовить?

Какія мученія претерпитъ Кароагенъ, въ которомъ ты намѣренъ предать казни десятаго человѣка, когда воинамъ твоимъ придется отсѣкать головы не только кому, какъ друзьямъ или роднымъ своимъ, когда они найдутъ между нами Римскихъ Патриціевъ и знатныхъ дамъ, столько же благородныхъ, какъ самъ ты, и можетъ быть собственныхъ твоихъ ближайшихъ родственниковъ и искреннихъ друзей? И такъ воздержись ради тебя самаго, если не ради насъ; ради Кароагена, если не ради тебя. Пошади несчастную сію провинцію, которую одно изъявленіе намѣреній твоихъ подвергло уже притѣсненіямъ жаднаго воинства и всѣхъ другихъ враговъ. У насъ нѣтъ иного верховнаго владыки, кромѣ Бога. Онъ превыше тебя, Онъ не можетъ и не захочетъ оставаться въ бездѣйствіи, и ты ничего не въ состояніи сдѣлать противъ Него. Тѣ которыхъ ты считаешь своими повелителями, такіе же люди, какъ и ты, и подобно тебѣ умрутъ. Но религія наша не оскудѣетъ. Самъ ты знаешь, что она никогда такъ не процвѣтаетъ, какъ среди гоненій. Многіе, поражаясь постоянствомъ нашимъ, любопытствуютъ узнать причину столь удивительнаго терпѣнія, и познавши истину, тотчасъ дѣлаются нашими сообщниками и шествуютъ путемъ нашимъ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

ОБЪ ИДОЛОПОКЛОНСТВЪ (*).

I. Величайшее злодѣяніе рода человѣческаго, злодѣяніе, заключающее въ себѣ всѣ другія злодѣянія, злодѣяніе, составляющее причину осужденія человѣка, есть идолопоклонство. Хотя всякое преступленіе имѣетъ собственное наименованіе и подвергается особому осужденію; но въ преступленіи идолопоклонства смѣшиваются всѣ преступленія вообще. Забудьте имена различныхъ дѣйствій виновности: разсмотрите одни только произшествія. Кто идолопоклонникъ, тотъ убійца. Кого онъ убилъ, спросите вы? Если онъ дѣлаетъ что либо для славы: то онъ въ семъ случаѣ умерщвляетъ не врага, не посторонняго пришельца, но самого себя. Какими средствами? Своимъ заблужденіемъ. Какимъ оружіемъ? Своими грѣхами предъ Богомъ. Сколько ранъ получаетъ? Столько, сколько производитъ дѣлъ идолопоклонства. Пусть тотъ отвергаетъ, что идолопоклонство не убійство, кто смѣетъ отвергать, что чрезъ него не губитъ онъ души своей. Прелюбодѣяніе и срамота живутъ въ немъ, потому что кто служитъ ложнымъ богамъ, тотъ разрушаетъ насильствен-

(*) Сочинена по Р. X. въ 203 году.

по истину; а всякое насиліе есть прелюбодѣяніе: онъ погрязъ въ срамотѣ, потому что, принося жертвы нечистымъ духамъ, не можетъ не оскверниться. Посему-то священное Писаніе, хуля идолопоклонство, всегда именуетъ его срамнымъ. — Кто преступенъ въ воровствѣ? Тотъ, кто похищаетъ чужое добро, или, будучи кому что долженъ, не возвращаетъ того; а потому воровство считается между людьми за великое преступленіе. Идолопоклонство не иное что есть, какъ кража у Бога: оно откзывается отъ должныхъ Ему почестей, и воздавая ихъ другому, къ оскорбленію прибавляетъ обманъ. Если же воровство, равно какъ прелюбодѣяніе и срамота, причиняютъ смерть: то этого дозволено, чтобъ обвинить идолопоклонство въ грѣхѣ человекоубійства. — Послѣ сихъ смертныхъ грѣховъ, столь пагубныхъ для спасенія, есть множество другихъ, которымъ приписываютъ различныя имена, и которые всѣ въ совокупности со всѣми своими условіями находятся въ грѣхѣ идолопоклонства. Онъ заключаетъ въ себѣ всякаго рода похотѣнія настоящаго вѣка, потому что достоинство язычества было бы ничтожно безъ пышности и суетнаго великолѣпія богослуженія его. Онъ заключаетъ въ себѣ всевозможныя нечистыя пожеланія и упоенія, потому что торжества служатъ только предлогомъ къ удовлетворенію самыхъ грубыхъ услажденій. Онъ заключаетъ въ себѣ явную несправедливость, потому что ничто столько не несправедливо, какъ ученіе, не признающее виновника всякой справедливости. Онъ заключаетъ въ себѣ ложь, потому что все его ученіе ложно. Всѣ преступленія оскорбляютъ Бога; но все то, что Его ни оскорбляетъ, должно приписано быть демонамъ и нечистымъ духамъ, которыхъ представляютъ идолы. И такъ кто грѣшитъ, тотъ участвуетъ въ идолопоклонствѣ, по-

тому что дѣлаетъ то, что свойственно идолопоклонникамъ.

II. Но оставимъ преступленія при ихъ наименованіяхъ и особыхъ атрибутахъ: разсмотримъ идолопоклонство въ самомъ себѣ. Великое злодѣяніе предъ Богомъ составляетъ этотъ обширный источникъ преступленій, раздѣляющійся на столько вѣтвей, подраздѣляющійся на столько жилъ, что устранивъ даже главнѣйшія послѣдствія, мы находимъ объемъ его еще столь обширнымъ, что должны трепетать, не ошибаемся ли на счетъ его предѣловъ. Идолопоклонство умѣетъ прятаться, притворяться тысячу способовъ, чтобы только совратить съ пути служителей Божіихъ. Большая часть людей полагаютъ, что тотъ только идолопоклонникъ, кто ходитъ въ храмы для куренія фиміама, кто приноситъ тамъ жертвы и дѣлаетъ возліянія, или кто самъ жрецъ. Это тоже, какъ если бы кто вздумалъ утверждать, что прелюбодѣяніе состоитъ единственно въ поцѣлуяхъ, объятіяхъ и плотскомъ соитіи, или что убійство тамъ только бываетъ, гдѣ проливается кровь и причиняется смерть. Но намъ извѣстно, какой обширный смыслъ даетъ Богъ подобнымъ дѣйствіямъ, когда именуетъ прелюбодѣемъ всякаго, предающагося похоти, дозволяющаго себѣ нескромныя взгляды или сладострастныя пожеланія, когда говоритъ, что тотъ не безвиненъ въ убійствѣ, кто клящеть или ругаетъ ближняго, кто гнѣвается, и кто не оказываетъ любви брату своему. Потому-то св. Іоаннъ Богословъ и говоритъ намъ: *Всякъ, ненавидяй брата своего, человекоубійца есть* (1 Іоан. III, 15). Злоба діавола не была бы столь глубока, и преподаваемая намъ отъ Бога наука прогнвостоять кознямъ демона, не была бы столь важна, если бы мы должны были быть судимы по тѣмъ только преступленіямъ, кото-

рыя люди осуждаютъ и наказываютъ. Какимъ образомъ правда наша могла бы превзойти правду книжниковъ и фарисеевъ, если бы мы не знали грѣха, противоположнаго сей добродѣтели, грѣха неправды? А какъ идолопоклонство есть источникъ всякой неправды: то намъ необходимо нужно заpastись всякимъ оружіемъ противъ великости и обширности идолопоклонства, которое, какъ извѣстно, простирается не на одни наружныя дѣла.

III. Въ старину не было идоловъ. Прежде нежели явились въ мірѣ дѣлатели или фабриканты сихъ чудовищъ, храмы были пусты и стѣны священныхъ зданій обнажены, какъ-то можно видѣть и донынѣ въ извѣстныхъ развалинахъ глубокой древности. Но идолопоклонство существовало: не имѣло оно имени, а самая вещь была. Въ наши даже времена можно идолопоклонствовать, не учащая храмовъ и не имѣя у себя идоловъ. Но когда діаволь ввелъ въ мірѣ фабрикантовъ статуи, изображеній и всякаго рода призраковъ: то сія язва рода человѣческаго получила тѣло и имя, заимствованное отъ идоловъ. Такимъ образомъ можно считать источникомъ идолопоклонства всякое искусство, производящее идола, какого бы то рода ни было. Нѣтъ нужды, выходитъ ли изображеніе изъ рукъ скульптора, гравера или швея, составлено ли оно изъ гипса, красокъ, камня, бронзы, серебра или ткапей. И какъ идолопоклонствовать можно даже и безъ идоловъ: то, когда изображеніе уже существуетъ, о чемъ тутъ хлопотать, какого оно рода и формы, и изъ какого матеріала сдѣлано? Слѣдовательно не надобно полагать, чтобъ идолами надлежало именовать единственно статуи, сдѣланныя по образу человѣческому. Чтобы быть вразумительнѣе, мы прибѣгнемъ къ этимологіи: *είδως* значитя по гречески форма, об-

разъ ; *είδωλο* есть уменьшительное, подобно какъ изъ формы составили мы формулу (по латыши). А потому всякую форму или формулу, то есть, всякое изображеніе большое или малое, надобно называть идоломъ. Стало быть всякой трудъ, всякая услуга въ пользу идола, есть служеніе ему, есть идолопоклонство. Стало быть и всякой фабрикантъ, дѣлающій сего рода изображенія, участвуетъ во грѣхѣ идолопоклонства, развѣ бы кто вздумалъ утверждать, что Израильтяне не были идолопоклонниками потому только, что сдѣлали себѣ изображеніе тельца, а не человѣка.

IV. Богъ равно запрещаетъ и дѣлать идоловъ и поклоняться имъ. Изображеніе или кумиръ дѣлается для того, чтобы поклоняться ему. Надлежитъ запрещать дѣлать его потому собственно, что не дозволено воздавать ему богослуженія. Вотъ почему для искорененія идолопоклонства въ божественномъ писаніи сказано: *«не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горъ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подъ землею»* (Исх. XX, 4). Законъ сей совершенно воспретилъ служителямъ Божіимъ производить подобныя искусства. Въ самыя древнія времена міра седмый отъ Адама *Енохъ* пророчествовалъ о сихъ искусствахъ, говоря: *«Се приидетъ Господь во тмахъ святыхъ Ангелъ Своихъ, сотворити судъ о всѣхъ, и избличити всѣхъ нечестивыхъ (идолопоклонниковъ) о всѣхъ дѣльхъ нечестія ихъ, ими же нечестоваша»* (Іуд. I, 14 и 15). Человѣкъ въ заблужденіи своемъ преклоняетъ колѣна передъ всѣмъ, исключая Сотворшаго всяческая. Ремесленникъ, сдѣлавшій какой либо кумиръ или изображеніе, долженъ по видимому отвѣтствовать за всякое зло, причиняемое идолопоклонствомъ. Пророкъ *Исаія* говоритъ: *«Наполнися земля мерзостей дѣль рукъ ихъ, и поклонишася тѣмъ, яже сотвориша персты ихъ»* (II, 78). Царь *Давидъ*, объяснивъ, что всѣ идолы суть твореніе

рукъ человѣческихъ, въ заключеніе восклицаетъ: *Подобни имъ да будутъ творщи я, и вси надълющися на ня* (Пс. СХІІІ, 16). Что остается мнѣ тутъ еще прибавить? Все священное Писаніе свидѣтельствуесть, что Богъ рѣшительно осудилъ и проклялъ не только поклоняющихся идоламъ, но и дѣлателей ихъ.

V. Выпнемъ однакожь еще нѣсколько въ различные предлоги, представляемые въ оправданіе своеими художниками, которыхъ по настоящему не слѣдовало бы принимать въ нѣдра церкви Божіей. Обыкновенная ихъ отговорка состоитъ въ томъ, что иначе имъ жить нечѣмъ. Но что общаго между Богомъ и тобою, когда ты хочешь жить по своей, а не по Его волѣ? Иные осмѣливаются даже ссылаться на Апостольское предписаніе: *Кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ* (1. къ Коринѣ. VII, 20). Толкуя такимъ образомъ св. Писаніе, вышло бы, что каждый можетъ пребывать и во грѣхѣ, въ которомъ призванъ. Мы всѣ находились во грѣхѣ, и Христосъ снишелъ къ намъ для того, чтобъ избавить насъ отъ него. Другіе основываются на томъ, что Онъ Самъ подалъ намъ примѣръ питаться отъ труда рукъ Своихъ. Мнѣ кажется, что держась буквально сего правила, и плуты и воры достаютъ себѣ хлѣбъ своими руками. Также и дѣлатели фальшивой монеты работаютъ конечно не погамъ. Гаеры и плясуны равнымъ образомъ дѣйствуютъ не только руками, но и всѣмъ тѣломъ своимъ. Не ужели же допускать въ общеніе съ Церковью всѣхъ вообще трудящихся руками безъ разбора, не смотря на то, что иныя работы Богомъ запрещены (*)? Но противъ меня

(*) Всѣ подобныя разсужденія Тертуліана, какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ излагаемыя, служатъ доказательствомъ, до какой степени Христиане въ первые вѣки простирали

могутъ еще нѣкоторые возразить; за чѣмъ же *Мойсей* въ пустынь сотворилъ змѣю мѣдную? Отвѣтствую. Изображенія или кумиры, дѣлаемые съ особою и таинственною цѣлю, составляютъ исключеніе изъ правила, но не уничтожаютъ его. Впрочемъ если мы станемъ опираться на это дѣйствіе, чтобъ извлечь изъ него доводъ противъ закона: то не впадемъ ли въ тоже заблужденіе, въ какомъ находятся Маркіониты, приписывая подобно симъ еретикамъ непостоянство всемогущему Богу и отвергая его неизмѣнимость подъ тѣмъ предлогомъ, якобы Онъ то повелѣваетъ, то запрещаетъ одно и тоже? Мы лучше предположимъ, что сія мѣдная змѣя, висѣвшая между небомъ и землею, была символомъ распятія на крестѣ Господа нашего, долженствовавшаго избавить насъ отъ разнаго рода змѣй, то есть, злыхъ демоновъ, тогда какъ и самая форма ея представляла демона, имѣвшаго претерпѣть смерть. Или пускай кто либо поученіе меня представить другое о семъ прообразѣ истолкованіе, имѣя въ виду, какъ Апостоль утверждаетъ, что *Сія вся* (то есть, происшествія ветхаго завѣта) *образи прилучахуся онѣмъ: писана же быша въ наученіе наше* (1 Коринт. X, 11). Во всякомъ случаѣ истинно то, что Богъ, воспретившій общимъ Своимъ закономъ дѣлать изображенія или кумиры, Самъ повелѣлъ по особому обстоятельству сотворить какъ бы одинъ изъ кумировъ, то есть, мѣдную змѣю. И такъ если ты хочешь послѣдовать закону, то вотъ онъ: *не сотвори кумира*. Если же намѣренъ опираться на мѣдную змѣю и подражать *Мойсею*: то подобно ему для сдѣланія кумира вопреки закопа подожди, чтобы самъ Богъ далъ тебѣ особое на то повелѣніе.

справедливую и спасительную строгость къ соблюденію въ точности правилъ Религій.

VI. Хотя бы Богъ и не произнесъ столь яснаго на сей счетъ приговора, хотя бы Духъ Святой и не угрожалъ одинаково какъ поклоняющемуся идоламъ, такъ и дѣлающему ихъ: то одинъ уже чинъ крещенія нашего достаточенъ къ убѣжденію насъ въ томъ, что всѣ сіи искусства противны вѣрѣ. Отрицаемся ли мы сатаны и всѣхъ дѣлъ его, приготовляя завѣдомо идоловъ? Какъ мы можемъ сказать, что отвергаемъ ихъ, живя не только ими, но и съ ними? Отказываемся ли мы отъ облачений ихъ, когда чрезъ нихъ приобретаемъ себѣ одежду? Не признаешь ли ты и языкомъ того, кого признаешь такъ сказать руками? Можешь ли разрушить словомъ то, что созидаетъ дѣломъ? Можешь ли исповѣдывать вѣру во единого Бога, дѣлая многихъ боговъ?—Но мы, говоришь ты, только дѣлаемъ ихъ, а не поклапаемся имъ.—Какъ будто бы причина, препятствующая поклоняться имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не запрещала и дѣлать ихъ. Оскорбленіе Бога тутъ одинаково. Я же скажу прямо, что ты имъ именно поклоняешься, потому что они безъ тебя бы и не существовали. Ты возжигаетъ имъ не огонь презрѣнной жертвы, но огонь твоего гонія; ты отдаешь имъ не жизнь какого либо скота, но собственную твою душу; ты жертвуешь имъ своимъ дарованіемъ, своимъ трудомъ; ты дѣлаешь имъ возлілія потомъ лица твоего. Ты у ложныхъ боговъ важнѣе жреца, потому что чрезъ тебя получаютъ они жрецовъ. Трудъ твой составляетъ всю ихъ славу. Ты думаешь, что дѣлая ихъ, имъ, не поклоняешься; а они считаютъ тебя своимъ поклонникомъ, потому что ты приносишь имъ самую богатую, самую тучную жертву, жертву твоего спасенія.

VII. Ревностный къ вѣрѣ человекъ сталъ бы долгое время толковать о семъ предметѣ. Не горько ли

видѣть, какъ Христіанинъ, оставляя на время идоловъ, приходитъ въ нашу церковь; какъ онъ изъ мастерской демота является въ домъ Божій; какъ подымаетъ къ Создателю своему руки, недавно дѣлавшія идоловъ, слагаетъ предъ Богомъ руки, оскверненныя виѣ церкви осязаніемъ ихъ, простираетъ къ тѣлу Господню руки, создающія тѣла демоновъ? Но не довольно того, что сего рода люди оскверняютъ святыя дары, пріемля ихъ отъ другихъ: они осмѣливаются осквернять ихъ даже раздачею отъ себя народу (*). Дѣлатели кумировъ допускаются къ исполненію священническихъ обязанностей. Какое преступленіе! Иудеи однажды только простерли руки на Іисуса-Христа; а сіи люди раздираютъ тѣло Его ежедневно. Надлежало бы отрѣзать святотатственные ихъ руки, дабы показать симъ злочестивцамъ, суетно ли слово, произнесенное Спасителемъ: *«аще десная твоя рука соблазняетъ тя, устыи ю»* (Матѳ. V, 30). Какія же руки болѣе заслуживаютъ быть устыченными, какъ не тѣ, которыя ежедневно навлекаютъ соблазнъ на тѣло Христово.

VIII. Есть много другихъ ремеслъ, которыя хотя и не занимаются собственно дѣланіемъ идоловъ, но столько же не безвинны, потому что безъ нихъ идола ничего бы не значили. Какое кому дѣло, что именно ты строишь или украшаешь, воздвигаешь ли храмъ или жертвенникъ или даже молитвенный домъ, вырабатываешь ли металлическія полосы или приготовляешь идольскія прикрасы или же дѣлаешь для идоловъ только углубленія (ниши)? Самый дѣлатель идоловъ едвали столько виновенъ, какъ доставляющій имъ высокое значеніе. Если искусства роскоши необходимы: то много есть другихъ способовъ вышолнять ихъ, не

(*) Раздачи сіи были въ послѣдствіи строго запрещены.

нарушая закона и не дѣлая идоловъ. Штукатуръ можетъ класть и смазывать стѣны, чинить кровли, очищать водоемы, наводить карнизы и всячески украшать дома, исключая приготовленія кумировъ и призраковъ. Живописецъ, скульпторъ или ваятель, могутъ производить разныя принадлежащія къ ихъ искусствамъ вещи, не столько затруднительныя, какъ дѣланіе изображеній или идоловъ. Рисовальщикъ столько же легко можетъ нарисовать капитель колоны, какъ и фигуру кумира; дѣлающій изъ липоваго дерева бога Марса, безъ затрудненія можетъ сдѣлать шкафъ. Нѣтъ искусства, которому бы другое искусство не было отцемъ или матерью; всѣ ремесла соприкасаются другъ другу; вѣтвей ихъ столько же, какъ желаній у чловѣка.—Но, скажете вы, тутъ дѣло идетъ о нашихъ барышахъ, о платѣ за труды наши.—Вы правы; однакожь если бы вы стали продавать свои издѣлія дешевлѣ, то продавали бы ихъ чаще, и приобрѣтали тоже самое. Сколько стѣпъ требуется для идоловъ, сколько храмовъ строится? Безъ сомнѣнія не много. Гораздо болѣе надобности въ домахъ, баняхъ, гостиницахъ. Ежедневно нужно золотить башмаки и полусапожки, тогда какъ Меркурій и Сераписъ не каждый день золотятся. Пусть роскошь и тщеславіе частныхъ людей доставляютъ содержаніе артистамъ и ремесленникамъ: страсти сіи обшириѣ суевѣрія. Роскошь купить у васъ больше вѣнцевъ, нежели языческіе праздники. Тщеславіе потребуеть отъ васъ больше чашъ и блюдъ, нежели служеніе ложнымъ богамъ. Такимъ образомъ артисты и ремесленники, будучи нами убѣждены не дѣлать не только идоловъ, но и ничего, къ ихъ служенію относящагося, и признавая вмѣстѣ съ нами, что многіе предметы могутъ употреблены быть съ одинакою выгодною какъ для людей такъ и для

идоловъ, должны вывести заключеніе, что имъ крѣпко остерегаться надобно продавать какую либо вещь завѣдомо для обращенія на служеніе кумирамъ. Если же мы станемъ производить продажу безъ такой осторожности; то не будемъ изъяты отъ заразы идолопоклонства, потому что трудъ свой обращать будемъ какъ бы нарочно на служеніе демонамъ.

IX. Между различными людскими занятіями нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ искусствъ или профессій, благопріятствующихъ идолопоклонству. Такъ напри- мѣръ хотя бы мнѣ и не слѣдовало говорить объ Астрологахъ; но какъ одинъ изъ нихъ, принявшій вѣру Христіанскую въ недавнемъ времени, вздумалъ оправдывать себя въ томъ, что продолжаетъ упражняться въ сей наукѣ: то я намѣренъ на сей счетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Я не скажу, чтобы помѣщать имена ложныхъ боговъ въ небѣ, приписывать имъ такъ сказать всемогущество, и отклонять людей приносить молитвы Богу, увѣряя ихъ, что ихъ судьба неизмѣнно опредѣлена звѣздами, собственно значило тоже, что покланяться ложнымъ богамъ; но утверждаю, что Астрологи уподобляются въ семъ случаѣ падшимъ онымъ Ангеламъ, удалившимся отъ Бога для оболщенія рода человѣческаго, и предавшимъ проклятію отъ Бога. — Удивительно, какъ отблески премудрости Божіей отражаются въ самой человѣческой мудрости! Астрологи изгнаны изъ Римской имперіи со всеми своими служителями. Имъ воспрещенъ входъ въ Римъ и во всю Италію, подобно какъ надѣющимся на нихъ воспрещенъ преступъ къ небу. Участь учителей и учениковъ ихъ есть ссылка и заточеніе.—Маги и Астрологи пришли къ намъ съ востока. Намъ извѣстно, какое отношеніе магія имѣетъ къ астрологій. Правда, что испытатели звѣздъ первые

возвѣстили о рождествѣ Іисуса Христа, и первые принесли Ему дары; чѣмъ самымъ по моему мнѣнію привлекли они къ себѣ и благоволеніе Его. Но чтожь въ томъ? Развѣ чрезъ сіе должна благопріятствуема быть Религія маговъ и астрологовъ? Нѣтъ! Нынѣ всякое ученіе происходитъ отъ единого Іисуса-Христа: оно намъ указываетъ и предвѣщаетъ звѣзду Христову, а не звѣзду Марса, Сатурна и прочихъ мнимыхъ боговъ.

Магія терпима была только до появленія Евангелія, на тотъ конецъ, чтобы со времени Рождества Христова никто уже не дерзалъ изчислять дни человека по теченію звѣздъ. Ливанъ, смирна и золото, принесенные магами въ даръ Іисусу младенцу, означали какъ бы послѣдній предѣлъ всякаго рода изысканій и временной славы, долженствующихъ сосредоточиться во единомъ Христѣ. Для сего безъ сомнѣнія Богъ ниспослалъ магамъ и сонъ, предвозвѣстившій имъ возвратиться въ страну свою *инымъ путемъ*, дабы *Иродъ* не могъ ихъ преслѣдовать (Матѳ. II, 12). Тутъ иный путь по нашему разумѣнію не иное что, какъ добрый путь и истинное ученіе; а потому-то и пріяли они вѣсть отъ Бога держаться именно сего пути.— Что касается до другаго рода магій, открывавшейся въ чудесахъ, и боровшейся съ могуществомъ *Мойсея*: то и сей родъ ея равнымъ образомъ терпимъ былъ Богомъ до появленія Евангелія. Мы видимъ, что съ того времени *Симонъ* волхвъ, хотя уже и обратившійся въ Христіанство, оставался однакожь подъ вліяніемъ обманчиваго своего ученія, до того, что для увеличенія магической своей власти хотѣлъ купить силу раздавать дары Духа Святаго посредствомъ возложенія рукъ; но Апостолы за то прокляли его и исключили отъ общенія съ вѣрными. Былъ также и другой волхвъ,

противившіяся Апостоламъ въ присутствіи Проконсула *Сервія Павла*; но онъ отъ нихъ пораженъ былъ слѣпотю. Вотъ какимъ наказаніямъ по моему мнѣнію подвергались бы и всѣ астрологи, когда бы впали Апостоламъ въ руки. Если магія была наказана, то и астрологія, составляющая часть ея, не избѣгла бы той же участи: та и другая подлежатъ одному осужденію. И такъ со времени появленія Евангелія, всякаго рода софисты, астрологи, обаятели, маги, волхвователи должны неминуемо предаваемы быть примѣрной казни. *Гдѣ премудръ; гдѣ книжникъ; гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего* (1 Коринт. I, 20)? Ты не вѣдалъ, астрологъ, что сдѣлаешься Христіаниномъ; но если бы и зналъ о томъ, то искусство твое ни къ чему тебѣ не послужитъ. Что оно приводитъ къ крайней опасности, тому могла бы тебя научить самая наука твоя, предвѣщающая будто бы величайшія измѣненія въ мірѣ. Но тутъ нѣтъ ни особой науки ни вѣдѣнія будущности. Кто употребляетъ во зло небеса перстомъ или компасомъ своимъ, тотъ не можетъ и не долженъ надѣяться получить царствіе небесное.

X. Обратимся къ школьнымъ учителямъ и къ прочимъ профессорамъ словесности. При настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя почти сомнѣваться, чтобъ они не были близки къ идолопоклонству. Во первыхъ они поставляютъ за первый долгъ свой рассказывать о языческихъ богахъ, ихъ именахъ, ихъ генеалогіи, объяснять басни, изукрашившія ихъ исторію, припоминать непрестанно празднества и торжества язычниковъ. Какой школьный учитель въ состояніи назначить себѣ въ мартѣ мѣсяцѣ вакаціи въ честь Паллады, не имѣя полнаго календаря о ложныхъ богахъ? Первые деньги, полученные имъ отъ учениковъ, онъ долженъ посвя-

щать Минервѣ, такъ что хотя и не преклоняетъ колѣнъ своихъ передъ идоломъ ея, но служитъ ей какъ бы жрецомъ. Не слѣдуетъ ли послѣ сего удалиться отъ него, какъ отъ идолопоклонника? Думаеге ли вы, что онъ, не имея идола сего и не поклоняясь ему, менѣе оскверняетъ себя, приобрѣтая себѣ такимъ учениемъ хлѣбъ? Послѣ того онъ обязанъ праздновать минервалія и сатурналии, подобно самымъ подлымъ рабамъ; получать подарки; отправлять годовое торжество велачія Рима; торжествовать бакхаліи зимняго поворота солнца; требовать даровъ отъ своихъ родственницъ, выходящихъ за мужъ; украшать классы свои цвѣточными гирляндами. Во время вакацій и въ день рожденія учителя жрицы и Эдилы приносятъ жертвы въ честь школъ. Всѣ сін сатанинскія увеселенія производятся при стеченіи множества народа. Если вы полагаете, что это прилично школьному учителю: то почему не могло бы то прилично быть и всякому Христіанину?—Знаю, что вы скажете: «если служителю Божію не позволено заниматься словесностію, то не должно позволять ему и изучать ее. Какъ же тогда учиться наукамъ, какъ мыслить и дѣйствовать, между тѣмъ какъ воспитаніе есть ключъ жизни? Безъ свѣтскихъ наукъ не могло бы быть и наукъ религіозныхъ». — Посмотримъ, чего дѣйствительно требуетъ изученіе словесности, что тутъ необходимо, и что не должно быть допущено. Я нахожу, что Христіанину нынѣ свойственнѣе изучать словесность, нежели учить ей другихъ. Метода профессора отлична отъ методы ученика. Когда вѣрующій учитъ литературѣ, наполненной учениемъ о ложныхъ богахъ: то онъ, объясняя ее, долженъ хвалить ее и одобрять; приводя въ примѣръ басни, долженъ ихъ утверждать; повѣствуя объ исторіи боговъ, долженъ имъ благопріятствовать. Онъ вмешуетъ

ихъ богами вопреки запрещенія закона : *не призови имени Бога твоего всуе*. Такимъ образомъ, съ самаго начала уроковъ своихъ онъ свидѣтельствуемъ уже о дѣмонахъ. Можете ли вы не усомниться, чтобы тотъ, кто проповѣдуетъ объ идолахъ, не былъ зараженъ идолопоклонствомъ? По моему мнѣнію, вѣрующему надобно прежде всего изучить истину, пріобрѣсть настоящую науку: тогда, а особливо, если давно уже позналъ ее, онъ не вринетъ за истину всего того, чему другихъ обучать будетъ. Онъ станетъ вѣрить только тому, чему изучился первоначально, вѣрить наукѣ и Религій божественной; все же прочее отвергнетъ съ презрѣніемъ. Онъ будетъ находится въ безопасности, подобно ученому мужу, пріемлющему ядъ изъ рукъ певѣжды и остерегающемуся испить его. Онъ будетъ извѣщаться тѣмъ, что иначе учить не можетъ. Впрочемъ гораздо легче воздержаться учить, нежели учиться, такъ какъ и отсутствовать отъ школьныхъ языческихъ празднествъ гораздо удобнѣе ученику, нежели учителю.

XI. Коснемся торговли, производящейся въ настоящее время. Разсматривая разныя преступленія, мы не можемъ не признать источникомъ всѣхъ золъ сребролюбія, которое многихъ вѣрующихъ подвергло гибели. Не даромъ св. Апостоль Павелъ именуемъ *сребролюбіе или лихоиманіе идолопоклонствомъ и корнемъ всѣхъ злыхъ* (Колос. III, 5. I. Тим. VI, 10). Ложь есть орудіе сребролюбія. Я не говорю уже о клятвopреступленіи, потому что намъ не позволено даже и клясться. Составляетъ ли торговля приличное занятіе для служителя Божія? Отнявши сребролюбіе, пекущееся только о пріобрѣтеніяхъ, едва ли вы найдете за тѣмъ какіе предлоги къ торговлѣ. Но положимъ, что есть возможность пріобрѣтать законнымъ образомъ, и производить торговлю, изъятую отъ сре-

бролюбія и лжи. Тѣмъ не менѣе я думаю, что торговля легко можетъ впасть во грѣхъ идолопоклонства, потому что принадлежитъ къ генію и душѣ сего послѣдняго, принадлежитъ къ ремеслу, пресыщающему демоновъ. Да и не первая ли она отрасль идолопоклонства? Товары, мастики и всякія благовонія для того ли производятся, чтобы служить только Медицинѣ къ пользованію больныхъ или къ погребенію мертвыхъ? Когда же пышныя празднества жертвоприношеній ложнымъ богамъ составляютъ единственную цѣль вашихъ заботъ, опасностей, потерь, расчетовъ и другихъ занятій: то станете ли вы отрицать, чтобы вы не были снабдителями и поставщиками вещей для идольскихъ храмовъ? Противъ столь очевиднаго доказательства нѣтъ возраженія. Подобныя преступленія такъ велики и требуютъ съ нашей стороны такихъ предосторожностей, что мы всячески должны устранять себя отъ таковыхъ грѣховъ и удаляться отъ людей, ихъ производящихъ. Кто дѣлаетъ зло, того орудіемъ быть миѣ не приходится. Я не обязанъ помогать другому въ томъ, что миѣ не позволено. Это очевидно въ другомъ не менѣе важномъ случаѣ. Миѣ запрещено сладострастіе: я не долженъ ни одобрять, ни терпѣть его въ другихъ. Если я лично удаляюсь отъ домовъ распутства: то изъ того познаю, что миѣ не слѣдуетъ обращать ихъ ни въ свою пользу, ни въ пользу другихъ. Но вотъ еще ближайшая аналогія. Если бы человѣкъ, поставляющій жертвы для боговъ, сдѣлался Христіаниномъ: позволите ли вы ему продолжать свое ремесло? И если онъ, будучи уже Христіаниномъ, покусится на то: оставите ли вы его въ нѣдрахъ церкви? Безъ сомнѣнія нѣтъ, если даже обратите вниманіе и на торгующихъ благовоніями. Не все ли же равно, что однимъ досталась въ удѣлъ поставка крови, а другимъ

поставка благовоній? Когда прежде, нежели идола явились въ мірѣ, идолопоклонство въ грубомъ видѣ имѣло уже свое богослуженіе куреніемъ фиміама; когда и въ наши времена оно можетъ выполняться безъ идоловъ однимъ жженіемъ благовоній: то конечно виновнѣйшимъ оказывается тутъ продавецъ ихъ, потому что товары его нужныѣе для идолопоклонства, нежели самые идола. Мы ссылаемся на собственную его совѣсть. Христіанинъ, производящій сію торговлю, идучи мимо храма, плюнетъ ли на жертвенники, гдѣ курятся его благовонія? Съ какимъ челомъ осмѣлится онъ приступить къ потушенію на нихъ огня? Какъ рѣшится заковать своихъ питомцевъ, которымъ отводитъ для помѣщенія собственныи свой домъ? Подобный человекъ, изгнавши діавола, не можетъ имѣть спокойной совѣсти. Онъ побѣдитъ не врага, но свисходительнаго друга, который ему повинуется изъ признательности къ вседневнымъ его благодѣяніямъ. И такъ никакое искусство, никакое званіе, никакое торговое дѣло, споспѣшествующее къ дѣланію кумировъ и къ утвержденію ихъ владычества, не изъяты отъ обвиненія въ идолопоклонствѣ. Мы не можемъ не сознаться, что идолопоклонство не иное что есть, какъ служеніе идоламъ, или оказаніе имъ услугъ.

ХІІ. Что за предлогъ по принятіи Христіанской вѣры отговариваться потребностями жизни, и жаловаться, что нечѣмъ жить? На такую отговорку я могъ бы коротко и просто отвѣчать: ты говоришь про то слишкомъ поздно. Прежде, нежели ты сдѣлался Христіаниномъ, надлежало бы тебѣ о томъ размыслить, подобно искусному Архитектору, дѣлающему смѣту сообразно съ своими средствами прежде начатія зданія, дабы не имѣть послѣ стыда оставить его построеннымъ до половины. Теперь же у тебя есть заповѣди

Господи, есть образцы, отъемлющіе у тебя всякой предлогъ. О чемъ ты говоришь? Я буду бѣденъ; но Господь отвѣчаетъ: *блаженны нищіе* (Матѳ. V, 3). — У меня не будетъ пищи; но въ законѣ сказано: *не пецйтесь, что ясте, или что пиете* (Мат. VI, 25). — Нѣтъ одежды: *смотрите кринъ сельныхъ: не труждаются, ни прядутъ* (Мат. VI, 28). — Миѣ нужны деньги: *вся, елика имаши, продаждь и раздай нищимъ* (Лук. XVIII, 22). — Миѣ падобно устроить дѣтей и подумать о потомствѣ: *никто же возложь руку свою на рало, и зря вспясть, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. IX, 62). — Но я въ мірѣ имѣлъ извѣстное званіе: *никто же можетъ двѣма господинома работати* (Мат. IV, 24). — Если ты хочешь быть ученикомъ Христовымъ: *то возьми крестъ твой, и иди по немъ* (Мат. XVI, 24), то есть, переноси бѣдность, страдація и самое тѣло твое, которое также есть родъ креста. Жену, дѣтей, родственниковъ, ты все можешь оставить для Бога. Отець твой, мать твоя, жена, дѣти станутъ убѣждать тебя не оставлять твоего состоянія, званія, торговли. Но не повелѣно ли намъ именно оставлять семейство и всѣ дѣла для послѣдованія Господу? Когда *Іаковъ* и *Іоаннъ* были позваны Господомъ нашимъ, они оставили и корабль и мрежу и отца своего (Мат. IV, 22); когда Господь воззвалъ *Матѳея*, онъ тотчасъ сошелъ съ мытницы своей, и послѣдовалъ Ему (Мат. IX, 9). Никто изъ избранныхъ Богомъ мужей не отвѣчалъ: *миѣ печѣмъ жить*. Вѣра не боится голода, зная, что изъ любви къ Богу падобно презирать голодъ, какъ и всякую другую смерть. Она привыкла не беспокоиться не только о пищи, но и о самой жизни. Но много ли такихъ, которые дѣйствуютъ прямо по вѣрѣ? Однакожь что трудно для человѣка, то легко для Бога.

XIII. При всемъ томъ мы должны надѣяться во

всякомъ случаѣ на милосердіе Божіе, и молить Его непрестанно, чтобы нужды наши не сблизили насъ съ предѣлами идолопоклонства. Станемъ паче всего удаляться отъ испареній сей заразы не только въ тѣхъ вещахъ, о которыхъ мы предъ симъ говорили, но и во всѣхъ оттѣнкахъ человѣческаго суевѣрія, во всякомъ родѣ богослуженія, воздаваемого богамъ, мертвецамъ, царямъ. Все это принадлежитъ духамъ нечистымъ, обряды ли то, или жертвоприношенія, или же зрѣлища. Что миѣ говоритъ о жертвахъ и приносителяхъ ихъ? О зрѣлищахъ разсуждаю я въ другомъ моемъ сочиненіи. Остается сказать нѣчто на счетъ языческихъ празднествъ и торжествъ, при которыхъ позволяемъ мы себѣ присутствовать или изъ удовольствія или отъ страха, и чрезъ то дѣйствуемъ въ противность нашей Религіи, приобщаясь идолопоклонству съ язычниками. Разсмотримъ, долженъ ли служитель Божій входить такимъ образомъ въ сношеніе съ невѣрными, измѣняя свою одежду и образъ жизни, и участвуя въ публичныхъ увеселеніяхъ. *Радуйтесь съ радующимися, плачьте съ плачущими* (Римл. XII, 15): вотъ что говоритъ Апостоль, увѣщавая братьевъ къ миру и согласію. Но это еще не доказываетъ, чтобы могло быть что либо общее между свѣтомъ и истиною, между жизнью и смертію. Иначе мы забудемъ, что въ Евангеліи сказано: *міръ возрадуется; вы же возрыдаете* (Іоан. XVI, 20). Если мы будемъ радоваться съ міромъ: то предстоитъ опасность, чтобы съ нимъ и не восплакали. Восплачемъ же лучше нынѣ, когда міръ радуется, и нѣкогда мы возрадуемся, когда міръ плакать будетъ. Когда *Лазарь* снишелъ въ царство мертвыхъ, то нашелъ себѣ покой на лоцѣ *Авраама*, между тѣмъ какъ богачъ ввергнутъ былъ въ пещь огненную (Лук. XVI, 23): справедливое вознагражденіе за злая

и благая въ семь мѣрѣ.—Въ теченіи года назначаютъ извѣстные дни для расплаты, въ которые ввые получаютъ свою плату, а другіе тутъ же рассчитываются съ своими должниками. Тогда-то, говоришь ты, я получу то, что мнѣ слѣдуетъ, или уплачу долги свои. Если языческія торжества и празднества происходятъ отъ суевѣрія: то зачѣмъ ты, будучи чуждъ сего послѣдняго, участвуешь въ нихъ и къ нимъ приноравливаешься, какъ будто бы ты обязанъ былъ именно въ тотъ день уплатить то, что долженъ, или получить то, что тебѣ слѣдуетъ? поступи въ семь случаѣ такъ, какъ бы ты желалъ, чтобы съ тобою поступлено было. Если ты оскверняешь свою совѣсть изъ угожденія другому: то забываешь, что ты Христіанинъ, и допускаешь себя искушать и увлекать; если же соблазняешь ближняго своего: то ты не Христіанинъ. Всѣ подобныя извороты не помогутъ тебѣ избѣгнуть осужденія. Съ этой и другой стороны ты виновенъ въ томъ, что постыдился Бога твоего. *Иже постыдится мене и моихъ словесъ, сказалъ Спаситель, сего Сына Человѣческой постыдится, егда придетъ во славу своей и Отчей и Святыхъ Ангелъ* (Лук. IX, 26).

XIV. Есть однакожъ люди, полагающіе, что позволительно поступать такъ, какъ поступаютъ язычники, во избѣжаніе хулы и порицанія. Какого же собственно порицанія должны мы остерегаться на самомъ дѣлѣ? Того, чтобы никто изъ насъ не подавалъ язычникамъ повода въ хуль какими либо обманами, несправедливостями, обидами или другими дурными дѣлами, заслуживающими дѣйствительно и хулу отъ людей и строгое взысканіе отъ Бога. Но когда при всякомъ упрекѣ станемъ мы вопіять: «за тебя, Господи, имя наше посрамляется;» въ такомъ случаѣ всякую хулу, всякое порицаніе, произносимыя непрестанно противъ насъ цѣлымъ церкомъ, будемъ мы ставить

себѣ въ поруганіе. Перестанемъ бытъ Христіанами, и люди перестанутъ насъ злословить. Не лучше ли же, чтобъ они насъ злословили, лишь бы мы только пребывали на добромъ пути и не отступали отъ него, лишь бы только подвергались мы искушенію, а не отверженію? О злословіе, чадо мучительства! Ты свидѣтельствуешь и доказываешь, что я Христіанинъ, по твоей милости всѣ меня ненавидятъ; но всякое зло, тобою на меня изрекаемое, обращается мнѣ въ хвалу, потому что ты можешь меня винить только въ томъ, что я остаюсь вѣренъ Богу моему. Апостоль говоритъ: *Безпреткновенно бывайте: яко же и азъ во всемъ всѣмъ угождаю* (1 Кор. X, 32—33). Чѣмъ же угождалъ онъ людямъ? Тѣмъ ли, что присутствовалъ на сатурналіяхъ и празднествахъ Явуса, или что оказывалъ скромность, терпѣніе, мудрость, человеколюбіе, всякую добродѣтель? Онъ еще говоритъ: *всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкіи спасу* (1 Кор. IX, 22). Неужели дѣлался онъ идолопоклонникомъ для идолопоклонниковъ, язычникомъ для язычниковъ, миролюбомъ для миролюбцевъ? — Но, говорите вы, тотъ же Апостоль не запрещаетъ имѣть общеніе съ идолопоклонниками, прелюбодѣями и другими преступниками, потому, что это значило бы выйти изъ міра; слѣдовательно онъ не совершенно устраняетъ всякую съ ними связь; а какъ намъ дозволяется жить съ грѣшниками, то нельзя строго взыскивать, чтобы мы иногда и сами съ ними не грѣшили. — Апостоль позволяетъ намъ свободно обращаться съ людьми; но участвовать во грѣхѣхъ вездѣ строго запрещено. Намъ позволено жить вмѣстѣ съ язычниками, но не позволено умирать такою смертію, какъ они. Станемъ жить со всѣмъ свѣтомъ, станемъ радоваться, что мы ихъ братья по человечеству. Мы имъ во всемъ подобны по душѣ, но не по вѣрѣ; живемъ въ томъ

же міръ, но не раздѣляемъ ихъ заблужденій. Если намъ запрещено послѣдовать языческимъ обрядамъ съ язычниками: то кольми паче должны мы воздерживаться отъ сихъ обрядовъ при нашихъ братьяхъ. Кто можетъ извинить подобное преступленіе? Духъ Святой не одобряетъ Іудейскихъ праздниковъ. *Душа моя, говоритъ онъ, ненавидитъ субботъ вашихъ и новомѣсячій вашихъ и праздниковъ вашихъ* (Ис. I, 14). Между тѣмъ, мы, отвергая совершенно Іудейскіе праздники, къ которымъ однакожъ Богъ иѣкогда благоволилъ, мы присутствуемъ на сатурналіяхъ, при зимнихъ торжествахъ, на празднествахъ Януса и Марса; мѣняемся подарками, составляемъ игрища, дѣлаемъ угощенія. Правду сказать, язычники гораздо насъ основательнѣе. Они никогда никакихъ торжествъ нашихъ не отправляютъ, не празднуютъ ни воскресенья нашего, ни святой недѣли до четырехдесятицы. Если бы они участвовали въ сихъ праздникахъ, то имѣли бы общеніе съ нами, и боялись бы казаться Христіанами. Мы напротивъ того ни сколько не боимся, чтобы кто не счелъ насъ язычниками. Если по легкомыслію вашему непременно уже нужны для васъ праздники: то развѣ мало ихъ у васъ? У васъ ихъ болѣе, чѣмъ у язычниковъ. Языческіе праздники происходятъ только одинъ разъ въ годъ; а у васъ воскресенье возобновляется черезъ каждые семь дней. Пересчитайте всѣ идолопоклонническіе праздники въ году, и вы увидите, что у нихъ недостатку ихъ для замѣна пятидесяти дней нашей насхи.

XV. Во время языческихъ торжествъ, дома у Христіанъ и двери у домовъ ихъ отличаются теперь болѣе, нежели у язычниковъ, множествомъ свѣтильниковъ и лавровыхъ вѣнковъ. Что это значитъ? Если иллюминація сія дѣлается для изображеній или кумировъ: то тутъ явное идолопоклонство; если же для

людей: то вспомнимъ, что всякое идолопоклонство начиналось съ поклоненія людямъ: язычники сами сознаются, что боги ихъ были прежде люди. Въ идолопоклонствѣ осуждается собственно не тотъ или другой человекъ, но самое богослуженіе демонамъ. *Воздадите Кесаревѣ Кесареви*, сказано въ Евангеліи, но тутъ же тотчасъ прибавлено: *и Божіа Богу* (Матѣ. ХХІІ, 21). Что же принадлежитъ Кесарю? Вопросъ состоялъ въ томъ, давать ли ему квинсонъ. Иисусъ-Христосъ потребовалъ показать ему монету, и увидѣвъ на ней образъ Кесаря, повелѣлъ отдавать Кесарю образъ его на монетѣ, то есть, давать дань монетою, а Богу повелѣлъ отдавать образъ, сущій въ человекѣ, то есть, сердце и душу человека; или просто сказать: отдавай деньги Кесарю, а себя Богу. — Но мы, скажете вы, зажигаемъ свѣтильники и вѣшаемъ вѣски также и въ честь Богу нашему.—Повѣрьте, что вы тѣмъ воздаете честь не истинному Богу, но тому, кто язычниками признается за бога, то есть, это принятый наружный знакъ богослуженія діаволу, какое бы тутъ ни было намѣреніе. Людямъ, мало знакомымъ съ языческою литературою, можетъ быть не извѣстно, что у Римлянъ были боги дверные, а именно: богиня Кардея, такъ именуемая по слову дверная петля; Форкулусъ по слову дверь; Лиментицъ по слову порогъ, и самый Янусъ по слову, означающему также дверь. Мы знаемъ, что слова эти сами по себѣ пустыя и никакого смысла въ себѣ не заключаютъ; но демоны тотчасъ ихъ себѣ присвоиваютъ, какъ скоро онѣ освѣщаются суевѣріемъ. Безъ того демоны не имѣли бы собственныхъ именъ; а тутъ они пріобрѣтаютъ и имя и власть. Греки называли Аполлона между прочимъ носильщикомъ, и мы у нихъ читаемъ, что Анѣелии были геіи, предсѣдавшіе надъ дверьми. Равнымъ образомъ видимъ мы, что и

самыя двери въ баляхъ были обоготворяемы. Такимъ образомъ когда есть существа, обоготворяемыя въ дверяхъ: то имъ принадлежатъ и свѣтильники и вѣски ваши, и прикрасы эти относятся къ идоламъ. Приведу здѣсь любопытное обстоятельство. Одинъ Христіанинъ во снѣ получилъ строгій выговоръ за то, что въ ту ночь рабы его при объявленіи народнаго праздника зажгли свѣтильники и привѣсили вѣски къ дверямъ дома, не смотря на то, что онъ не могъ дать на то приказанія, потому что былъ въ отсутствіи, и по возвращеніи не одобрилъ того. Такъ-то Богъ дѣлаетъ насъ отвѣтчиками за поведеніе всего нашего дома. Что касается до достолюбезныхъ для царей и императоровъ почестей: то Апостоль неоднократно подтверждаетъ намъ имѣть уваженіе и повиновеніе къ Государямъ и ко всѣмъ предержащимъ властямъ; но и тутъ не должны мы выступать изъ предѣловъ нашей вѣры и впадать въ идолопоклонство. Для насъ могутъ въ семъ случаѣ служить примѣромъ три вавилонскіе юноши, которые не смотря на то, что во всемъ прочемъ повиновались царю *Навуходносору*, ослушались его, когда дѣло дошло до поклоненія его образу, утверждая, что воздавать человѣку почти божественныя почести значитъ идолопоклонствовать. Также и *Даніиль* ревностный слуга *Дарія*, покорялся власти его до тѣхъ поръ, пока не было опасности для его Религіи; при наступленіи же ея пренебрегъ *Даріевыхъ* львовъ, какъ отроки пренебрегли огненную пещь. Пусть другіе возжигаютъ свѣтильники, которые не составляютъ свѣта истины; пусть другіе вѣшаютъ на дверяхъ лавровыя вѣски, которые нѣкогда будутъ жечь людей, угрожаемыхъ уже и нынѣ вѣчнымъ огнемъ. Они суть какъ бы свидѣтельства въ пользу тьмы, какъ бы гаданія, предвѣщающія казнь. Ты свѣтъ міра, ты древо,

всегда зелоцѣющее. Отвергши храмы, не претвори въ храмы дверей твоего жилища. Отказавшись отъ мѣстъ разврата, не обращай въ подобное мѣсто дома твоего.

XVI. Что касается до обрядовъ или церемоній, вошедшихъ въ обычай по разнымъ публичнымъ и частнымъ случаямъ, какъ то одѣваніе въ бѣлую тогу, сговоры, свадьбы, праздники по случаю пазначенія имени младенцу: то я не думаю, чтобы тутъ можно было опасаться слишкомъ идолопоклонства. Нужно знать, какія были причины такихъ обычаевъ. По моему мнѣнію они сами по себѣ безвѣсны. Мужеская одежда, свадебное кольцо и пр. не принадлежатъ кажется къ идольскому богослуженію. Я не вижу, чтобы Богъ запрещалъ надѣвать какую либо одежду развѣ когда мужчина нарядится въ женское одѣяніе. Но *тога* есть собственно мужеская одежда. Равнымъ образомъ Богъ не запрещаетъ и веселиться, когда люди женятся или даютъ имя младенцу. Но къ симъ увеселеніямъ присоединяются часто жертвоприношенія. Если не я ихъ устраиваю, если не я на нихъ приглашаю гостей: то какая мнѣ до того нужда? Конечно желательно бы было не быть никогда свидѣтелемъ того, что намъ запрещено дѣлать; но когда злые духи повсюду распространили идолопоклонство: то по неволѣ надобно иногда присутствовать при сихъ церемоніяхъ изъ уваженія къ людямъ, но не къ идоламъ. Если кто позоветъ меня нарочно быть при жертвоприношеніи: то я не пойду: это было бы прямое идольское богослуженіе, и я не стану споспѣшествовать ему ни совѣтами, ни деньгами, ни другимъ какимъ либо образомъ; отрину всякое въ томъ участіе. Но если принято мною по другой причинѣ сдѣланное мнѣ приглашеніе: то я долженъ тутъ счесть себя не инымъ чѣмъ, какъ только невольнымъ зрителемъ жертвоприношенія.

XVII. Посмотримъ теперь, какъ должны поступать рабы и вольные люди, находящіеся въ служебнѣи у своихъ господъ, патроновъ или сановниковъ, привыкшихъ дѣлать жертвоприношенія. Кто предлагаетъ вишо къ жречеству или произноситъ извѣстныя слова, принадлежащія къ обряду, тотъ конечно долженъ признаваемъ быть служителемъ идоловъ. Не упуская изъ вида сего правила, мы можемъ въ отношеніи службы нашей начальникамъ и царямъ подражать примѣру патріарховъ и другихъ вѣрующихъ, которые часто были министрами и служителями идолопоклонствовавшихъ царей во всемъ томъ, что не относилось къ идолопоклонству. Но тутъ предлежитъ къ разрѣшенію другой вопросъ. Спрашивается: въ случаѣ, если бы служитель Божій принялъ на себя исполненіе какой либо общественной должности, можетъ ли онъ воспользоваться милостію начальства или даже хитростію своею, чтобы воздержаться отъ всякаго рода идолопоклонства? Отвѣтъ на сіе находимъ мы въ поведеніи *Иосифа* и *Даніила*, которые воздержались отъ идолопоклонства, облеченные багряницею для управленія двумя великими царствами Египетскимъ и Вавилонскимъ. Стало бытъ намъ надобно вѣрить, что Христіанинъ можетъ оставаться невиннымъ, проходя путь почестей и чиновъ, съ тѣмъ только, чтобы не приносилъ жертвъ, не споспѣшествовалъ жертвоприношеніямъ, не доставлялъ къ тому животныхъ, не прилагалъ старанія къ поддержанію храмовъ ни самъ собою ни чрезъ другихъ, не изыскивалъ доходовъ въ пользу ихъ, не давалъ игрищъ ни на свой счетъ ни на счетъ казны, не предсѣдалъ на нихъ, не учреждалъ пиршествъ и не произносилъ клятвъ, не издавалъ приговоровъ ни на чью жизнь или честь (исключая настоящихъ преступниковъ), не судилъ, не осуждалъ, не

заключалъ въ оковы и въ темницы, не предавалъ пыткамъ безвинно никого. Ему самому предоставляется рѣшить, возможно ли все сіе, или невозможно.

XVIII. Поговоримъ объ одеждѣ и уборахъ сильныхъ земли. У каждаго, смотря по чищу, свой образъ одѣянiя въ обыкновенные дни и въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Багряницы и золотыя діадемы, означавшія знатность у Египтянъ и Вавилонянъ, очень похожи на претексты, трабеи и туники, усѣяныя пальмами и золотыми вѣнцами, которые носятъ теперь языческіе жрецы; но прежде не сопрягалась съ ними идолопоклонническая идея. Честь носить подобное одѣяніе предоставляема была людямъ, заслуживавшимъ довѣріе царей; а потому и именовались они багряноносцами (*purpurati*), подобно какъ мы называемъ кандидатами тѣхъ, которые облакаются въ бѣлую тогу (*toga candida*). Но убранство это не служило исключительно для употребленiя жрецовъ или идолюскихъ служителей; а кваче столь святыя и приверженныя къ вѣрѣ люди, какъ *Даніилъ*, конечно отказался бы отъ сихъ оскверненныхъ ризъ, и Вавилоняне тотчасъ замѣтили бы, что онъ не оставилъ Бога своего для поклоненiя идоламъ Дагоу или Дракону; о чемъ узнали уже позже. Впрочемъ простая багряница на востокѣ была знакомъ не достоинства, а только вольности; а потому *Иосифъ*, бывшій рабомъ, и *Даніилъ*, изъ раба сдѣлавшійся вольнымъ, могли получить и сохранять власть въ Египтѣ и Вавилонѣ, употребляя одѣяніе вольныхъ людей. Такимъ образомъ мы могли бы одѣвать сыновъ своихъ въ протексту, а дочерей въ длинную *столу* (одежду), подъ тѣмъ предлогомъ, что одежды сіи означали бы вольность, а не власть; фамилію, а не достоинство; чищу, а не суевѣріе. Но сія багряница и сіи отличія власти и достоинства присвоены нынѣ власти и до-

стоишеству идоловъ, и тѣмъ болѣе оскверняются, что въ нихъ облакаются самыя идолы, которыхъ одѣваютъ въ протексты, тарбесы, латиклавы, и передъ которыми носятъ пучки палокъ и розогъ. Язычники тутъ правы. Демоны пользуются властію вѣка сего: имъ пужны багряницы и властительскіе пучки палокъ. Но къ чему послужитъ тебѣ носить подобное одѣяніе, когда ты не хочешь имѣть власти, ему присвоенной? Нельзя казаться чистымъ, нося нечистую тунику. Надѣвши тунику нечистую, можетъ быть ты ее и не замараешь; но она тебя замараешь. И такъ, вы, опирающіеся на примѣры *Иосифа* и *Даніила*, познайте, что не должно смѣшивать древнихъ варварскихъ временъ съ новѣйшею образованною эпохою, младенчества общества съ его развитіемъ, и особенно не должно смѣшивать того, что прилично рабству, съ тѣмъ, что свойственно людямъ вольнымъ. *Иосифъ* и *Даніиль* были рабы; а вы служители Иисуса-Христа, освободившаго васъ отъ рабства вѣка сего: вы должны дѣйствовать не иначе, какъ по его примѣру и закону. Господь вашъ провелъ жизнь свою въ бѣдности и смиреніи, *не имѣя гдѣ главу Свою подклонити* (Мат. VIII, 20). У Него была простая, грубая одежда, и Онъ предоставлялъ живущимъ въ царскихъ чертогахъ облакаться въ роскошныя одѣянія. Если Онъ не оказывалъ власти надъ учениками Своими, которымъ напротивъ того умывалъ ноги, если отказывался отъ царства, вѣдая права Свои на него: то все сіе дѣлалъ для того, чтобы показать ученикамъ Своимъ, какимъ образомъ надлежитъ поступать съ знаменитостію, съ пышностію и съ властію. Кому всѣ сіи почести болѣе приличествуютъ, какъ не Сыну Божію? Сколько бы подлежало носить передъ нимъ пучковъ палокъ? Какая бы багряница должна была развѣваться на Его плечахъ, сколькими діаде-

нами украшалось бы чело Его, если бы не счелъ Онъ всего того чуждымъ и излишнимъ для Себя и для Своихъ? Стало бытъ Онъ отвергъ то, чего не хотѣлъ; что отвергъ, то осудилъ; а что осудилъ, то предасть сатанѣ и его клеветамъ. Онъ бы не осудилъ сихъ ничтожныхъ вещей, если бы не счелъ ихъ для Себя чуждыми. Что не просходитъ отъ Бога, то не можетъ произойти ни отъ кого внаго, кромѣ какъ отъ демона. Отказавшись отъ суеты сатаны, познай, что, обратясь къ нимъ, ты идолопоклонникъ. Слушай и помни: власть и почести земли не только чужды для Бога, но онѣ непріязненны и враждебны Ему, потому что посредствомъ ихъ служители Божіи бываютъ мучимы и претерпѣваютъ казни, уготованныя нечестивымъ. Благородство и богатство твое не смущаетъ тебя въ борьбѣ съ идолопоклонствомъ. Но въ средствахъ избѣгнуть его, нѣтъ недостатка. Для тебя довольно того одного, что ты чрезъ то сдѣлаешься счастливѣе царей, но не на землѣ, а на небесахъ.

XIX. Какъ постоянство наше въ соблюденіи Христіанской Религіи можетъ подвергнуться опасности не только отъ дѣяній, но и отъ словъ нашихъ: то мы должны беречься отъ происковъ идолопоклонства даже и въ нашихъ разговорахъ какъ по причинѣ дурныхъ нашихъ привычекъ, такъ и по причинѣ нашей робости. Законъ нашъ запрещаетъ намъ *помянуть имена языческихъ боговъ* (Ис. XV, 4). Это не значитъ того, чтобы мы никогда не произносили ихъ именъ, непрерывно повторяемыхъ въ бесѣдахъ, какъ-то на примѣръ: «ты встрѣтишь его у Ескулапова храма; я живу у Изидина перекрестка; такой-то сдѣлапъ жрецомъ Юпитера и пр.» Какъ подобныя слова бываютъ у всѣхъ на языкѣ: то именуя Сатурна, я Сатурну не покланяюсь, подобно какъ именуя Марка, не покла-

нялся Марку. Въ писаніи сказано: *Да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене.* Также: *не возъмешъ имени Господа Бога твоего всуе* (Исх. XX, 3. 7). Изъ сего слѣдуетъ, что кто вдова называетъ именемъ Бога, тотъ пріемлетъ имя Его всуе или идолопоклонствуетъ. Такимъ образомъ, когда ты кого изъ языческихъ боговъ назовешь богомъ: то долженъ тотчасъ присокупить что-либо въ оправданіе свое, что ты подъ симъ именемъ не разумѣешь истиннаго Бога. Писаніе само именуетъ ихъ богами, по всегда прибавляетъ: *ихъ боги или языческіе боги.* Между нами вкралась также дурная привычка говорить: *me hercle* и *me fidius deus* (право такъ, свидетель богъ Фидій). Многие и не подозрѣваютъ, что это есть божба во имя Геркулеса. Божиться же во имя тѣхъ, которыхъ мы отвергли, не значитъ ли явное преступленіе, забвеніе вѣры и одобреніе идолопоклонства? Божиться ложными богами, не значитъ ли признавать ихъ и воздавать имъ почести?

XX. Ты грѣшишь изъ робости, когда кто передъ тобою произнесетъ по формѣ клятвенную присягу, долженствующую тебя связать, и когда ты молчишь, боясь быть сочтеннымъ за Христіанина. Храня молчаніе, ты признаешь достоинство тѣхъ, во имя которыхъ будешь другими сочтенъ какъ бы связаннымъ или обязаннымъ. Что въ томъ, устами ли или ушами признаешь ты боговъ, побожишься ли идоломъ или выслушаешь помянутую клятвенную присягу? Не явная ли тутъ хитрость сатаны, который не имѣя возможности заставить насъ произнести имя его, довольствуется тѣмъ, чтобы мы слышали сіе имя отъ его клеветовъ, и такимъ образомъ вводитъ насъ въ идолопоклонство посредствомъ слуха? Кто хочетъ подобнымъ образомъ связать тебя, тотъ дѣлаетъ это съ добрымъ или съ дурнымъ намѣреніемъ. Если намѣре-

ніе его дурно: то это для тебя вызовъ къ сраженію; а ты знаешь, что тебѣ всегда надобно бороться со врагомъ. Если же оно доброе: то это для тебя прекрасный случай отвѣчать на то произнесеніемъ имени Господняго, чтобы разрушить цѣпь, которою злой духъ хотѣлъ привязать тебя къ идолопоклонству. Всякая подобная терпимость есть грѣхъ: ты воздаешь по чести тѣмъ, въ чье имя заставляютъ тебя повиноваться. Я знаю человѣка (да проститъ ему Богъ), который, заспоря съ кѣмъ-то на улицѣ, когда сей сказалъ: будь ты проклятъ отъ Юпитера! отвѣчалъ ему: будь самъ ты проклятъ отъ Юпитера! Что могъ бы болѣе сдѣлать язычникъ, вѣрующій въ Юпитера! Если бы мы даже и не произносили проклятій за проклятія во имя Юпитера: то мы уже его признаемъ, когда за то сердимся. Какой поводъ раздражаться именемъ того, который есть ничто? Гнѣваясь за то, ты сознаешься, что онъ что нибудь, ты боишься его, ты идолопоклонникъ; кольми же паче, когда ты самъ изрекаешь проклятіе во имя его: тогда воздаешь ты Юпитеру ту же почесть, какую воздалъ ему и тотъ, кто первый изрекъ проклятіе. Вѣрующій долженъ въ такомъ случаѣ смѣяться, а не гнѣваться. Но что я говорю? Намъ повелѣно не проклипать, но благословлять во имя Божіе, на тотъ конецъ, чтобъ осрамить идола, прославить Бога и повиноваться закону Его.

XXI. Христіанинъ не допуститъ, чтобы кто благословилъ его во имя ложныхъ боговъ. Онъ отвергнетъ это злочестивое благословеніе, и очиститъ его, помышляя объ истинномъ Богѣ. Быть благословеннымъ языческими богами, значитъ быть проклятымъ отъ истиннаго Бога. Когда я подаю милостыню или дѣлаю услугу: то если кто изъ благодарности ко мнѣ станетъ молиться богамъ или гешію хранителю страны,

чтобъ они были ко мнѣ милостивы, въ такомъ случаѣ подаише или доброе дѣло мое обратится въ честь идолу, котораго благословеніе послужитъ мнѣ наградою. Почему не сказать мнѣ тутъ же, что это дѣлаю я изъ любви къ истинному Богу, дабы и тотъ, кого я обяжу, могъ прославить тогоже Бога, и дабы демоны не имѣли притязанія на то, что мною дѣлается для Бога? Въ противномъ случаѣ Богъ конечно увидитъ, что я храню молчаніе ради Его; но увидитъ также и то, что я не хотѣлъ Его исповѣдать, и что такимъ образомъ обратилъ заповѣдь Его въ нѣкоторый родъ служенія идоламъ. Часто говорятъ, что человекъ не долженъ тщеславиться; но онъ не долженъ также и отрекаться. Притворяться и ни слова не говорить, когда кто насъ принимаетъ за язычника, значитъ тоже, что отрекаться. Всякое отрицаніе истины есть идолопоклонство, равно какъ и всякое идолопоклонство словомъ или дѣломъ есть отрицаніе истины.

XXII. Есть еще подобнаго рода изворотъ, составляющій грѣхъ дѣломъ и словомъ, хотя иные и думаютъ, что онъ безвинецъ, потому что не обнаруживается дѣломъ и не произносится словомъ. Вотъ онъ. Нѣкоторые изъ насъ занимаютъ у язычниковъ деньги подъ залогъ. Когда имъ читаютъ актъ по формѣ, то они молча подписываютъ его, полагая, что тѣмъ самымъ отвергаютъ ихъ боговъ: потомъ навѣдываются, когда дѣло это будетъ разсматриваться, въ какомъ судѣ, при какомъ президентѣ и пр. Иисусъ-Христосъ сказалъ: *не клянися всяко* (Мат. V, 34). — Ты отвѣчаешь мнѣ: хотя правда я кое-что и подписалъ, но ничего не сказалъ. Языкъ убиваетъ, а не письмо. — Ссылаюсь на самое дѣло и на здравый разумъ. Возможно ли что иибудь подписать, чтобы душа не продиктовала словъ, хотя бы языкъ и не произнесъ

ихъ? Какая нужда, сама ли душа будетъ ихъ диктовать, или повторитъ то, что диктуетъ другой? Тутъ уже нельзя сказать: я пишу подъ диктовку другаго. Спроси совѣсть свою, добровольно ли душа пріемлетъ слова другаго для передачи пишущему, хотя бы произносилъ ихъ языкъ, или молчалъ. Спрашивается: что производитъ грѣхъ, не намѣреніе ли, не голосъ ли совѣсти? Ты былъ на сторожѣ, когда тебѣ слова были произносимы и не можешь отпираться, чтобы не зналъ о нихъ или не одобрялъ ихъ. Бывши на сторожѣ, ты зналъ, о чемъ дѣло идетъ; зная о томъ, ты того хотѣлъ. Такимъ образомъ ты виноватъ и мыслию и самымъ дѣломъ. Безразсудно возлагать вину на одну твою руку, и утверждать, что дѣло произошло безъ твоего участія. — Но, скажешь ты: я не отрекся отъ Бога, не поклялся. — Хотя бы ты и ничего не сказалъ; но достаточно одного твоего согласія. Ты не говоришь тогда, какъ надлежало бы тебѣ протестовать. Произнесенное слово ни во что ставится при подписаніи; иѣмая буква ни къ чему тутъ не служитъ. *Захарій*, лишенный на время голоса, могъ обойтись безъ дара слова, и помаваніемъ рукъ объяснилъ мысли души своей. Онъ, не говоря, произноситъ имя, которое хочетъ дать сыну своему; передаетъ его на письмѣ: *испроси дщницу написа* (Лук. I, 63), и такимъ образомъ изъяснился лучше всякаго звука. Можно бы сказать, что письмо явственнѣе голоса. Но думаете ли вы, что тотъ, кто изучился такимъ образомъ изъясняться, сталъ бы еще и говорить? — Сохрани насъ Богъ отъ необходимости находиться въ затруднительномъ положеніи; если же до того дѣло дойдетъ: то да подастъ Онъ братьямъ нашимъ способы помочь намъ или да подастъ намъ мужество превозмочь и желанія и нужды наши, дабы въ послѣдній день злочестивые

сіи извороты, послужившіе намъ къ отреченію отъ Бога, не были поводомъ къ преданію пась небесному суду, не посредствомъ уже какого либо адвоката, но посредствомъ Ангела обвинителя.

XXIII. Среди столь безчисленныхъ подводныхъ камней и утесовъ, корабль вѣры развертываетъ свои паруса и мчится, движимый Святымъ Духомъ. Онъ плаваетъ безопасно, когда кормчими его суть благоразуміе и ревность; но какъ скоро вы подыметесь выше борта, неизбежный вихрь идолопоклонства готовъ васъ низвергнуть; каждая волна его смертельна, каждая пропасть его изводитъ въ адъ. — Кто же, скажете вы, можетъ тутъ уберечься? — Лучше, если нужно, отказаться отъ міра. Лучше выйти изъ міра и остаться Христіаниномъ, нежели жить въ мірѣ, чтобы впасть въ идолопоклонство. Ничего нѣтъ легче, какъ избѣгнуть идолопоклонства, если только мы боимся его. Нѣтъ страшнѣе бѣдствія, какъ оставленіе Бога. Для сего Духъ Святой усовершилъ, и такъ сказать упростилъ древній законъ, дабы мы все стараніе свое обратили къ удаленію себя отъ идолопоклонства. Таковъ теперь законъ нашъ: чѣмъ онъ простѣе, тѣмъ строже должны мы послѣдовать ему. Онъ совершенно отдѣляетъ Христіанъ отъ язычниковъ. Его надлежитъ предлагать желающимъ вступить въ нашу церковь. Ему должны изучаться допущенники (оглашенные), дабы прежде, нежели вступятъ, могли они размыслить и пребыть послѣ твердыми въ вѣрѣ, или же отказались бы отъ нея искренно. *Ной* принялъ въ ковчегъ свой ворона и коршуна, принялъ волка, собаку, тигра; но не принялъ идолопоклонства. Идолопоклонство не имѣетъ въ природѣ типа, (сроднаго себѣ образа): все, что не принято въ ковчегъ, не должно быть принято и въ Церковь.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕЩЕНІЯ

ПРОТИВЪ ЕРЕТИКОВЪ.

(Praescriptiones Haereticorum) (*).

I. Настоящія обстоятельства налагаютъ на меня обязанность посовѣтовать читателямъ нисколько не удивляться ни тому, что существуютъ ереси, для того что онѣ были предсказаны, ни тому, что онѣ у нѣкоторыхъ людей испровергаютъ вѣру, для того что Богъ допускаетъ ереси на тотъ конецъ, чтобъ испытать вѣру нашу. Напрасно многіе соблазняются усиліями ересей. Что бы было, если бы ихъ вовсе не существовало?

II. Какъ скоро вещь существуетъ: то она по необходимости должна имѣть опредѣлительную причину или цѣль своего существованія, равно какъ и собственную свою преобладающую силу или твердость, которая составляетъ сущность ея, и безъ которой ей существовать нельзя. Мы не удивляемся, что лихорадка, зародышъ болѣзни и смерти человѣка, существуетъ и изпуряетъ тѣло человѣческое: таково ея качество. Если мы страшимся, чтобъ ереси не поколебали и даже не искоренили вѣры: то должны объять бытъ

(*) Сочинена въ 209 год по Р.

симъ страхомъ со времени ихъ появленія, потому что существуя единственно для произведенія сего дѣйствія, онѣ приемяютъ силу свою съ тѣхъ поръ, какъ начинаютъ существовать. Мы знаемъ, что лихорадка есть зло какъ по окончательной своей цѣли, такъ и по своему качеству; а потому она хотя насъ и устрашаетъ, но не удивляетъ. Не имѣя возможности ее истребить, мы всячески стараемся освободиться отъ нея. Чему же тутъ удивляться, что ереси, пожирающія насъ гораздо сильнѣйшимъ пламенемъ, и приносящія намъ вѣчную смерть, могутъ производить подобное же дѣйствіе? Почему не стараться намъ лучше воспрепятствовать, чтобъ онѣ не имѣли дѣйствія сего ни сначала ни въ послѣдствіи? Вотъ единственный предметъ, который отъ насъ зависить.

Впрочемъ ереси не болѣе имѣютъ силы, какъ сколько допустимъ мы ихъ поселять въ насъ страхъ. Смущаясь симъ страхомъ, мы соблазняемся, а соблазняясь, увѣряемъ себя, что сила сія происходитъ будто бы отъ истины. И подлинно было бы удивительно, если бы зло имѣло силу на другихъ, а не на такихъ только людей, которые слабы въ вѣрѣ. Въ сраженіяхъ атлетовъ и гладіаторовъ не тотъ побѣждаетъ, кто храбръ и непобѣдимъ, а тотъ, кто имѣетъ слабаго противъ себя соперника. Тогда противоставится ему храбрѣйшій, и побѣдитель взаимно бываетъ побѣжденъ. Такъ и съ ересями: будучи сильны отъ нашей слабости, онѣ не могутъ устоять противъ твердой и крѣпкой вѣры.

III. Слабыя души увлекаются часто паденіемъ извѣстныхъ особъ. Какъ, говорятъ, могли впасть въ заблужденіе такіе умные, твердые и испытанные въ вѣрѣ люди? Кто такъ говоритъ, тотъ самъ себѣ могъ бы отвѣчать, что люди сіи вѣроятно совсѣмъ не та-

ковы, какъ о нихъ слухъ поевтся, потому именно, что заразились ересію.

Но впрочемъ чему тутъ дивиться, что люди испытанной добродѣтели въ послѣдствіи себя унижаютъ и падаютъ? *Саулъ*, изъ всего народа избранный, вскорѣ предается весь зависти. *Давидъ*, царь по сердцу Божію, оскверняется двойнымъ преступленіемъ прелюбодѣянія и убійства. *Соломонъ*, осыпаный дарами Божіими, исполненный премудрости, вовлекается въ идолопоклонство своими женами. Одному Сыну Божію предоставлено было пребыть до конца безгрѣшнымъ. Какъ! Если Епископъ, діаконъ, вдовица, дѣва, учитель, мученикъ, впадутъ въ ересь: то развѣ отъ того ересь сдѣлается болѣе истиною? Станемъ ли мы судить о вѣрѣ по особамъ, или же объ особахъ по вѣрѣ? Нѣтъ мудреца, кромѣ вѣрующаго; нѣтъ великаго человѣка, кромѣ Христіанина; нѣтъ Христіанина, кромѣ того, кто устоитъ до конца.

О человѣкъ! Ты знаешь другаго человѣка только по наружности; вѣрнись тому, что видишь; видишь то, до чего зрѣніе твое простирается. Одно око Божіе все проникаетъ. *Человѣкъ зрѣтъ на лице, Богъ же зрѣтъ на сердце* (1. Цар. XVI, 7). *Позна Господь сущія своя* (2. Твм. II, 19). *Всякъ садъ, его же не насади Отецъ Мой, искоренится. Мнози будутъ перви послѣдніи и послѣдніи первіи. Ему лопата въ руку Его, и потребитъ гумно Своє* (Матѣ. XV, 13. XIX, 30. III, 12). Пусть плевелы уносятся первымъ дуновеніемъ искушеній: тѣмъ чище будетъ пшеница въ житницахъ Господнихъ.

Не было ли даже и многихъ учениковъ Господнихъ, соблазвившихся о Немъ и оставившихъ Его? Но другіе тѣмъ не менѣе пребыли Ему преданными. Зная, что Онъ изшелъ отъ Бога, и что Онъ имѣетъ

отрицатися еретика чловѣка по первомъ и второмъ наказаніи, вѣдый, яко развратися таковый, и согрѣшаетъ, и есть самоосужденъ. Во всѣхъ почти своихъ посланіяхъ св. Павелъ намекаетъ, чтобы мы убѣгали отъ всякаго ложнаго ученія. Подъ симъ именемъ разумѣетъ онъ ереси, которыхъ плодъ есть ложное ученіе.

Ересь происходитъ отъ греческаго слова, означающаго *выборъ*, потому что еретикъ дѣйствительно выбираетъ то ученіе, какое вымышляетъ или пріемлетъ. Посему-то Апостоль и говоритъ, что еретикъ *есть самоосужденъ*. Наши Авторы, наши Писатели, суть Апостолы Господни, которые сами собою ничего не выдумывали и не выбирали, но предали вѣрно всему міру то ученіе, какое пріяли отъ Іисуса-Христа. А потому когда бы и ангелъ съ небесе благовѣстилъ другое Евангеліе (къ Гал. 1, 8), *анаѡема да будетъ*. Духъ Святыи предвозвѣстилъ намъ, что *сатана преобразуется во ангела свѣтла* (2. къ Кор. XI, 14). Его-то обаяніями *Апеллесъ* подвигнуть былъ изобрѣсть новую ересь.

VII. Еретическое ученіе есть чловѣческое и *блговское*, *внемлющее духовомъ лестчымъ* (1. къ Тим. IV, 1). *Господь обуи премудрость міра сего, и избра буяя міра, да премудрыя посрамитъ* (1. къ Кор. 1, 20 и 27). Философія, предприемлюшая дерзновенно изслѣдывать естество Божества и судьбы Его, послужила орудіемъ сей мірской мудрости. Она произвела всѣ ереси. Отсюда истекли *Эоны* и другіе странные вымыслы. Отсюда *Валентинъ* почерпнулъ свою чловѣческую тройцу: онъ былъ Платоникъ. Отсюда явился мнимодобрыи и безпечный богъ *Маркіона*, который былъ Стоикомъ. Эпикурейцы учатъ, что душа должна быть смертная. Всѣ философскія школы отрицаютъ воскресеніе тѣлъ. Ученіе, смѣшивающее матерію съ Богомъ, есть ученіе *Зеноново*. Кто говоритъ объ огненномъ богѣ,

тотъ послѣдуетъ *Гераклиту*. Философы и еретики разсуждаютъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, путаются себя одними и тѣми же вопросами. Откуда зло, и для чего оно? Откуда взялся человекъ и какъ произошелъ? Въ недавнемъ времени *Валентинъ* еще предложилъ вопросъ: какое есть начало бога? Слушая его, выходитъ, что это какая-то мечта, какой-то недоносокъ.

Какъ жаль, что *Аристотель* изобрѣлъ для нихъ діалектику, искусство спорить, искусство равно сиссобное и поучать и испровергать: это настоящій Протей въ своихъ системахъ, весьма странный въ своихъ догадкахъ, и въ выборѣ своихъ предметовъ, противорѣчущій самому себѣ, непрестанно разрушающій то, что творитъ.

Отсюда *басни и родословія безконечныя* (I. къ Тим. 1, 4), праздные вопросы и разговоры, распространяющіеся, какъ антоновъ огонь, противъ которыхъ предостерегаетъ насъ Апостолъ, увѣщавая въ посланіи къ Колоссаемъ (II, 8) блюстись отъ философін: *блюдитесь, говоритъ, да никто же васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію, по преданію человеческого, по стихіямъ міра, а не по Христу*. Онъ былъ въ Афинахъ, гдѣ лично узналъ сію мірскую философію, тщеславящуюся тѣмъ, что учитъ истинѣ, повреждая ее, и раздѣляющуюся на многія секты, которыя, подобно ересямъ, суть заклятые враги между собою.

Но что общаго между Афинами и Іерусалимомъ, между Академією и Церковію, между еретиками и Христіанами? Наша секта возникла съ портика царя *Соломона*, научившаго насъ искать Бога прямымъ и чистымъ сердцемъ. О чемъ помышляли люди, мечтавшіе составить Христіанство Стоическое, Платоническое и діалектическое?

VIII. Мы не нуждаемся ни въ любопытствѣ по-

слѣ Иисуса-Христа, ни въ изысканіяхъ послѣ Евангелія. Вѣруя вмѣ, мы не хотимъ ничему другому вѣрить: думаемъ даже, что болѣе и вѣрять нечему.

Приступаю къ такому возраженію, которымъ Христіане пользуются для удовлетворенія своего любопытства, и которое еретики употребляютъ для приведенія насъ въ замѣшательство. Сказано, говорятъ они: *ищите и обряцете* (Матѣ. VII, 7). Вспомнимъ, въ какое время Иисусъ-Христосъ сказалъ слова сіи: это было въ началѣ Его проповѣди, когда весь свѣтъ сомнѣвался еще, Христосъ ли Онъ, когда *Петръ* Апостоль не объявилъ еще, что признаетъ Его сыномъ Божіимъ, когда *Іоаннъ* Креститель, который въ Немъ былъ увѣренъ, преданъ былъ уже смерти, или по крайней мѣрѣ сидѣлъ въ темницѣ. Такимъ образомъ Иисусъ-Христосъ имѣлъ причину сказать: *ищите и обряцете*. Никто еще не зналъ Его: надлежало по необходимости Его искать. Впрочемъ все сіе касалось болѣе Іудеевъ, долженствовавшихъ Его искать. Онъ самъ сказалъ: *имутъ Мойсея и пророки: да послушаютъ ихъ* (Лук. XVI, 29). Въ другомъ мѣстѣ еще яснѣе говорилъ: *Испытайте Писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный, и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. V, 39), то есть, *ищите и обряцете*.

Послѣдующія слова текста: *толцуйте и отверзется вамъ*, очевидно относились также къ Іудеямъ. Прежде одни они составляли церковь Божію, изъ которой за невѣріе изгнаны. Язычники были изъ нея исключены, кромѣ малаго числа, которое сравнить можно съ каплею воды или съ пылинкою праха. Можетъ ли же тотъ толкать, стучаться, кто всегда удаленъ былъ? Зналъ ли онъ двери, къ которымъ не былъ допускаемъ, и изъ которыхъ никогда не выходилъ? Но тотъ, кто

входили въ нихъ въ потомъ изгнанъ, конечно зналъ двери и могъ въ нихъ стучаться.

Слова: *просите и дастся вамъ*, приличествуютъ тѣмъ, которые знали, Кого имъ просить, и Кто имъ далъ обѣтованія, я хочу сказать, Богъ Авраамовъ, Исааковъ и Иаковль: язычники не знали ни Его ни обѣтованій Его. Посему-то Спаситель и сказалъ: *письмо посланъ, токмо ко овцамъ погибшымъ дому Израилева* (Матѳ. XV, 24). Онъ еще не повергалъ псамъ крупницъ сыновняго хлѣба, не приказывалъ еще птти къ язычникамъ.

Не прежде, какъ по воскресеніи уже Своемъ, послалъ Онъ Своихъ учениковъ крестить всѣ языки (Матѳ. XXVIII, 19), послѣ того, какъ обѣщавъ даровать имъ Святаго Духа, долженствовавшаго *научить ихъ всему* (Іоан. XIV, 26), какъ то и дѣйствительно случилось. Если сами Апостолы, на которыхъ возложено было учить языки, должны были имѣть учителемъ своимъ Святаго Духа: то кажется вѣрно то, что слова: *ищите и обряцете*, не относились къ намъ, къ намъ бывшимъ язычникамъ, которыхъ Апостолы должны были искать, чтобъ учить, будучи уже сами научены Духомъ Святымъ. Конечно всѣ слова Господни принадлежатъ всѣмъ: отъ Іудеевъ, слышавшихъ ихъ, онѣ перешли и къ намъ. Но какъ онѣ обыкновенно относились прямо къ нимъ: то и составляютъ для насъ не столько урокъ, сколько примѣръ.

IX. Не хочу я пользоваться преимущественными моими выгодами. Положимъ, что слова: *ищите и обряцете*, относились и ко всему свѣту. Но нельзя же не согласиться, что надобно прибѣгнуть къ совѣту разума, дабы открыть настоящій ихъ смыслъ. Чтобы проникнуть божественные глаголы, не должно оста-

павливаться на буквы: надлежитъ углубляться въ духъ, въ энергію ихъ.

Постапавлию первое весьма ясное правило. Иисусъ-Христосъ всѣмъ народамъ преподалъ точный и неизмѣнный символъ вѣры, которому весь свѣтъ обязанъ вѣрить, и котораго слѣдственно надлежитъ искать, чтобы найти его и ему повѣрить. Но сей единственный и неизмѣнный символъ не требуетъ безконечныхъ изысканій. Ищите, пока не найдете; вѣрьте, когда нашли. Тогда остается вамъ только хранить то, чему повѣрили, лишь бы вы увѣрены были, что вамъ не должно уже ни искать ни вѣрить, какъ скоро нашли, а вѣрить единственно тому, чему научилъ насъ Тотъ, кто запрещаетъ болѣе чего либо искать.

Кто не увѣренъ въ томъ, чему научилъ Иисусъ-Христосъ, тому будетъ доказано, что ученіе божественнаго нашего Учителя находится единственно у насъ. Будучи удостовѣренъ въ силѣ моихъ доводовъ, и опасаясь, чтобъ извѣстные люди не перетолковали своевольно и безразсудно словъ: *ищите и обряцете*, я предваряю ихъ, что имъ нечего искать болѣе того, что они за долгъ себѣ поставляли искать.

Х. Впрочемъ разборъ сей можетъ быть приведенъ къ тремъ главнымъ пунктамъ: первый заключаетъ въ себѣ самое дѣло, или предметъ исканій; второй время, или когда должно искать; а третій предѣлъ, куда искать надобно. Надлежитъ искать того, чему училъ Иисусъ-Христосъ, пока не найдете, и до тѣхъ поръ, какъ найдете. Вы нашли, когда увѣровали, потому что не увѣровали бы, когда бы не нашли. Какъ вы искали для того, чтобъ увѣровать: то и нужно вамъ найти для того, чтобъ увѣровать; увѣровавши же, вы должны прекратить всѣ ваши исканія. Самый плодъ вашихъ исканій, когда вы получите его, ука-

жетъ вамъ, гдѣ должно остано­виться. Вотъ предѣлъ, назначенный вамъ отъ Того, кто повелѣлъ вамъ вѣрить только тому, искать только того, чему Онъ васъ училъ.

Но если потому только, что одни учили одно, а другіе другое, захотимъ мы вѣчно искать, дабы найтъ: то мы въ опасности всегда искать и никогда не увѣ­ровать. Какой же послѣ сего будетъ предѣлъ моихъ исканій и открытій, какая будетъ постоянная цѣль моего вѣрованія? Искать у Маркіона? Но Валентинъ съ своей стороны кричитъ: *ищите и обряцете*. Искать у Валентина? Но Апеллесъ повторяетъ тоже самое. Эвіонъ, Симонъ, всѣ другіе, употребляютъ тоже ухищреніе, чтобы привлечь меня въ свою партію. И такъ мнѣ не возможно будетъ нигдѣ стать твердо, доколѣ я послѣдую всѣмъ тѣмъ, которые говорятъ: *ищите и обряцете*, подобно какъ нельзя будетъ мнѣ ни въ какомъ мѣстѣ и ни въ какое время найти того, чему училъ Иисусъ-Христосъ, чего должно искать, и чему вѣрить слѣдуетъ.

XI. Неосновательно поступаетъ тотъ, кто такимъ образомъ блуждаетъ изъ стороны въ сторону, не пропуская ничего. Каждый имѣетъ право упрекнуть его, что онъ скитается по пустому. Но если я увѣровалъ въ то, во что дѣйствительно долженъ былъ увѣровать, и если послѣ того воображаю, что мнѣ еще искать должно: то стало бытъ я надѣюсь найти еще что ии­будь; а надѣяться могу только потому, что подъ личиною вѣры дѣйствительно не вѣрилъ, или же пере­сталъ вѣрить. Но отрекшись отъ вѣры, я отступникъ. Однимъ словомъ, если я все ищу: то это знакъ, что еще не нашелъ или уже потерялъ. Евангельская жепя *погубила драхму едину, и прилжно ищетъ се*; обрѣв­ши же, перестаетъ искать (Лук. XV, 8—9). Человѣкъ *проситъ у друга своего три хлѣбы взаимъ, пришедши*

къ нему за тѣмъ въ полунощи; но какъ скоро получилъ желаемое, то перестаетъ стучаться въ двери (Лук. XI, 5—8). Вдова проситъ судію выслушать ее; умоливъ же его на сей счетъ, остается спокойною (Лук. XVIII, 3—5). Такъ-то справедливо, что всему долженъ быть предѣлъ, ищетъ ли кто, стучится ли, или проситъ. Для сего Іисусъ-Христосъ и говоритъ: *Всякъ просиіи приѣмлетъ, и ищайи обрѣтаетъ, и толкущему отвержется* (Матѣ. VII, 8).

Вы, ищущіе всегда и не находящіе ничего, обратите вниманіе на то, что вы ищете чего-то тамъ, гдѣ ничего найтти нельзя. Вы, стучащіеся всегда, и никто вамъ не отворяетъ, знайте что вы стучитесь тамъ, гдѣ никого нѣтъ. Вы, просящіе всегда и ничего не получающіе, убѣдитесь, что вы просите у того, кто дать ничего не можетъ.

XII. Что касается до насъ: то если бы намъ надлежало искать еще, искать всегда, гдѣ бы мы стали искать? Не у еретиковъ ли, у которыхъ все чуждо, все противно истинѣ Христіанской, и съ которыми запрещено намъ сообщаться? Да не будетъ! Какой служителю ожидаетъ пищи отъ чужаго господина или лучше сказать отъ врага господина своего? Какой вонючъ, исключая развѣ кто бѣглець, предатель, возмутитель, станеть требовать жалованья или вознагражденія у государя, который не въ союзѣ, а во враждѣ съ его государемъ? Евангельская жепа искала драхмы, но въ своемъ домѣ; человекъ, просившій хлѣба, стучался, но у дверей своего друга; вдова умоляла выслушать ее, но такого судію, который не былъ ея врагомъ. Чему научиться отъ тѣхъ, которые не умѣютъ ничего иного дѣлать, какъ разрушать? Какого свѣта ожидать тамъ, гдѣ все тьма? Попщемъ у себя

я у своихъ, но поищемъ только того, что служитъ къ разрѣшенію вопроса, не нарушая правила вѣры.

XIII. Вотъ правило или символъ нашей вѣры. Мы исповѣдуемъ его всенародно. Мы вѣруемъ, что существуетъ единый Богъ. Творецъ міра, извлекшій его изъ ничтожества Словомъ Своимъ, рожденнымъ прежде всѣхъ вѣкъ. Мы вѣруемъ, что Слово сіе есть Сынъ Божій, многократно являвшійся патріархамъ подъ именемъ Бога, одушевлявшій Пророковъ, снишедшій на нѣмъ Бога Духа Святаго въ утробу дѣвы Маріи, воплотившійся и рожденный отъ Нея: что Слово сіе есть Господь нашъ Іисусъ-Христосъ, проповѣдывавшій новый законъ и новое обѣтованіе царствія небеснаго. Мы вѣруемъ, что Іисусъ-Христосъ сотворилъ многія чудеса, былъ распятъ, въ третій день по своей смерти воскресъ, вознесся на небо, гдѣ возсѣлъ одесную Отца Своего; что Онъ вмѣсто Себя послалъ Духа Святаго, дабы просвѣщать и руководить Церковь Свою; что наконецъ Онъ придетъ съ великою славою даровать Святымъ Своимъ жизнь вѣчную и неизреченное блаженство, и осудитъ злыхъ людей въ огонь вѣчный, воскресивъ тѣла какъ наши такъ и всѣхъ другихъ чловѣковъ.

XIV. Въ семь состоитъ правило вѣры, преподанное намъ Іисусомъ-Христомъ, какъ-то мы ясно докажемъ. Противъ него нѣтъ между нами споровъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которые возбуждаетъ ересь и производятъ еретики. Нѣтъ! Никогда правило сіе не потерпитъ ни малѣйшаго нарушенія, сколько бы вы ни искали, ни любопытствовали, сколько бы ни дѣлали пререканій. Но если что либо кажется вамъ темнымъ или сбивчивымъ: то у васъ есть братья, получившіе даръ ученія, наставленные превосходными учителями: они столько же любопытны, какъ вы, и не отре-

кутся искать вмѣстѣ съ вами. Наконецъ если вы знаете то, что должны знать: то для васъ гораздо лучше не знать прочаго, дабы не научиться тому, чего знать не должны. Иисусъ-Христосъ сказалъ: *вѣра твоя спасе тѣя* (Мато. IX, 22); вѣра, а не изслѣдованія, не состязанія на счетъ св. Писанія. Законъ состоитъ въ томъ, чтобы не отступать отъ правила вѣры. Законъ предписываетъ се рѣшительно, и спасеніе наше тѣсно связано съ исполненіемъ закона. Споры происходятъ отъ любопытства, и ни къ чему иному насъ не ведутъ, какъ только, чтобы намъ прославиться молвою о нашей учености. Да смирится любопытство предъ вѣрою и тщеславіе предъ спасеніемъ души, или то и другое да пребываетъ въ покоѣ, или же по крайней мѣрѣ да оставляетъ насъ въ покоѣ. Ничего не знать прогнанаго правила вѣры, значитъ все знать.

Если бы еретики не были противниками истины, если бы даже и не было намъ предписано убѣгать ихъ: то чему можемъ мы научиться отъ общенія съ людьми, которые сами сознаются, что они еще ищутъ? Если ищутъ они дѣйствительно, стало быть ничего еще не нашли; чѣмъ самымъ показываютъ, какъ мало полагаются сами они на то, что выставляютъ, какъ будто нашли. Вы, ищущіе съ своей стороны, если станете обращаться къ людямъ, также ипущимъ: то, пребывая сами въ перѣшимости, незвѣстности и слѣпотѣ, неизбежно доведены будете до пропасти тѣми людьми, которые находятся въ такой же перѣшимости, незвѣстности и слѣпотѣ.

Но когда они будутъ казать видъ, что ищутъ, съ намѣреніемъ привести васъ въ безпокойство и вселить въ васъ свои заблужденія, когда привлекутъ васъ къ себѣ подобною хитростію, и когда вы увидите, что они упорно защищаютъ то, о чемъ прежде отзы-

ваюсь, что подобно еще нескать: то объявите имъ рѣшительно, что вы скорѣе отречетесь отъ нихъ, нежели отъ Иисуса-Христа. Они еще ищутъ, стало быть не нашли; они не вѣрятъ, стало быть они не Христиане. Но хотя бы они и отзывались, что вѣрятъ, а между тѣмъ станутъ говорить, что подобно еще нескать, дабы защищать свое мнѣніе: то выхолить, что они прежде защищенія мнѣнія своего, уже не одобряютъ его, признаваясь, что не могутъ вѣрить, доколѣ ищутъ. Такимъ образомъ они не Христиане по собственному сознанию. Для насъ также они не Христиане. Какую могутъ они имѣть вѣру при такомъ притворствѣ? Они употребляютъ ложь, чтобы принудить насъ признать мнимую истину.

XV. Но, говорите вы, они опираются единственно на священное Писаніе, они думаютъ убѣдить насъ не иначе, какъ священнымъ Писаніемъ.—Само собою разумѣется, что предметовъ вѣры нельзя иначе доказывать, какъ святыми книгами. Но рассмотримъ существо дѣла. Мы теперь дошли до того, что собственно составляетъ цѣль сего сочиненія, къ чему стремились и все, доселѣ нами сказанное. Мы нападемъ на противниковъ нашихъ въ томъ самомъ убѣжищѣ, изъ котораго они вызываютъ насъ на брань. Дерзость ихъ ссылаться на священное Писаніе имѣетъ сперва нѣкоторое вліяніе на извѣстныхъ людей; пререканіями своими они утомляютъ сильнѣйшихъ, побѣждаютъ слабыхъ, колеблютъ прочихъ. Мы остановимъ ихъ съ перваго шагу, утверждая, что они не могутъ и не должны быть допущены къ состязаніямъ о священномъ Писаніи. Это ихъ арсеналъ; но прежде, нежели возьмутъ они оттуда оружіе, надлежитъ опредѣлить, кому принадлежитъ Писаніе, дабы не овладѣли

имъ насильно тѣ: которые не имѣютъ на то никакого права.

XVI. Можно бы подумать, что я говорю такимъ образомъ изъ недовѣрчивости къ своему дѣлу, или изъ опасенія вступить въ сраженіе, если бы у меня не было сильныхъ опоръ, и особливо авторитета Апостола, который долженъ служить намъ правиломъ въ отношеніи къ вѣрѣ. Онъ повелѣваетъ намъ *уклоняться скверныхъ суесловіи и прекословіи лжеименнаго разума* (I. къ Тим. VI, 20), *отступать буихъ стязаній и рвеній и сваровъ законныхъ, и отрицаться еретика человека по первомъ и второмъ наказаніи* (но не по многократномъ съ нимъ состязаніи) (къ Тит. III, 9 и 10). Онъ до того запрещаетъ состязаніе, что нигдѣ не велитъ отыскивать еретика, вѣроятно потому, что сей послѣдній не Христіанинъ, и что не слѣдуетъ дѣлать ему много разъ выговоровъ, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, подобно какъ Христіанину. Посему-то самому и не должно съ нимъ состязаться. Впрочемъ состязаніе утомляетъ только голову и изнуряетъ легкое.

XVII. Ересь отвергаетъ нѣкоторыя книги священнаго Писанія, а почитаемыя ею за каноническія пріемлетъ не въ полнотѣ. Она ихъ повреждаетъ, убавляя или прибавляя, чтобы приспособить къ своей системѣ. Тѣ книги, которыя пріемлетъ въ полнотѣ, она вновь искажаетъ выдумываемыми ею толкованіями; ибо столь же противно истинѣ исказить смыслъ, какъ и текстъ. Дерзкій нововводитель не боится признавать то, что приводитъ его въ замѣпательство; но онъ приводитъ съ напряженіемъ силъ все то, что переиначиваетъ, приводитъ темныя мѣста, употребляемыя имъ во зло. Сколько бы вы ни были опытны и искусны въ писаніи; но чего можно вамъ надѣяться отъ состязаній? Все, что вы ни скажете, онъ упорно отвергнетъ, ме-

жду тѣмъ какъ станеть утверждать то, что вы отвергнете. Отъ подобнаго словопрѣнія вы ничего инаго не получите, кромѣ усталости и негодованія.

XVIII. Тотъ, за кого вы вступились бы при такомъ спорѣ на счетъ Писанія, и чьи сомнѣнія желали бы разсѣять, обратится ли къ истинѣ или къ заблужденію? Удивлясь, что вы не имѣли значительнаго перевѣса, что съ той и другой стороны были возраженія и защищенія, и что дѣло осталось въ томъ же положеніи, въ какомъ и было, онъ можетъ быть отоидеть отъ васъ еще съ большею нерѣшимостію, нежели въ какой былъ прежде, не имѣя возможности разсудить, гдѣ находится ересь. Ничего нѣтъ легче, какъ опровергнуть все то, что мы говоримъ. Ересь не побоятся увѣрить, что писаніе повреждаемъ мы и толкуемъ его дурно, и что одна она держится истины.

XIX. И такъ не надобно непрерывно прибѣгать къ Писанію и отваживаться на борьбу, гдѣ побѣда всегда сомнительна или по крайшей мѣрѣ кажется сомнительною. Но если бы и не въ томъ состояли послѣдствія отъ состязаній о Писаніи: то порядокъ вещей требуетъ начать съ того, чтобы разсмотрѣть, кому принадлежитъ Писаніе и вѣра, отъ кого сія послѣдняя проистекла, кѣмъ, когда и кому даровано ученіе, творящее Христіанъ. Гдѣ мы увидимъ истинную вѣру, истинное ученіе Христіанства, тамъ безъ сомнѣнія обрѣтаются и истинное Писаніе и истинныя толкованія и истинныя Христіанскія предапія.

XX. Каковъ бы ни былъ Господь нашъ Іисусъ-Христосъ (да проститъ Онъ мнѣ дерзкія слова сіи), каковъ бы ни былъ Богъ, котораго Онъ Сынъ, каково бы ни было естество Бого-человѣка, вѣра, Имъ преданная, возмездіе, Имъ обѣщанное; но Онъ во время Своего пребыванія на землѣ, какъ въ рѣчахъ къ народу,

такъ и въ особыхъ наставленіяхъ ученикамъ, Самъ поучалъ, кто Онъ есть, кто исходи Онъ былъ, Самъ объявлялъ волю Отца Своего, обязанность, Имъ на Него возложенную, и чего требуетъ Онъ отъ людей. Изъ учениковъ Онъ избралъ двѣнадцать, чтобъ сопровождали Его, и въ послѣдствіи содѣлались бы учителями языковъ. Одинъ изъ нихъ исключенъ изъ сего числа; в Христосъ, по воскресеніи Своемъ возвращаясь къ Отцу, повелѣлъ оставшимся одиннадцати ученикамъ *итти научать все языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мат. XXVIII, 19). Въ слѣдъ за тѣмъ Апостолы (слово сіе значитъ посланники), избравши по жребію *Матоея* на мѣсто предателя *Иуды* по пророчеству *Давидову* (Пс. LIV, 14 и 15. CVIII, 8), и пріявъ отъ обѣщаннаго имъ Духа Святаго даръ *голати иными языки* (Дѣян. Ап. II, 4), проповѣдали вѣру во Іисуса-Христа, и учредили церкви сперва въ *Иудеѣ*, потомъ, раздѣля между собою вселенную, возвѣстили ту же вѣру и тоже ученіе народамъ, и основали церкви во многихъ городахъ.

Отъ сихъ-то церквей все прочія заимствовали сѣмя ученія, и заимствуютъ донныѣ по мѣрѣ своего учрежденія. По сей причинѣ сіи послѣднія считаются также въ числѣ Апостольскихъ церквей, которыхъ онѣ какъ бы дщери. Все истекаетъ по необходимости изъ своего начала; а потому, не смотря на великое число знаменитыхъ церквей, все онѣ признаются за единую Церковь, за первую изъ всехъ, основанную Апостолами, за мать всехъ прочихъ. Будучи все Апостольскія, онѣ все вмѣстѣ составляютъ единую Церковь по общенію мира, по званію братьевъ и по связямъ дружества, соединяющаго всехъ вѣрующихъ. Все нами сказанное имѣетъ основаніемъ своимъ единство вѣры и ученія, всеми сими церквами свидѣтельствуемое.

XXI. Огеюда извлекаемъ мы другое наше противъ еретиковъ заключеніе. Если Господь нашъ Иисусъ — Христосъ послалъ для проповѣди своихъ Апостоловъ: то мы не должны принимать никакихъ другихъ проповѣдниковъ, потому что никто не знаетъ Отца, кромѣ Сына, и кому Сынъ открылъ, и что Сынъ открылъ сіе единственно Апостоламъ, которыхъ послалъ проповѣдывать о томъ, что имъ открылъ.

Чтоже проповѣдывали Апостолы, или что открылъ имъ Иисусъ-Христосъ? Я заключаю, что нельзя узнать о томъ иначе, какъ посредствомъ церкви, Апостолами учрежденныхъ, церквей, руководимыхъ и наученныхъ ими сперва изустно, а потомъ и чрезъ ихъ писанія. Если это такъ: то всякое ученіе, согласующееся съ ученіемъ сихъ коренныхъ Апостольскихъ церквей, столь же древнихъ, какъ и самая вѣра, неоспоримо есть истинное, потому что оно церквами принято отъ Апостоловъ, Апостолами отъ Иисуса-Христа, Иисусомъ-Христомъ отъ Бога, и что слѣдовательно всякое другое ученіе должно быть ложное, противное истинѣ, преподаваемой церквами, Апостолами, Иисусомъ-Христомъ и Богомъ.

Остается доказать, что ученіе наше, выше сего вкратцѣ изложенное, происходитъ отъ Апостоловъ, и что по неизбѣжному слѣдствію, всякаго рода другое ученіе ложно. Мы имѣемъ общеніе единственно съ Апостольскими церквами, потому что наше ученіе ни въ чемъ не различествуетъ отъ ихъ ученія: это наше доказательство.

XXII. Сколько ни ясно, точно и неоспоримо доказательство сіе; но прежде, нежели мы его утвердимъ, послушаемъ, что противники наши могутъ сказать противъ него. Они обыкновенно дѣлаютъ въ семь случаевъ два возраженія, одно другаго безразсуднѣе. «Апо-

столы не все знали. Апостолы конечно все знали, но не всему всѣхъ научали.»

Стало быть они обвиняютъ самаго Іисуса-Христа, что Онъ избралъ учениковъ или малосвѣдущихъ или не совсѣмъ вѣрныхъ. Какой благоразумный человекъ можетъ подозрѣвать въ невѣдѣніи Господнихъ учениковъ, которыхъ Онъ назначилъ учителями вселивной, которые сопровождали Его въ теченіи смертной Его жизни, которымъ объяснялъ Онъ особо все, требовавшее объясненія, говоря, что имъ предоставлено вѣдагъ тайны, недоступныя для другихъ? Что могло быть сокрыто *Петру*, такъ прованному потому, что на немъ, какъ на основномъ камнѣ, создана была Церковь, *Петру*, пріавшему съ ключами царствія небснаго власть вязать и разрѣшать на небеси и на земли? Что могло быть сокрыто *Іоанну* Богослову, возлюбленному ученику, который возлежалъ на персяхъ Спасителя, которому одному указалъ Онъ предателя *Іуду*, и котораго усыновилъ вмѣсто Себя матери Своей *Маріи*? Что захотѣлъ бы Іисусъ-Христосъ сокрыть отъ трехъ учениковъ, которымъ явилъ славу Свою, съ *Моисеемъ* и *Іліею*, и которыхъ удостоилъ слышать гласъ Огня Своего, не потому, чтобы другіе ученики были Имъ отвергнуты, но что *при устѣхъ тріехъ свидѣтелей станеть всякъ глаголъ* (Мате. XVІІІ 16.)? Накопецъ могли ли чего не знать тѣ ученики, которымъ благоволилъ Онъ по воскресеніи Своемъ объяснять во время пути все Писаніе?

Правда, что Спаситель говорилъ прежде ученикамъ своимъ: *Еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ* (Іоан. XVI, 12). Но Онъ тутъ же прибавилъ: *Егда же приидеть Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину. Онъ ясно чрезъ сіе постановилъ, что они все знать будутъ, когда исполнятъ*

ся обѣщаннаго вмѣ Духа Святаго. Обѣщаніе въ точности было приведено Имъ въ дѣйствіе Дѣянія Апостольскія повѣствуютъ о сошествіи на Апостоловъ Святаго Духа (II, 1—36). Отвергающіе книгу сію не могутъ похвалиться, чтобы были научены Духомъ Святымъ, потому что не признаютъ ниспосланія Его на вѣрующихъ. Они даже не въ состояніи защитить Церкви, потому что не могутъ доказать, когда и какимъ образомъ она учреждена. Но вмѣ иривится лучше лишать себя доказательствъ хранимыхъ Церковію истинъ, нежели представлять неоспоримые доводы противъ примѣшанныхъ ими тутъ заблужденій.

XXIII. Дабы доказать мнимое невѣдѣніе Апостоловъ, они возражаютъ, что *Павелъ* упрекнулъ *Петра* и сущихъ съ нимъ въ лицемѣрствѣ (къ Гал. II, 11—14). Это безспорное доказательство, говорятъ они, что первые Апостолы не все знали, и что послѣдующіе имѣли обширѣйшія свѣдѣнія, каковъ былъ *Павелъ*, увернувшій старшихъ себя?

Мы бы могли имъ отвѣчать; «такъ какъ вы отвергаете дѣянія Апостольскія, то прежде всего надлежало бы вамъ объяснить, кто такой этотъ *Павелъ*, чѣмъ онъ былъ прежде своего апостольства, и какъ онъ достигъ къ нему, тѣмъ болѣе что вы и во многихъ другихъ случаяхъ ссылаетесь и опираетесь на *Павла*. Свидѣтельство самаго *Павла* о томъ, что онъ изъ гонителя сдѣлался Апостоломъ, не достаточно для тѣхъ, кто вѣритъ не иначе, какъ по основательномъ изслѣдованіи. Спаситель Самъ о Себѣ говорилъ: *Аще азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Моє ипсть истинно* (Іоан. V, 31).»

Но я согласенъ, чтобъ они безъ авторитета писанія вѣрили вопреки писанію; имъ однакожъ ни къ чему не послужить, что *Павелъ* упрекнулъ *Петра*,

если они вмѣстѣ съ тѣмъ не докажутъ , что *Павелъ* проповѣдалъ Евангеліе инос, нежели *Петръ* и прочіе Апостолы (къ Гал. I, 8). Напротивъ того *Павелъ*, обращенный изъ гонителя въ Апостолы, приводится и представляется братьямъ , какъ одинъ изъ нихъ , представляется тѣмъ братьями, которые пріяли ученіе и вѣру Апостоловъ; потомъ идетъ въ Іерусалимъ, какъ самъ повѣствуетъ, чтобъ увидѣться съ *Петромъ*, соглядати *Петра* (къ Гал. I, 18). На то имѣлъ онъ право и долгъ, какъ сотоварищъ *Петра* въ проповѣди одного и тогоже Евангелія. Вѣрующіе безъ сомнѣнія не изъявили бы удивленія, если бы увидѣли, что гонитель , сдѣлавшійся проповѣдникомъ , проповѣдуетъ Евангеліе, противное ихъ Евангелію. Они бы также и не прославили Бога за то, что отъявленный врагъ Его *Павелъ* явился между ими; не простерли бы рукъ къ нему въ знакъ дружбы, единенія и сообразія чувствованій. Когда же они раздѣлили долгъ служенія между *Петромъ* и *Павломъ*: то это не значило того, чтобъ два Апостола отправились проповѣдывать два разныя Евангелія, но чтобы они проповѣдывали одно и тоже Евангеліе различнымъ народамъ, *Петръ* Іудеямъ, *Павелъ* язычникамъ.

Впрочемъ если *Петръ* получилъ упрекъ за то , что живя съ язычниками , отдѣлялся отъ нихъ изъ угожденія къ людямъ: то это былъ проступокъ поведенія, а отнюдь не отступленіе отъ ученія. Онъ не возвѣщалъ инаго Бога, кромѣ Создателя, инаго Христа, кромѣ Сына Маріи, иной надежды, кромѣ воскресенія.

XXIV. Я не хочу тщеславиться, или лучше сказать, не буду такъ дерзокъ, чтобы вводить двухъ Апостоловъ въ борьбу; но какъ прогивники наши приводятъ намъ упрекъ *Павловъ* какъ бы для того , чтобы сдѣлать подозрительнымъ ученіе *Петрово*: то я за се-

го послѣдняго отвѣтствую, что Павелъ самъ отозвался о себѣ, что онъ *всѣмъ себѣ поработи, да множайшыя приобрящетъ, былъ Иудеямъ яко Иудей, язычникамъ яко язычникъ, всѣмъ былъ вся, да иѣкія спасетъ* (1 Кор. IX, 19—22). Такимъ образомъ Апостолы, движимые обстоятельствами времени и лицъ, сами какъ бы порицали извѣстныя вещи, творимыя ими при различныхъ случаяхъ. *Петръ* съ своей стороны могъ бы упрекнуть *Павла*, что онъ, запрещая обрѣзаніе, обрѣзалъ *Тимофея*. Кто судить объ Апостолахъ, тотъ долженъ соображать всѣ подобныя обстоятельства. По крайнсей мѣрѣ то неоспоримо, что *Петръ* и *Павелъ* соединились мученичествомъ.

Хотя *Павелъ*, бывши *восхищенъ до третіаго небесе*, слышалъ тамъ неизреченныя глаголы (2 Кор. XII, 2—4); но они не могли измѣнить его проповѣди, потому что о нихъ *не льтъ есть человеку глаголати*. Если же дошли они до чьего либо свѣдѣнія, и если еретики хвастаются, что ихъ держатся: то пусть сознаются, что *Павелъ* нарушилъ тайну, или пусть укажутъ другаго кого, кто бы послѣ того *восхищенъ былъ на небеса*, и кто бы получилъ дозволеніе открыть то, о чемъ *Павлу* повелѣно было молчать.

XXV. Однакоже было бы безразсудство утверждать, что Апостолы все знали и не проповѣдывали противоположнаго ученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ предполагать, что они не сообщали всѣмъ всего, что знали; но извѣстныя вещи преподавали публично всему свѣту, а другія открывали втайнѣ только малому числу. Еретики ссылаются въ семъ случаѣ на то, что *Павелъ* сказалъ *Тимофею*: *сохрани преданіе* (1 Тим. VI, 20); и въ другомъ мѣстѣ: *яже слышалъ еси отъ мене, сія предаждь вѣрнымъ* (2 Тим. II, 2). Чтожъ это за преданіе, въ которомъ полагаютъ они найти новое ученіе?

Не заключается ли оно въ сихъ Павловыхъ словахъ: *Сіе завѣщаніе предаю ти чадо Тимоѳее (1 Тим. I, 18);* или въ слѣдующихъ: *Завѣщаваю ти предъ Богомъ ожидающимъ вслѣдъ и Христомъ Іисусомъ свидѣтельствовавшимъ при Понтійствѣмъ Шилатъ доброе исповѣданіе (1 Тим. VI, 13).*

Но какое жъ это преданіе? Соображая предъидущія и послѣдующія изреченія, легко понять, что тутъ дѣло шло со всѣмъ не о новомъ какомъ либо ученіи, что напротивъ того Апостолъ настаиваетъ о непринятіи инаго ученія. кромѣ того, какое преподавалъ онъ своему ученику и безъ сомнѣнія публично при многихъ, какъ самъ говоритъ, *свидѣтеляхъ (2 Тим. II, 2).* Нѣтъ намъ нужды до того, что по мнѣнію противниковъ нашихъ подъ словомъ *многихъ свидѣтелей*, не разумѣлъ онъ Церкви. Для насъ довольно, что говоримое при свидѣтеляхъ не есть тайна. И когда Павелъ велитъ *Тимоѳею предать слышанное отъ него людямъ вѣрнымъ, иже довольно будутъ и другихъ научити (2 Тим. II, 2):* то тутъ нѣтъ какого либо тайнаго ученія, потому что онъ преподавалъ его ученику своему при многихъ свидѣтеляхъ. Впрочемъ не безъ причины онъ тѣмъ людямъ, на которыхъ возлагается проповѣдь Евангелія, поручаетъ поступать съ разборчивостію и благоразуміемъ, дабы, какъ говоритъ Іисусъ-Христосъ, *не давать святая псомъ и не пометать бисера предъ свиньями (Матѳ. VII, 6).*

XXVI. Іисусъ-Христосъ говорилъ публично, и никогда не требовалъ, чтобы какой либо членъ ученія Его оставался втайнѣ. Напротивъ того Онъ повелѣвалъ ученикамъ Своимъ: *Еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцыте во свѣтѣ, и еже во уши слышите, проповѣдите на кровльхъ (Матѳ. X, 27).* Тоже самое далъ Онъ разумѣть и въ притчѣ, что не должно скрывать тайн-

та въ земли (Матѣ. XXV, 25), то есть, таитъ слова истины, вмѣсто того, чтобъ употребить его въ пользу. Онъ возвѣщалъ, что *не вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницу, и свѣтитъ всмъ, иже въ храминѣ суть* (Матѣ. V, 15). Надобно, чтобъ Апостолы или не поняли или не уважали всего сего, если бы справедливо было, что они утаили нѣкоторую часть свѣта, то есть, часть слова Божія. Они не боялись ярости ни Иудеевъ ни язычниковъ. Могли ли они не говорить свободно въ церкви, когда съ такою смѣлостію проповѣдывали въ синагогахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ? Никогда не обратили бы они Иудеевъ и не убѣдили язычниковъ, когда бы со всею ясностію не толковали имъ Религіи, ими возвѣщаемой. Цельзя также предполагать, чтобъ они церквамъ, уже вѣрующимъ, захотѣли скрыть догматы, которые рѣшились ввѣрить только малому числу лицъ. Хотя бы даже были у нихъ и особыя на сей счетъ собесѣдованія или конференціи; но не вѣроятно, чтобъ они тутъ предлагали другой, а не тотъ символъ вѣры, которому поучали публично; чтобы возвѣщали одного Бога въ Церкви, а другаго дома, одного Христа публично, а другаго втайнѣ, одно воскресеніе для народа, а другое для избранныхъ лицъ. Апостолы въ посланіяхъ своихъ безпрерывно увѣщавали вѣрныхъ держаться единой вѣры, не терять распрей и раздѣленій, потому что всѣ учителя Евангелія, *Павелъ* ли то или кто другой, преподавали совершенно одинакое ученіе. Они помнили наставленіе Господа своего: *буди слово ваше ей, ей, ни ни; лишше же сею отъ непріяни есть* (Матѣ. V, 37). Господь желалъ, чтобы царствовало совершенное единообразіе въ ихъ поученіяхъ.

XXVII. И такъ невѣроятно, чтобъ Апостолы не знали или скрывали что либо изъ проповѣдуемаго ими

ученія; но можетъ быть церкви не все слышали и понимали. Вотъ новая привязка, которую приводятъ противъ насъ еретики. Извѣстно, говорятъ они, что Апостоль дѣлалъ церквамъ упреки. *О несмысленнѣи Галате*, восклицаетъ онъ, *кто вы прельстилъ есть не покоритися истинѣ... наченше духомъ нынѣ плотию скончавате* (Гал. III, 1 и 3), и въ другомъ мѣстѣ: *Течасте добръ; кто вамъ возбрани не покаратися истинѣ* (Гал. V, 7)? Къ Коринтянамъ пишетъ: *еще плотстѣи есте; млекоу вы напоихъ, а не брашноу; ибо не у можете, но ниже еще можете нынѣ* (1 Кор. III, 2 и 3).

Мы согласны, что церкви сіи получили выговоры: но развѣ итъ повода полагать, что онѣ исправились? По крайней мѣрѣ мы видимъ, что онѣ темеръ въ общеніи со всѣми тѣми церквами, которыхъ вѣру, вѣдѣніе и поведеніе Апостоль выхвалялъ, и за которыя благословлялъ онъ Бога.

XXVIII. Положимъ, если угодно, что всѣ церкви обманулись, что самъ Апостоль обманулся, свидѣтельствуя о ихъ вѣрѣ, что Духъ Святой не озаботился научить истинѣ никакой церкви, тотъ Духъ святой, котораго Иисусъ-Христосъ послалъ, о которомъ просилъ Онъ Отца Своего, чтобы былъ учителемъ церквей; положимъ, что служитель Божій, намѣстникъ Иисуса-Христа, совершенно забылъ возложенную на него обязанность, и допустилъ церкви вѣрить и внимать не тому, чему училъ ихъ, какъ Апостоль; вѣроятно ли однакожъ, чтобы столь многое число церквей нарочно такъ сказать сдѣлали между собою заговоръ, чтобы послѣдовать заблужденію? Гдѣ встрѣчается разногласіе, тамъ не можетъ существовать совершеннаго единодушія: заблужденіе необходимо станетъ разнообразить. Нѣтъ! То, что у весьма многихъ бываетъ одинаково, есть не заблужденіе, а преданіе.

Но кто осмѣлится заблужденіе возвести до источника преданія?

XXIX. Но откуда бы заблужденіе ни происходило, стало быть оно господствовало, доколѣ ересь не истребила его. Стало быть истина выжидала появленія Маркіонитовъ и Валентіановъ! Между тѣмъ люди проповѣдывали дурно, вѣрили дурно, столько тысячъ были окрещены дурно, столько дѣлъ вѣры исполнилось дурно, столько чудесъ совершено дурно, столько сверхъ-естественныхъ даровъ испослано дурно, столько священниковъ и служителей поставлено дурно, столько наконецъ мучениковъ увѣнчались дурно! Если же все сіе производилось не дурно и не вотще: то какимъ образомъ могли бы существовать Религія и богослуженіе, прежде нежели Богъ познавъ былъ Христіанами, прежде нежели Іисусъ-Христосъ открылъ Себя? Откуда взялась ересь, прежде чѣмъ явилось истинное ученіе, тогда какъ истина предшествуетъ образу ея, а тѣнь слѣдуетъ за тѣломъ? Какое безразсудство полагать, что ересь могла существовать прежде истиннаго ученія, которое предъувѣдомило насъ, что будутъ ереси, и совѣтовало намъ ихъ убѣгать?

Сказано было Церкви, или паче самое ученіе сіе сказало Церкви: *аще Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, апаѡема да будетъ* (Гал. 1, 8).

XXX. Гдѣ былъ тогда Маркіонъ, кормщикъ Понта Евквинскаго, ревностный стоикъ? Гдѣ былъ Валентинъ платоникъ? Извѣстно, что они жили недавно при Антонинѣ, и исповѣдывали католическую вѣру въ Римской церкви при Архипастырѣ *Елевверіи*, доколѣ непокойный ихъ характеръ и ихъ мнѣнія, соблазнявшія вѣрующихъ, не заставили Христіанъ обоихъ ихъ изгнать изъ церкви двукратно, и Маркіона, съ приве-

сешними имъ даже двумя стами сестерсовъ. Съ тѣхъ поръ они распространили повсюду ядъ своихъ ересей. Наконецъ *Маркіонъ* отрекся отъ своихъ заблужденій, и изъявлено было согласіе даровать ему миръ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ взялся привести опять въ Церковь отлученныхъ имъ отъ нея; но смерть не дала ему на то времени.

Подобало быть ереси, еще повторимъ мы. Но чрезъ сіе не должно разумѣть, чтобъ она была какое либо благо, такъ какъ надлежало быть и злу, которое никогда благомъ не бываетъ. Не слѣдовало ли Господу нашему быть преданнымъ? Но горе предателю (Лук. XXII. 22)! Не должно подъ симъ предлогомъ оправдывать ереси.

Апеллесъ жилъ еще позже *Маркіона*, который былъ его учителемъ. Совокупясь съ одною женщиною вопреки воздержанію *Маркіона*, и не смѣя возвести взоровъ на своего цѣломудреннаго наставника, онъ бѣжалъ въ Александрію. По возвращеніи оттуда чрезъ нѣсколько лѣтъ, нимало не исправясь, развѣ кромѣ того, что не былъ уже *Маркіонитомъ*, онъ соблазненъ былъ другою женщиною: это *Филомена*, сдѣлавшаяся потомъ распутнѣйшею блудницею. Она до того очаровала его, что онъ подъ ея диктовку писалъ откровенія. Есть и теперь еще люди, которые помнятъ, что видѣли обоихъ ихъ: между нами есть даже и теперь ихъ ученики и послѣдователи, такъ что нельзя ошибиться на счетъ времени, когда они жили. Впрочемъ Господь сказалъ *отъ плодъ ихъ узнаете ихъ* (Мат. VII, 20). *Маркіонъ* отдѣлилъ новый завѣтъ отъ ветхаго. То, что онъ отдѣлилъ, существовало прежде его: слѣдовательно было соединено до отдѣленія и до произведшаго оное. Равнымъ образомъ и *Валентинъ*, который не довольствуясь тѣмъ, что страннымъ образомъ толкуетъ Писаніе,

в мечтаетъ его исправлять подъ тѣмъ предлогомъ, что оно было прежде повреждено, чрезъ сіе самое сознается, что Писаніе существовало прежде его.

Я привелъ здѣсь только сихъ людей, какъ знаменитѣйшихъ лжесплетателей. Что касается до *Илидія*, *Гермогена* и прочихъ, которыхъ все занятіе состоитъ только въ томъ, чтобы развращать: то пусть представляютъ они права своей миссіи. Проповѣдуя ипаго Бога, а не нашего, какъ могутъ они противъ Сего послѣдняго пользоваться именемъ и писаніемъ Его? Если это тотъ же Богъ: то почему проповѣдуютъ они о Немъ иначе? Пусть докажутъ, что они новыя Апостолы, что Иисусъ-Христосъ въ другой разъ снѣшелъ на землю, что Онъ вновь умеръ, распятъ и воскресъ, что сверхъ того далъ имъ власть творить такія же чудеса, какъ и Его: вотъ по какимъ знакамъ можемъ мы признать истинныхъ Апостоловъ Христовыхъ. Впрочемъ я не долженъ умолчать не о чудесахъ, а о чудесничествахъ сихъ новыхъ лжеапостоловъ, несчастныхъ подражателей истинныхъ Апостоловъ Иисуса-Христа: сіи даруютъ жизнь мертвымъ, а тѣ наносятъ живымъ смерть.

XXXI. Обратимся къ основному началу, то есть, къ тому, что истина существовала первоначально, а заблужденіе явилось въ послѣдствіи. Богъ сѣетъ сперва сѣмя доброе; потомъ врагъ Его приходитъ и примѣшиваетъ тутъ плевелы (Матѣ. XIII, 28). Притча сія явно знаменуетъ два противоположныя ученія. Слово Божіе въ той же главѣ названо сѣменемъ. Слѣдовательно вникая въ порядокъ времени, надобно заключить, что то ученіе, которое преподано первое, истинно и божественно, а то, которое прибавлено въ послѣдствіи, ложно и чуждо. Вотъ что всегда приводитъ будетъ въ замѣшательство всѣ новѣйшія ереси, изъ которыхъ ни

одна не можетъ увѣрена быть, чтобъ вмѣла на своей сторонѣ истину.

XXXII. Впрочемъ если бы нѣкоторыя изъ сихъ сектъ осмѣлились утверждать, что онѣ современны Апостоламъ, дабы показать происхожденіе свое отъ нихъ: то мы попросимъ ихъ обозначить намъ начало ихъ церквей, порядокъ и преемство ихъ Епископовъ, восходя до самыхъ Апостоловъ или до одного изъ Апостольскихъ мужей, державшихся до конца Апостольскаго общенія. Такъ, а не иначе, церкви доказываютъ, что онѣ истинно Апостольскія. Такъ Смирнская церковь указываетъ на *Поликарна*, поставленнаго въ Епископы ея *Іоанномъ Богословомъ*. Такъ Римская церковь хвалится *Климентомъ*, посвященнымъ отъ Апостола *Петра*. Всѣ прочія церкви равномерно указуютъ на тѣхъ, кто отъ Апостоловъ поставленъ имъ въ Епископы, и посредствомъ кого пріяли онѣ сѣмя Апостольскаго ученія. Пусть во крайней мѣрѣ еретики выдумаютъ что либо подобное. Послѣ столь многихъ богохульствъ все имъ позволено; но какой бы подлогъ они ни вымыслили, не послужитъ имъ онъ ни къ чему. Ученіе ихъ въ сравненіи съ Апостольскимъ довольно доказываетъ по самому противленію своему, что оно не принадлежитъ ни Апостоламъ ни мужамъ Апостольскимъ. Апостолы не могли быть противны другъ другу по своему ученію. Апостольскіе мужи не могли противорѣчить Апостоламъ, исключая нѣкоторыхъ, оставшихъ или отрекшихся отъ нихъ. И такъ да представятъ еретики какое либо сообразіе ихъ ученія съ ученіемъ Апостольскимъ. Вызовъ сей дѣлаютъ имъ новѣйшія церкви, которыя не могли быть учреждены ни Апостолами ни непосредственными ихъ преемниками, или которыя нынѣ вседневно учреждаются: онѣ, исповѣдуя ту же самую вѣру, почитаютъ

ся равномерно Апостольскими по привычѣ единокровнаго ученія.

Такимъ образомъ хотя церкви наши и требуютъ отъ всѣхъ ересей оправданія ихъ въ томъ, что онѣ ученіемъ и происхожденіемъ своимъ обязапы Апостоламъ; но ереси не могутъ оправдать себя въ томъ, чего нѣтъ. Различіе ученія ихъ папротивъ того доказываетъ, что онѣ ни сколько не Апостольскія; а потому никакая Апостольская церковь не приѣмлетъ ихъ въ свое общеніе и миролюбіе. Теперь намѣрепъ я рассмотреть то ученіе ихъ, которое дѣйствительно восходитъ ко временамъ Апостоловъ и было ими открыто и проклято. Увидимъ, избѣгнутъ ли онѣ осужденія, когда имъ будетъ доказано, что онѣ въ самомъ дѣлѣ съ тѣхъ поръ существуютъ, или что происходятъ отъ ересей, тогда существовавшихъ.

XXXIII. Апостоль *Павелъ* въ первомъ посланіи своемъ къ Коринѳянамъ осуждаетъ еретиковъ, отвергающихъ воскресеніе или приводящихъ его въ сомнѣніе: это было заблужденіе Садуккеевъ, принятое отчасти *Маркіономъ*, *Валентиномъ*, *Апеллесомъ* и другими отвергающими воскресеніе тѣлъ. Въ посланіи къ Галатамъ возстаетъ онъ противъ тѣхъ, которые держатся обрѣзанія и обрядовъ закона: это ересь *Эвіона*. Въ поученіи къ *Тимовою* онъ осуждаетъ возбраняющихъ жениться: *Маркіонъ* и ученикъ его *Апеллесъ* также запрещаютъ супружество.

Павелъ равномерно упрекаетъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что воскресеніе уже совершилось: Валентиціане такого мнѣнія. Когда *Павелъ* говоритъ о безконечныхъ родословіяхъ: то тутъ нельзя не узнать *Валентина*, который говоритъ, что какой-то *Эонъ*, которому даетъ онъ странное имя и даже много именъ; раждаетъ благодатию своею мысль и истину; мысль и

истина производятъ слово и жизнь, а слово и жизнь раждаютъ чловѣка и церковь. Это первые восемь Эоновъ, отъ которыхъ родились другіе десять Эоновъ, и наконецъ еще двѣнадцать, названныхъ самыми чудными именами, дабы пополнить баснословное сказаніе о тридцати Эонахъ. Апостолъ, порицая служеніе воздаваемое стихіямъ, какъ бы именуетъ *Гермогена*, выдумавшаго вѣчную матерію, которую ставитъ онъ на ровнѣ съ вѣчнымъ Богомъ, дѣлая ее матерію и богиней стихій: послѣ сего печему удивляться, что онъ ее обоготворяетъ.

Іоаннъ Богословъ въ *Апокалипсисѣ* (II, 14) угрожаетъ казню держащимъ ученіе *лсти жертвы идольскія и любви творити*: нынѣ есть другіе *Николаиты*, извѣстные подъ именемъ *Канитовъ*. Въ посланіяхъ своихъ онъ считаетъ за антихриста всякаго, кто не исповѣдуетъ *Исуса-Христа во плоти пришедша* и не признаетъ Его за Сына Божія (1 Іоан. II, 22. IV, 3. и 2 Іоан. I, 7). *Маркіонъ* держится перваго, а *Эвіонъ* втораго заблужденія. Апостолъ *Петръ* почиталъ за нѣкоторый родъ идолопоклонства и осудилъ въ *Симонѣ* волхвъ *Магію*, воздающую богослуженіе Ангеламъ.

XXXIV. Вотъ кажется различныя роды ложнаго ученія, которые извѣстны были еще во времена Апостоловъ, какъ сами они насъ о томъ извѣщаютъ. Но между столь многими тогдашними превратными сектами нѣтъ ни одной, которая бы дерзнула напасть прямо на Бога, Создателя вселенной. Никто не посмѣлъ даже предположить иного Бога. Но большей части всѣ онѣ изъясляли сомнѣніе паче на Сына, чѣмъ на Отца, пока наконецъ *Маркіонъ*, кромѣ Бога Создателя, не выдумалъ другаго Бога подъ именемъ добраго начала; пока *Апеллесъ* не сталъ утверждать, что Создатель былъ Ангелъ верховнаго Бога, сущности огнен-

ной, Богъ древняго закона и Иудеевъ; пока *Валентинъ* не посѣялъ такъ сказать своихъ Эповъ, и не заставилъ Бога Создателя родиться изъ какой-то недостаточной сущности одного изъ нихъ.

Имъ-то, в одномъ имъ, открыты подобныя таинства Божества. Діаволъ, тщеславный соперникъ Божій, просвѣтилъ ихъ до такой степени, что вопреки слову Спасителя сотворилъ онъ сихъ лже-учениковъ мудрѣ учителя своими ядовитыми внушеніями. И такъ пусть ереси выбираютъ сами время, къ какому захотятъ отнести свое происхожденіе. Никогда не докажутъ онѣ, чтобъ ихъ породила истина. Тѣ изъ нихъ, о которыхъ Апостолы не говорятъ, въ ихъ время не существовали; а иначе они бы непременно о нихъ упомянули, дабы ихъ осудить, такъ какъ они и дѣйствительно осудили ереси, существовавшія при нихъ. Хотя бы ереси настоящаго времени были въ существѣ тѣже самыя, а только болѣе прикрашенныя и утопченныя; но онѣ со временъ Апостольскихъ преданы были проклятію. Хотя бы заимствовали онѣ только нѣкоторую часть ученія отъ прежнихъ сектъ; но тѣмъ не менѣе, участвуя въ ихъ ученіи, онѣ должны подвергаться одинакому съ ними осужденію.

Относительно тѣхъ ересей, которыя не имѣютъ ничего общаго съ ересями, доселѣ опороченными, одна уже новость подвергаетъ ихъ осужденію. Какъ скоро Апостолы о нихъ умолчали: то онѣ безъ сомнѣнія или ложны или принадлежатъ къ числу тѣхъ заблужденій, которыя Апостолами предсказаны.

XXXV. Таковымъ общимъ заключеніемъ мы устраиваемъ и посрамляемъ всѣ ереси, какъ современныя Апостоламъ, такъ и возникшія послѣ нихъ: однѣ были Апостолами обозначены и осуждены поименно или иначе, а другія не согласуются съ ученіемъ Apo-

столовъ. Тѣ и другія, если признають ученіе наше не истинымъ: то пусть докажутъ неистинность его такъ, какъ мы доказали неистинность ихъ ученія, и пусть научатъ насъ, гдѣ должно искать истины, тогда какъ дознано, что нѣтъ се у нихъ.

Ученіе наше древнѣе всякаго другаго; а потому оно и истинно: истина вездѣ первая, всему предшествуетъ. Апостолы не осудили нашего ученія, а утвердили его; не осудивъ же онаго, какъ осудили всякое чуждое ученіе, они показали чрезъ то, что ученіе наше признають они за свое собственное.

XXXVI. Хотите ли удовлетворить такому любопытству, котораго цѣль есть спасеніе? Посѣтите Апостольскія церкви, гдѣ стоятъ еще повѣщѣ на прежнемъ мѣстѣ кафедры Апостоловъ, гдѣ, слушая чтеніе оригинальныхъ ихъ посланій, вы подумаете, что видите ихъ самихъ, что слышите ихъ голосъ. Находясь близъ Ахѣи, вы узрите *Коринто*; въ Македоніи увидите *Филиппы* и *Фессалонику*; въ Азіи найдете *Ефесъ*. Приближаясь къ границамъ Італіи, вы встрѣтите *Римъ* съ его церковью, къ которой и мы въ нужныхъ случаяхъ прибѣгаемъ: счастливая церковь, гдѣ Апостолы пролили и ученіе свое и кровь свою, гдѣ *Петръ* былъ распятъ подобно Господу своему, гдѣ *Павлу* усѣчена была голова подобно *Іоанну* Крестителю, гдѣ *Іоаннъ* Богословъ, изшедши изъ сосуда съ кипящимъ масломъ здравъ и невредимъ, осужденъ былъ въ заточеніе на островъ!

Посмотримъ, чему научена и чему учитъ Римская церковь, особенно въ сношеніяхъ ея съ Африканскими церквами. Она вѣруетъ во единого Бога Творца вселенной, во Іисуса-Христа, Сына Его, рожденнаго отъ дѣвы Маріи. Она признаетъ воскресеніе тѣлъ, пріемлетъ вмѣстѣ съ древнимъ закономъ и пророками Еван-

геліе и посланія Апостоловъ. Вотъ источники, откуда почерпаетъ она вѣру свою: она возраждаетъ сыновъ своихъ водою крещенія, облакаетъ ихъ Духомъ Святымъ, питаетъ Евхаристіею, увѣщаетъ къ мученичеству, и отвергаетъ всякаго, кто не исповѣдуетъ сего ученія. Ученіе сіе предвозвѣстило намъ будущія ереси. Хотя онѣ и въ нѣдрахъ его возродились; но какъ скоро возстали онѣ противъ него, то къ нему уже не принадлежатъ. Отъ зерна сладкихъ и полезныхъ плодовъ, отъ наилучшихъ оливковыхъ и фиговыхъ деревъ, происходятъ иногда безплодныя в обманчивыя растѣнія, дикія оливы и смоквы: такъ и ереси, хотя родились на нашемъ грунтѣ, но для насъ совершенно чужды; сѣмя истины въ нихъ переродилось, и ложь произвела изъ нихъ какъ бы дикія травы.

XXXVII. Если вѣрно то, что истина можетъ найдаться только на сторонѣ тѣхъ, которые въ точности послѣдуютъ правилу вѣры, преданному Церкви Апостолами, Апостоламъ Иисусомъ-Христомъ, а Иисусу-Христу Богомъ: то мы съ увѣренностію можемъ утверждать, что еретики не должны быть допускаемы къ состязаніямъ о священномъ Писаніи, потому что и безъ пособія Писанія мы въ состояніи доказать, что Писаніе совершенно для нихъ чуждо: ибо они не могутъ быть Христіанами, будучи еретиками, и не заимствуютъ отъ Иисуса-Христа того, что самовластно присвоили себѣ, какъ еретики; не будучи же Христіанами, они не имѣютъ никакого права пользоваться и книгами Христіанскими.

Кто ты? можетъ спросить Церковь всякую ересь. Съ какихъ поръ и откуда ты пришла? Что ты у меня дѣлаешь, будучи не изъ моихъ? Ты, *Маркіонъ*, по какому праву рубишь лѣсъ мой? Кто позволилъ тебѣ, *Валентинъ*, совращать въ сторону мои источники?

Тебѣ, *Апеллесъ*, кто предоставилъ власть колебать мои предѣлы? Какъ осмѣлились вы сѣять и жать здѣсь своевольно? Это моя собственность, я давпо ею владѣю, владѣю ею первая; я происхожу отъ древнихъ ея владѣній, могу представить на то неоспоримыя доказательства; я, наследница Апостоловъ, пользуюсь моею собственностію согласно съ ихъ завѣщаніемъ, съ ихъ душеприказствомъ, съ присягою, отъ меня взятою. Вамъ они отказали въ наследствѣ, васъ они лишили его, какъ чуждыхъ имъ, какъ ихъ враговъ. Но почему еретики чужды и враги Апостоламъ? Потому, что ученіе, ими вымышленное или принятое своевольно, находится въ прямой противоположности съ ученіемъ Апостоловъ.

XXXVIII. Гдѣ замѣчается таковая противоположность, тамъ безъ сомнѣнія должно быть повреждено и священное Писаніе. Люди, рѣшившіеся измѣнить ученію, вмѣняютъ себѣ въ обязанность портить и источникъ его. Какъ ввести новое ученіе, не имѣя къ тому достаточныхъ основаній?

Какъ поврежденіе ученія само собою предполагаетъ порчу книгъ, хранительницъ ученія: то намъ нельзя было иначе удержать ученія въ чистотѣ и прямотѣ, какъ сохранивъ книги во всей ихъ цѣлости и неприкосновенности. Могло ли послѣ сего священное Писаніе содержать въ себѣ что либо такое, что было бы вопреки намъ? Имѣли ли мы нужду, чтобъ устраниться отъ него, составлять системы, имъ опровергаемыя, измѣнять его, коверкать, приписки къ нему дѣлать? Со времени бытія своего, Писаніе всегда было за одно съ нами: посредствомъ его мы сдѣлались Христіанами, прежде нежели возникло что либо вопреки намъ, прежде нежели еретики могли повредить Писаніе.

Всякое поврежденіе началомъ своимъ имѣетъ ненависть и зависть, которыя обнаруживаются въ послѣдствіи, и бываютъ чужды поврежденному предмету. Никакой благоразумный человѣкъ не повѣритъ, чтобы мы, рожденные вмѣстѣ съ Писаніемъ, вздумали его портить, а не враги его. Одинъ повреждаетъ текстъ, а другой смыслъ. Хотя *Валентинъ* по видимому и принимаетъ весь ветхій заветъ; но въ существѣ онъ не меньшій врагъ истины, какъ и *Маркіонъ*, только хитрѣе его. *Маркіонъ*, держа въ рукѣ желѣзо, а не карандашъ, изорвалъ въ куски все Писаніе, чтобы придать вѣсу своей системѣ. *Валентинъ* показалъ видъ, что щадитъ его, и что старается менѣе примѣнить его къ своимъ заблужденіямъ, нежели заблужденія свои къ нему, и между тѣмъ онъ исказилъ его болѣе, чѣмъ *Маркіонъ*, отъемля у словъ всю ихъ силу и естественное значеніе, дабы придать имъ вынужденный смыслъ, и въ тоже время выдумывая существа невидимыя и фантастическія.

XXXIX. Вотъ каковы мятежные духи, съ которыми надобно намъ сражаться, и которыхъ потому должны мы познать. Они нужны для вѣры, чтобъ отличить избранныхъ отъ отверженныхъ. Для сего-то дано имъ столько способностей и дарованій, чтобъ изобрѣтать и строить зданіе своихъ ересей. Впрочемъ тутъ нѣтъ ничего удивительнаго и страннаго: мы видимъ, что и изъ мірскихъ книгъ люди извлекаютъ тоже самое, что изъ священнаго Писанія. Нашли же недавно въ баснѣ *Виргилія* другую басню, примѣнивши предметъ къ стихамъ, а стихи къ предмету. *Озидій Гета* не замѣствовалъ ли изъ *Виргилія* всю свою трагедію подъ заглавіемъ *Медея*? У меня есть родственникъ, который считалъ забавою своею искать

въ томъ же поэтѣ изъясненіе картины *Цебесовой* (*). Ксиптоны *Гомеровы* не иное что, какъ поэмы, составленныя изъ стиховъ *Гомера*, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ, чтобы соединить ихъ въ одно тѣло.

Священное Писаніе представляетъ гораздо обширнѣйшее поле для всякаго рода предметовъ. А потому я не обвиняясь могу сказать, что оно по особому попущенію Божию устроено такъ, что еретики легко могутъ въ немъ находить пищу для своихъ ересей. Мы въ немъ читаемъ, что *подобаетъ быти ересямъ*. Безъ Писанія не было бы и ересей.

XL. Если бы кому угодно было спросить, кто возбуждаетъ и внушаетъ ереси, я бы отвѣчалъ: діаволь, который ставитъ себѣ за долгъ скрывать отъ людей истину, и всячески старается въ мистеріяхъ ложныхъ боговъ подражать святымъ обрядамъ Христіанской Религіи. Онъ также погружаетъ обожателей своихъ въ воду, и заставляетъ ихъ вѣрить, что въ купели сей получаютъ они отпушеніе грѣховъ своихъ. Онъ ставитъ знакъ на челѣ воиновъ *Митры*, когда они посвящаются; приноситъ въ жертву хлѣбъ; представляетъ видъ воскресенія; предлагаетъ вмѣстѣ и вѣнецъ и мечъ; запрещаетъ жрецамъ въ другой разъ жениться; имѣетъ даже своихъ дѣвственницъ.

Впрочемъ разсмотрѣвъ введенныя *Иумою* суевѣрїя, должности жрецовъ, ихъ украшенія, преимущества, обряды, сосуды, и вообще все, относящееся къ жертвоприношеніямъ, очищеніямъ и обѣтамъ, мы не можемъ усомниться, чтобы діаволь не хотѣлъ перенять тутъ обрядовъ *Моисеева* закона. Видно также, что тотъ, кто примѣнилъ къ идолослуженію, все то,

(*) Философъ изъ Фивъ въ Беотіи, которому приписана книга подъ заглавіемъ: *Картина жизни человеческой*.

что употребляется нами при совершеніи нашихъ таинствъ, не могъ не воспользоваться святыми нашими книгами для учрежденія святотатственнаго и враждебнаго намъ своего ученія: для сего искажилъ онъ въ нихъ и смыслъ, и слова, и образы. Такимъ образомъ вѣрно и истинно, что діаволь одушевляетъ всѣхъ ересіарховъ, и что ересь въ существѣ тоже, что идолопоклонство, такъ какъ и то и другое имѣютъ одного виновника, пачертавшаго обоихъ ихъ на одномъ полотнѣ.

Если не всѣ ереси признаютъ Бога врагомъ Христіанъ: то по крайней мѣрѣ изображаютъ Его не такимъ, каковъ Онъ есть; всякая же ложь, всякая неправда, имѣющая предметомъ своимъ Божество, есть родъ идолопоклонства.

XLI. Не могу я пропустить, чтобы не описать здѣсь поведенія еретиковъ, какъ оно легкомысленно, земляно, человѣкоподобно, пошло, не имѣетъ ни важности, ни вида власти, ни благочинія, совершенно сходно съ ихъ вѣрою. Не извѣстно, кто у нихъ оглашенный, кто вѣрующій. Они входятъ, слушаютъ, молятся, какъ попало, и даже вмѣстѣ съ язычниками, если случатся. Для нихъ ничего не значитъ *давать святая посомъ, и пометать бисеръ* (хотя и ложный) предъ свѣтлыми (Мат. VII, 6). Испроверженіе всякаго благочинія именуютъ они простотою, прямою; а нашу иривязанность къ благочинію считаютъ за притворство. Они подаютъ миръ (благословеніе) всякому безъ разбора. Такъ какъ они противоположны другъ другу въ своемъ вѣрованіи: то для нихъ все равно, все пригодно, лишь бы только побольше людей къ нимъ присоединилось, чтобы торжествовать надъ истиною: всѣ они надуты гордостью, всѣ обѣщаютъ просвѣтить. Оглашенные считаются совершенными, прежде нежели науче-

ны. А жсны ихъ чего себѣ не позволяютъ? Онѣ осмѣливаются учить, имѣть состязанія, заклинать, обѣщавать исцѣленіе, а можетъ быть и крестить.

Ихъ посвященія (въ Іерев) дѣлаются на угадъ, по своевравію, безъ послѣдствій. Они возвышаютъ то повообращенныхъ, то людей, преданныхъ міру, то даже нашихъ отступниковъ, чтобы привязать ихъ къ себѣ честолюбіемъ, если не истиною. Нигдѣ люди такъ скоро не повышаются въ чины, какъ въ скопищахъ мятежниковъ, гдѣ мятежъ почитается заслугою. Такъ и у нихъ: сегодня одинъ епископъ, а завтра другой; сегодня діаконъ, а завтра чтець; сегодня священникъ, а завтра мірянинъ. Они мірянъ производятъ прямо въ священническія должности.

XLII. Что сказать о ихъ проповѣди? У нихъ на сердцѣ не то, чтобъ обращать язычниковъ, но чтобы нашихъ развращать. Они ставятъ себѣ за честь повергать ницъ стоящихъ прямо, вмѣсто того, чтобы подымать падшихъ. Я тому не удивляюсь: они сами держатся не иначе, какъ на развалинахъ истины; а потому и стараются испровергнуть нашу Церковь, дабы воздвигнуть свою секту. Отъимите у нихъ законъ *Моисеевъ*, пророковъ, Бога Создателя, и вы заградите имъ уста. Они не умѣютъ ничего созидать, ихъ единственный даръ разрушать: для сего они льстивы, смиренны, покорны.

Впрочемъ они не имѣютъ даже почтенія къ своимъ архіереямъ; а потому нѣтъ вли не замѣтно у нихъ и распрей. Но самый союзъ ихъ есть непрерывная распря. Они непрестанно разнообразятъ, отступаютъ отъ своихъ правилъ. Каждый вращаетъ по произволу ученіе, ему преподанное, подобно какъ и тотъ, отъ кого онъ его получилъ, по своей же прихоти образуетъ его. Ересь въ своихъ успѣхахъ не измѣняетъ ни своей сущности, ни своему происхожденію.

Валентишіане и Маркіониты имѣютъ такое же право вводить новшцы, какъ *Валентинъ* и *Маркіонъ*. Всѣ ереси, если разсмотрѣть ихъ основательно, во многихъ пунктахъ отступаютъ отъ миѣній своихъ учредителей. Большая часть еретиковъ не имѣютъ даже церквей: они блуждаютъ и странствуютъ, не имѣя ни матерн, ни вѣры, ни пристанища.

XLIII. Они равномѣрно обличаются въ связяхъ съ Магиками, шарлатанами, астрологами, философами, со всѣми людьми, одержимыми необузданнымъ любопытствомъ. Они никогда не забываютъ словъ сихъ: *ищите и обрящете*. По правамъ ихъ можно судить и о ихъ вѣрѣ. Они увѣряютъ, что не надобно бояться Бога; а потому и живутъ въ величайшемъ своевольствѣ.

Но гдѣ люди не боятся Бога, какъ не тамъ, гдѣ Его нѣтъ? А гдѣ нѣтъ Бога, тамъ нѣтъ и истины, и гдѣ истины нѣтъ, тамъ должны являться подобныя секты. Напротивъ того гдѣ Богъ, тамъ и страхъ Божій, начало премудрости Божіей; а гдѣ страхъ Божій, тамъ и приличная степень, и строгая точность, и бдительная старательность, и просвѣщенный выборъ, и обдуманное общеніе, и заслуженное повышеніе, и скромность въ публикѣ, и единеніе Церкви, и повсемѣстно Богъ.

XLIV. Сіе твердое и доблественное благочиніе есть послѣднее доказательство истины нашей вѣры. Тотъ ненарушимо останется прилѣпленъ къ сей вѣрѣ, кто помнитъ тотъ страшный будущій день, когда всѣ мы предстанемъ на судъ къ Іисусу-Христу для отдачи отчета во всемъ, особенно въ нашей вѣрѣ.

Что вы тогда отвѣчать будете, вы, осквернившіе блудомъ ереси дѣвственную вѣру, ввѣренную вамъ Іисусомъ-Христомъ? Скажете ли въ свое извиненіе,

что ни Онъ ни Апостолы Его не предвозвѣстили вамъ о появленіи сихъ *лестничъ духовъ и ученій бгсовскихъ въ послѣднія времена* (I. Тим. IV, 1), и не повелѣли вамъ ихъ убѣгать и проклинать? Признайтесь прямодушно, что вамъ не останется иного, какъ обвинить самихъ себя, и что нисколько вы не оправдаете себя тѣми, которые столь заблаговременно васъ о томъ предъувѣдомили.

Но вы не упустите представить предлоги къ поддержанію авторитета учителей ересей. Они предъявили, скажете вы, самыя блистательныя доказательства своей миссіи: они излѣчивали больныхъ, воскрешали мертвыхъ, предсказывали будущее, такъ что не возможно было усомниться, чтобъ они не были истинными Апостолами, какъ будто бы не было предвозвѣщено, что появятся многіе соблазнители, которые сотворягъ чудеса для убѣжденія въ ложномъ и вредномъ ученіи. Но и тутъ, все ли справедливо то, что вы про нихъ говорите?

Вы вѣроятно помиловапы будете, между тѣмъ какъ люди, внимавшіе Господу и Апостоламъ Его, и пребывшіе до конца въ православной вѣрѣ, подвергнутся опасности лишиться спасенія. Вамъ вѣроятно скажетъ Господь: хотя Я и возвѣстиялъ, что придутъ лживые учителя во имя Мое, во имя Моихъ пророковъ и Апостоловъ, хотя Я и повелѣлъ ученикамъ Моимъ повторять тѣже предсказанія, хотя и ввѣрилъ Моимъ Апостоламъ Евангеліе и символъ вѣры; но какъ вы отказались повѣрить тому: то я разсудилъ послѣ сего сдѣлать въ томъ перемѣны. Я обѣщаль воскресеніе тѣлъ; но побоялся, могу ли исполнить Свое обѣщаніе. Я показаль, что родился отъ дѣвы Маріи; но теперь устыдился такого рожденія. Я увѣрять, что Творецъ міра Мой Отецъ; но лучшей отецъ Меня усыно-

вилъ. Я запретилъ вамъ слушать еретиковъ; но въ томъ ошибся.

Вотъ въ какихъ безразсудствахъ и богохульствахъ могутъ упрекаемы быть тѣ, которые удаляются отъ правила вѣры, и не берегутся утратить вѣру.

Мы представили оружіе для борьбы не съ одною какою либо, но со всѣми вообще ересями, мы предъявили неопровержимыя доказательства, что еретики никогда не должны допускаемы быть къ состязаніямъ о священномъ Писаніи. Да почіетъ миръ и благодать Господа нашего Іисуса-Христа на всѣхъ тѣхъ, кто читать будетъ сіе сочиненіе въ духѣ вѣры и истинной Христіанской Религіи!

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

О СВИДѢТЕЛЬСТВѢ ДУШИ (*).

I. Много времени, памяти и изученія потребовалось бы для извлеченія изъ языческихъ писателей, поэтовъ и философовъ разбросанныхъ ихъ мнѣній, свидѣтельствующихъ о Христіанскихъ истинахъ, дабы воспользоваться ими къ пораженію противниковъ нашихъ собственнымъ ихъ оружіемъ и къ обличенію нашихъ гошителей въ ихъ заблужденія и печестія. Многіе Христіане, предавшись изученію древней литературы, составили уже на сей счетъ нѣсколько небольшихъ книгъ. Она исчерпали источники древнихъ преданій, разобрали основныя правила языческой мудрости, и достаточно доказали, что въ ученіи нашемъ нѣтъ ничего ни страннаго ни опаснаго. Но языческая литература сія, сколь она ни обща всѣмъ религіямъ, не можетъ заслуживать ни малѣйшаго одобренія, какъ скоро мы захотимъ основательно опровергнуть какое либо заблужденіе или постановить новую какую либо истину. Сколько бы язычники ни перебирали своихъ писателей, сколько бы имъ ни удивлялись; но упорство ихъ въ невѣріи таково, что они перестаютъ имѣть къ нимъ даже и довѣріе, когда откроютъ въ нихъ доводы

(*) Сочинена въ 217 году по Р. Х.

въ пользу нашей вѣры. Они обвиняютъ поэтовъ своихъ въ легкомысліи, читая описываемыя ими приключенія и человѣческія страсти ихъ боговъ. Они упрекаютъ философовъ своихъ въ невѣжествѣ, когда случится симъ послѣднимъ приблизиться нѣсколько къ порогу истины. Они до того ослѣплены, что считаютъ мудрымъ и благоразумнымъ только того, кто станетъ говорить противъ Христіанъ, а глупымъ человѣкомъ и Христіанномъ того, кто столько уменъ, что вздумалъ бы отвергать суетныя церемоніи и бороться съ заблужденіями вѣка сего. И такъ мы не будемъ заниматься языческою литературою, не войдемъ въ пустыя теоріи о счастіи, которымъ люди вѣрятъ тогда только, когда онѣ ложны. Если нѣкоторые философы говорили о единомъ Богѣ, тѣмъ лучше для нихъ: это ихъ дѣло. Мы не станемъ даже приводить здѣсь ничего изъ Христіанскихъ книгъ, потому что міръ не знаетъ, о чемъ въ нихъ говорится, а кто и знаетъ, тотъ можетъ тому не повѣрить. Книги наши не имѣютъ авторитета въ мірѣ, до того, что тотъ только ихъ и читаетъ, кто Христіанинъ. По всѣмъ симъ причинамъ я намѣренъ теперь обратиться къ новому свидѣтельству, которое извѣстише всѣхъ книгъ, безопасше всякаго ученія, публичше всѣхъ возгласовъ, выше всякаго человѣка, потому что оно собственно человека и составляетъ.

Явись на судъ, о душа человѣческая! Если ты божественна и вѣчна, какъ говорятъ извѣстные философы: то ты не въ состояніи лгать. Если ты не божественна и не вѣчна, какъ одинъ *Эпикуръ* смѣетъ утверждать: то ты равномерно не должна лгать, происходишь ли отъ неба или отъ земли, составляешь ли смѣсь чиселъ или атомовъ, раждаешься ли съ тѣломъ или послѣ въ негоходишь, заимствуешь ли изъ дру-

гихъ какихъ мѣсть ту таинственную силу, которая дѣлаетъ человѣка разумнымъ животнымъ, способнымъ *чувствовать и познавать*. Но призывая тебя, я не хочу видѣть тебя подъ личиною педантскаго существа, образованнаго въ школахъ, изощреннаго чтеніемъ древнихъ книгъ, и всегда готоваго изрыгать хульные права Академіи или знаменитаго Портика. Иѣтъ! Явись къ намъ во всей грубости твоей первоначальной простоты, явись въ видѣ варварскомъ и невѣжественномъ, въ такомъ видѣ, какой имѣютъ тѣ, которые одной тобою обладаютъ. Чтобъ отвѣчать мнѣ, оставь на время и улицу и перекрестокъ и даже мастерскую. Я имѣю нужду въ твоёмъ невѣжествѣ, потому что люди не хотятъ вѣрить тебѣ, какъ скоро ты научена чему нибудь. Скажи мнѣ, какія понятія приносишь ты человѣку, приходишь ли изъ собственной своей сущности, или обязана сю неизвѣстному тебѣ виновнику бытія твоего. Ты, сколько знаю я, не Христіанская душа: хотя ты и можешь сдѣлаться такою, по родясь, не имѣешь вѣры нашей. Нынѣ Христіане требуютъ свидѣтельства твоего противъ тѣхъ, которые такіе же не Христіане, какъ и ты, на тотъ конецъ, дабы ты заставила ихъ устыдиться, что они насъ преслѣдуютъ и обращаютъ въ смѣхъ по причинѣ тѣхъ самыхъ истинъ, которыми они пользуются, какъ и мы, обладая тобою.

II. На насъ нападаютъ за то, что мы проповѣдуемъ единаго Бога, сотворшаго все, управляющаго всѣмъ. Отзовись и скажи намъ, что ты знаешь на сей счетъ. Что намъ запрещается возвѣщать, то часто слышимъ мы отъ тебя. Часто ты свободно и громко говоришь: *что Богъ дастъ, какъ Богу угодно*. Иѣтъ сомнѣнія, что ты, произнося слово Богъ, соединяешь съ нимъ понятіе о иѣкомъ существѣ, отъ котораго желаешь получить помощь или силу, и отъ воли ко-

того хочешь зависѣть. Но приписывая ему одному имя Бога, ты отвергаешь божество называемыхъ тобою собственными именами боговъ Сатурна, Юпитера, Марса, Минервы и пр. Называя Его просто Богомъ, ты вѣрно признаешь Его за единого Бога, не думая смѣшивать Его съ какимъ либо другимъ богомъ, такъ что именуя иногда другихъ богами, ты кажется употребляешь слово сіе, какъ бы чужестранную монету, какъ бы нѣчто такъ сказать заимобразное. Самое естество Бога нашего тебѣ по видимому не безъизвѣстно. *Богъ милостивъ, Богъ благодворитъ*, твердишь ты неперестанно. Это все равно, какъ бы ты говорила: зло происходитъ отъ человѣка, человѣкъ золь. А какъ всякое предложеніе должно быть относительное: то ты, признавая человѣка злымъ, показываешь чрезъ то, что онъ удаленъ отъ Бога, источника всѣхъ благъ. Когда мы Христіане хотимъ кого либо избрать нашихъ благословить и пожелать ему всякаго счастья: то благочиніе или обыкновеніе наше требуетъ, чтобы мы дѣлали то во имя нашего Бога. Между тѣмъ ты, не слѣдуя никакому закону, произносишь: *Боже тебя благослови*, столько же естественно, какъ ирилично и Христіанину. Благословеніе есть изреченіе: когда ты изрекаешь имя Бога, то тѣмъ самымъ показываешь, что всемогущество Божіе надъ ними исполняется чрезъ изреченіе, чрезъ слово; въ чемъ ты совершенно съ нами согласишься. Есть люди, которые, не отвергая бытія Бога, отъемлютъ у Него способность разбирать, судить, хотѣть. Въ семъ отношеніи они различествуютъ отъ насъ, потому что мы исповѣдуемъ ученіе наше изъ страха къ суду Его, почитая страхъ Божій за одинъ изъ Его атрибутовъ. Они мечтаютъ имѣть возвышеннѣйшее понятіе о Богѣ, лишая Его способности видѣть и судить, и утвер-

ждая, что Онъ не можетъ гнѣваться. Если бы Богъ гнѣвался, говорятъ они: то Онъ былъ бы вострастенъ, то есть, одержимъ страстью, и слѣдовательно измѣнчивъ и преходчивъ; если же бы былъ измѣнчивъ и преходчивъ: то могъ бы подверженъ быть и смерти; о чемъ безразсудно и помыслить. Но сн же самые философы довольно безтолковы, сознаваясь, что душа происходитъ отъ Бога; чѣмъ самымъ принуждены принимать и уважать свидѣтельство души своей, испровергающее всѣ ихъ умствованія; ибо если душа божественна и происходитъ отъ Бога: то она вѣрно должна знать Того, кто даровалъ ей существо, а знаяши Его, она Его боится, какъ Отца. Да и въ самомъ дѣлѣ не значитъ ли бояться Его, когда душа хочетъ получить отъ Него милость или удалитъ отъ себя гнѣвъ Его? Но для чего природа вселила въ душу страхъ Божій, когда бы Богъ не могъ гнѣваться? Чего бояться, если не гнѣва? Откуда гнѣвъ, если не отъ оскорбленія? А гдѣ оскорбленіе: не предполагается ли тамъ судъ, и при производствѣ суда могущество? Кому же принадлежитъ верховное могущество, какъ не единому Богу? Вотъ что говорятъ намъ душа наша во всякое время, на всякомъ мѣстѣ, и никто не думаетъ въ томъ ни мѣшать ей ни смѣяться надъ нею: *Богъ видитъ, да сохранитъ тебя Богъ, Богъ да воздастъ тебѣ, да будетъ Богъ судьей между нами.* — Скажи мнѣ, душа не Христіанская, откуда берутся у тебя всѣ подобныя изреченія? Замѣть, что онѣ вырываются у тебя часто въ то даже время, когда ты ооясываешься повязкою Цереры, надѣваешь на себя багряную мантию Сатурна или льняную робу богини Изиды. Въ самыхъ храмахъ боговъ твоихъ, у погъ твоего Эскулапа, на колѣняхъ передъ воздушною Юноною или передъ Минервою, украшенною отъ тебя

чернымъ шлемомъ, ты ищешь правосудія не у сихъ боговъ. Въ судилищѣ просишь ты о назначеніи другаго судьи, а въ храмахъ боговъ твоихъ призываешь другаго Бога. — О какъ ты, истина, могущественна! Въ обиталищѣ демоновъ ты исторгаешь отъ безумныхъ ихъ поклонниковъ свидѣтельство въ пользу Христіанскаго ученія.

III. Но за чѣмъ приедемъ мы Христіане существованіе демоновъ? Конечно не для того, чтобы быть ихъ поборниками, потому, что одни мы умѣемъ изгнать ихъ изъ тѣлъ бѣснующихся. Нѣкто изъ учениковъ *Хризиппа* насмѣхается надъ сими событіями; но зорѣчіе твое, безумецъ, и доказываетъ, что ты имъ вѣришь, хотя ихъ и порицаешь. Ты самъ называешь демономъ человѣка, исполненнаго злобы, гордости, нечистоты и всѣхъ другихъ сквернъ, которыя мы приписываемъ демонамъ, почитаемымъ нами за существа, заслуживающія всей нашей ненависти. Ты стало быть произносишь имя сатаны съ презрѣніемъ и омерзѣніемъ, подобно Христіанамъ, именующимъ его злымъ ангеломъ искушителемъ, который съ самаго начала ввелъ человѣка въ грѣхъ, и подвергъ его и все его племя осужденію на смерть, потому что не могъ передать имъ ничего иного, кромѣ падшей природы. Стало быть ты скрытно, но неволѣ признаешь того, кто тебя губитъ. Христіане различныхъ церквей также признаютъ его, но гораздо съ большимъ знаніемъ дѣла, нежели ты. Впрочемъ ты ненавидишь его; слѣдовательно его признаешь.

IV. Обращаюсь теперь къ тому, что касается собственно до тебя, душа человѣческая. Дѣло идетъ о твоей участи. Мы утверждаемъ, что ты должна пережить смертную твою оболочку, дабы выждать суднаго дня, и тогда будешь наказана или награждена

на вѣки за свои дѣла. Для наслажденія или страда-
 нія необходимо нужно будетъ тебѣ воспріять свое тѣ-
 ло, свои чувства, свою память. Не лзя тебѣ ни на-
 слаждаться ни страдать безъ чувствованія, которое
 есть принадлежность твоей сущности, и ты не можешь
 быть судима безъ тѣла, бывшаго и свидѣтелемъ и со-
 участникомъ твоихъ погрѣшностей. Таковое вѣрованіе
 гораздо благороднѣе *Пифагорова*, потому что оно не
 превратитъ тебя въ звѣря; гораздо совершеннѣе *Пла-
 тонова*, потому что возвратитъ тебѣ тѣло, и чрезъ то
 составитъ все твое цѣлое; гораздо утѣшительнѣе *Эпи-
 курова*, потому что оградитъ тебя отъ уничтоженія.
 Но между тѣмъ люди считаютъ вѣрованіе сіе суетой,
 глупостію, хвастовствомъ. Мы однакожъ не устыдимся
 его, если ты подкрѣпишь его своимъ свидѣтельствомъ.
 Вникнемъ въ дѣло. Когда рѣчь у тебя идетъ о мер-
 твомъ ты называешь его несчастнымъ, не потому вѣ-
 роятно, что онъ лишенъ жизни, но что ты считаешь
 его осужденнымъ и какъ бы уже наказаннымъ; ино-
 гда говоришь ты также, что мертвые блаженны и упо-
 коены. Стало быть ты признаешь иногда, что жизнь
 бываетъ въ тягость; а смерть приносить счастье. Но
 когда называешь ты мертвыхъ блаженными? Тогда
 ли, какъ идешь къ костру, съ пирогами и другими
 лакомствами, чтобы въ честь ихъ повеселиться, или
 какъ возвращаешься съ похороиъ пѣсколько уже въ
 нетрезвомъ видѣ? Во время похороннаго праздника
 покойники считаются какъ бы сидящими за столомъ,
 въ числѣ гостей, и совѣстно кажется называть несча-
 стными тѣхъ, въ честь которыхъ бываетъ такой слав-
 ный пиръ. Но я ссылаюсь на тебя. Находясь вдали
 отъ мертвыхъ, натошакъ, не изъявляешь ли ты не-
 прииужденно мнѣнія твоего, называя ихъ несчастны-
 ми? Почему же они несчастны, когда ничего не чув-

ствуютъ? А если ты считаешь ихъ дѣйствительно ничего не чувствующими: то почему иногда ихъ проклинаешь? *Чтобъ земля ихъ раздавила, чтобъ кости ихъ переломались въ адъ*, говоришь ты. Съ другой стороны, когда ты желаешь имъ добра, то ихъ благословляешь, и хочешь, чтобы прахъ ихъ былъ успокоенъ. Если не останется у тебя никакого чувства по смерти: то за чѣмъ тебѣ такъ лгать вопреки своей природѣ, зачѣмъ предполагать въ покойникахъ удовольствія или скорби, за чѣмъ бояться смерти, послѣ которой нечего уже тебѣ ни бояться ни испытывать? Знаю я, что ты мнѣ на это отвѣчать будешь, то есть, что если ты боишься смерти, то боишься ее не потому, чтобъ она была сама по себѣ зло, но что страшнѣе прерванія жизни и ея наслажденій. Но когда во время жизни предстоитъ тебѣ болѣе скорби и печали, нежели удовольствія: то пресѣченіе сего послѣдняго съ избыткомъ вознаграждается прерваніемъ всѣхъ твоихъ бѣдствій. Не должно бояться такого происшествія, которое освобождаетъ насъ отъ всякой боязни. Если ты сожалѣешь о жизни, доставлявшей тебѣ добро, то не должно бояться и смерти, не почитая ее зломъ; если же ее боишься, то признаешь ее за несчастіе. Не такъ было бы все это, когда бы ты не предвидѣлъ, что послѣ смерти угрожаетъ тебѣ какое-то несчастіе. Я не стану говорить здѣсь объ общемъ законѣ природы, что всякое существо боится только того, чего можно избѣгнуть, потому что никакое чувство не бываетъ безъ цѣли.

Приступаю теперь къ другому предмету, къ предмету надежды на будущее блаженство. Всѣ почти люди имѣютъ желаніе оставить по себѣ имя. Стоитъ только привести здѣсь въ примѣръ *Курціевъ, Регуловъ*, и другихъ Греческихъ и Римскихъ героевъ, которыхъ

потомство превознесло за то, что они счастливою жизни предпочли славную смерть. Кто изъ насъ и теперь не старается пережить себя или литературною славою, или отлочно хорошими нравами, или же наконецъ пышностію своихъ мавзолеевъ? Какимъ образомъ душа могла бы привязываться къ чему либо такому, что стоитъ ей столько трудовъ, и чѣмъ кажется хочетъ позже воспользоваться, если бы она рѣшительно ничего не знала о своей будущности? Но можетъ быть впрочемъ люди довольно расположены къ тому, чтобы по смерти явилась способность чувствовать; а противна имъ только идея о воскресеніи, которую они ставятъ намъ въ предразсудокъ. Я напротивъ того скажу, что душа сама даже предсказываетъ воскресеніе. Посмотрите, какъ часто случается, что когда кто придетъ спросить вѣстей объ умершемъ во время отсутствія его другъ, то ему иногда какъ будто не хотя отвѣчаютъ: онъ ушелъ, скоро воротится.

V. Сія свидѣтельства души тѣмъ болѣе вѣроятны, что обыкновенно бываютъ весьма просты. Простота дѣлаетъ ихъ народными; а такъ какъ чѣмъ болѣе онѣ народны, тѣмъ болѣе бываютъ всеобщы: то всеобщность ихъ доказываетъ, что онѣ естественны, и слѣдовательно въ нѣкоторомъ смыслѣ божественны.— Вмѣсто того, чтобъ обвинять насъ въ легкомысліи и глупости, лучше бы вамъ помыслить о величій природы, отъ которой происходитъ авторитетъ души. Вы не можете отказать воспитанницѣ въ томъ вѣрованіи, котораго удостоиваете воспитательницу. Природа есть воспитательница, а душа воспитанница ея: все, чему учить первая, чему научается послѣдняя, происходитъ отъ Бога, который есть Учитель и самой природы. Тебѣ, человекъ, предоставляется вопрошить душу, сущую въ тебѣ; она тебѣ скажетъ, чему она научена

отъ Бога, перваго своего Учителя. Изучись познать душу, посредствомъ которой познаешь ты всѣ вышнія вещи, и ты откроешь въ ней гадательницу, авгура и пророчицу. Ничего нѣтъ удивительнаго, что душа, исходящая отъ Бога, умѣетъ предсказывать будущее. Когда даже окружена она сѣтями, непрерывно разставляемыми ей духомъ зла, она всегда вспоминаетъ о своемъ Создателѣ, о Его благодати, о заповѣдяхъ Его и о цѣли своего существованія. Не дивно, что сія дочь Божія въ состояніи воспѣвать чудеса, которыя Богъ открываетъ ближнимъ Своимъ. Люди, не признающіе въ сихъ звукахъ, исходящихъ отъ души, несомнѣннаго гласа природы, мечтаютъ, что это не иное что, какъ фальшивыя изреченія, которыя, будучи первоначально введены литераторами, въ послѣдствіи вкрались мало по малу въ народный языкъ. Душа старше слова, а слово старше письма; мысль предшествуетъ сочиненію, равно какъ человѣкъ предшествуетъ философу и поэту. Развѣ можно полагать, что прежде изобрѣтенія письменъ люди жили на землѣ, не употребляя никогда подобныхъ изреченій? Не ужели некто тогда не говорилъ ни о Богѣ, ни о благодати Его, ни о мертвыхъ, ни объ адѣ? Не ужели языкъ былъ тогда очень бѣденъ, или лучше сказать не было языка, если вы думаете, что въ немъ не доставало всего того, что дѣлаетъ нынѣшній языкъ богатымъ, легкимъ и плавнымъ, и что прежде рожденія Меркурія и появленія литературы люди совершенно не пользовались сими изреченіями, которыя приходятъ какъ бы естественно, и непрерывно бывають у всѣхъ на языкѣ? Какъ можете вы полагать, чтобы какой либо писатель въ состояніи былъ выдумать и разгласить такія идеи и слова, которыхъ до него никакой умъ не постигалъ, никакія уста не произносили, ни-

какое ухо не слыхало? Впрочемъ если бы душа и почерпнула все сіе изъ книгъ, то вѣрно изъ нашихъ, а не изъ вашихъ, потому что книги, переданныя намъ Іудейскимъ народомъ, къ которому мы какъ бы привились, многими вѣками предшествуютъ всякой языческой литературѣ, какъ уже выше о томъ упомянуто. Слѣдственно гораздо благоразумнѣе полагать, что человѣческой душѣ причинѣе было почерпать идеи изъ первоначальнаго источника, чѣмъ изъ ручьевъ, изъ него исходящихъ. Весьма вѣроятно, что изреченія сіи, попадающіяся тамъ и сямъ въ вашей литературѣ, выписаны изъ нашихъ книгъ, гдѣ опѣ давно уже находились. Но принимая даже, что душа могла говорить такъ, руководствуясь вашими писаніями; все же вѣрно то, что намъ принадлежитъ происхожденіе всѣхъ сихъ преданій, хотя вы отъ времени до времени и выкрадывали отъ насъ, что вамъ нужно было. Не все ли же равно, что душа получала познанія свои прямо отъ Бога или почерпала ихъ изъ святыхъ Его книгъ? Безумно было бы предполагать, что человѣкъ могъ въ твореніяхъ рукъ человѣческихъ находить вообще или частно такія понятія, которыя предшествуютъ всякой человѣческой литературѣ.

VI. И такъ ты можешь въ семъ случаѣ положиться или на свою литературу, происходящую отъ нашей, или на нашу литературу, втекающую отъ Бога, или же особенно на природу, познавая ее чрезъ свидѣтельство души. Избери одну изъ сихъ трехъ родныхъ дочерей, прибѣгни къ авторитету или Бога или человека или природы, къ тому авторитету, какой тебѣ покажется вѣроятнѣйшимъ. Если ты недовѣряешь ученію человѣческому: то конечно не усомнишься въ Богѣ и въ природѣ. Довольно для тебя слышать гласъ души твоей: внимая ему, внимаешь ты самому себѣ.

Ты долженъ уважать свою душу, потому что ей обязанъ тѣмъ, что ты есть. Ты для нея все, равно какъ и она все для тебя. Безъ нея ты не можешь ни жить ни умереть, и ради ея небрежешь ты часто о Богѣ. Если ты боишься сдѣлаться Христіаниномъ: то спроси ее, зачѣмъ она призываетъ единого Бога, когда ты поклоняешься многимъ; за чѣмъ называетъ она демонами злыхъ духовъ, проклинаемыхъ ею. Она тебѣ скажетъ, за чѣмъ благословляетъ она небо, и проклинаетъ землю, за чѣмъ ищетъ Судію и Владыку своего въ другомъ мѣстѣ, а не въ твоихъ храмахъ. Она наставитъ тебя, откуда берутся у нея идеи о состояніи мертвыхъ, и почему говорятъ она весьма естественно языкомъ Христіанъ, которыхъ не хочешь ты ни видѣть ни слышать. Спроси ее, почему она самихъ насъ научила сему языку, или зачѣмъ отъ насъ переняла его. Разсмотри самъ, какъ сходны слова наши съ твоими, хотя правы наши и твои различны. Ты очень ошибешься, если предположишь, что изреченія сіи употребляются только на Латинскомъ или Греческомъ языкѣ, и отвергая такимъ образомъ ихъ всеобщность, станешь утверждать, что они по тому самому не естественны. Богъ даровалъ душу не однимъ Римлянамъ и Грекамъ. Весь родъ человѣческой носитъ имя чело-вѣка. Душа всюду одинакова: языкъ только различенъ. Каждый народъ имѣетъ особый свой языкъ; но первоначальныя коренныя понятія у всѣхъ народовъ общія. Богъ повсюду: Онъ наполняетъ всю вселенную благостию Своею. Діаволь также повсюду, и весь міръ свидѣтельствуетъ о его злобѣ. На всѣхъ языкахъ призывается имя Божіе; у всѣхъ народовъ не безызвѣстна смерть: вездѣ являются Божіе чудеса. Повсемѣстно душа пользуется своими правами, громко провозглашая то, о чемъ едва на ухо позволено намъ гово-

рять. И такъ по всей справедливости я полагаю, что душа вмѣстѣ и свидѣтельница и преступница: будучи преступна въ заблужденіи, она носитъ въ себѣ свидѣтельство истины; и когда предстанетъ иѣкогда на судъ Божій, то въ оправданіе свое не смѣетъ ничего сказать. Ты знала Бога твоего, сказано ей будетъ, и не искала Его; ты имѣла омерзѣніе къ демонамъ, и боготворила ихъ; ты обращалась къ суду Божию и не хотѣла явно признавать Его существованія; ты предвидѣла казни адскія, и ничего не дѣлала къ отклоненію ихъ отъ себя; Христіанская истина была врождена въ тебѣ, и ты воздвигала гоненія на Христіанъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Е. П. Павловъ.

